

Содержание

<i>Введение</i>	2
Часть 1	
Остановить мир	
<i>Глава 1. Подтверждения от мира вокруг нас</i>	11
<i>Глава 2. Стирание личной истории</i>	22
<i>Глава 3. Потеря самозначительности</i>	32
<i>Глава 4. Смерть-советчик</i>	42
<i>Глава 5. Принятие ответственности</i>	54
<i>Глава 6. Стать охотником</i>	67
<i>Глава 7. Быть недоступным</i>	81
<i>Глава 8. Разрушение распорядков жизни</i>	96
<i>Глава 9. Последняя битва на земле</i>	105
<i>Глава 10. Стать доступным силе</i>	118
<i>Глава 11. Настроение воина</i>	137
<i>Глава 12. Битва силы</i>	157
<i>Глава 13. Последняя остановка воина</i>	178
<i>Глава 14. Походка силы</i>	198
<i>Глава 15. «Неделание»</i>	228
<i>Глава 16. Кольцо силы</i>	251
<i>Глава 17. Достойный противник</i>	267
Часть 2	
Путешествие в Икстлан	
<i>Глава 18. Кольцо силы магов</i>	284
<i>Глава 19. Остановка мира</i>	302
<i>Глава 20. Путешествие в Икстлан</i>	313

Введение

В субботу, 22 мая 1971 года я вновь отправился в мексиканский штат Сонора на очередную встречу с доном Хуаном Матусом – магом из племени яки. Мы были знакомы с 1961 года. Я думал, что эта встреча ничем не будет отличаться от множества предыдущих визитов за десять лет моего ученичества. Однако события, последовавшие за ней, оказались для меня важными, поскольку ознаменовали окончание учебы. Причем это не было с моей стороны произвольным уходом, а реальным ее окончанием.

Описанию процесса обучения посвящены две предыдущие книги – «Учение дона Хуана» и «Отдельная реальность».

При их написании я исходил из предположения, что ключевыми пунктами в обучении магии являются состояния необычной реальности, вызванные употреблением психотропных растений.

Дон Хуан был специалистом в использовании трех таких растений: дурмана обыкновенного (*datura innoxia*), кактуса пейота (*lophophora willamsii*) и галлюциногенного гриба (*genus psilocybe*).

Под их воздействием восприятие мира становилось настолько причудливым и впечатляющим, что я поневоле пришел к выводу: состояния необычной реальности – единственный путь к постижению и освоению того знания, которое пытался передать мне дон Хуан.

Однако я ошибался.

Чтобы исключить возможность какой-либо путаницы относительно моей работы с доном Хуаном, я хотел бы сказать, что я никогда не предпринимал никаких попыток соотнести дона Хуана с какой-либо социально-культурной средой. Себя он считает индейцем яки, однако это отнюдь не означает, что система известных ему

знаний является достоянием всего племени яки или только ими практикуется.

Говорили мы по-испански, и только благодаря тому, что он в совершенстве владел этим языком, мне удалось получить сложные объяснения его системы верований.

Я называл эту систему магией, а дона Хуана – магом, поскольку именно такими категориями пользовался он сам.

В начале ученичества мне удавалось записывать большую часть того, что говорил дон Хуан, а потом уже, на более поздних этапах, – вообще практически все. Поэтому за годы обучения у меня накопились целые кипы блокнотов, заполненных полевыми записями. Для того чтобы представить эти заметки в удобочитаемой форме и в то же время сохранить драматическое единство уроков дона Хуана, мне пришлось отредактировать их, но исключенное мной, я полагаю, не является существенным с точки зрения того, что я хотел осветить.

Работая с доном Хуаном, я относился к нему только как к магу. Соответственно мои усилия сводились лишь к тому, чтобы приобщиться к его системе магических знаний.

В целях представления своей аргументации я, во-первых, должен начать с объяснения основной предпосылки магии в том виде, как она была представлена мне доном Хуаном. Он сказал, что для мага мир не является реальным или находящимся снаружи¹, как мы считаем. Для мага мир, известный нам всем, является лишь описанием.

Чтобы придать действенность этой предпосылке, дон Хуан сконцентрировал свое главные усилия на том, чтобы привести меня к ясному убеждению в том, что все, удерживаемое мной в уме в качестве окружающего меня мира, было просто описанием, которое вкладывалось в меня с момента рождения.

¹Out there

Он отметил, что каждый входящий с ребенком в контакт, является учителем, непрерывно описывающим ему мир, до того момента, когда ребенок становится способным воспринимать этот мир так, как он описывается. Согласно дону Хуану у нас отсутствует память об этом необыкновенном моменте, потому что ни у кого из нас не может быть ориентира для того, чтобы сравнить этот момент с чем-либо другим. С этого момента, тем не менее, ребенок становится членом. Он знает описание мира. Я полагаю, его членство становится законным тогда, когда он становится способным делать все надлежащие интерпретации восприятия, которые путем подтверждения этого описания придают ему законную силу.²

Таким образом, с точки зрения дона Хуана, реальность нашей повседневности состоит из бесконечного потока интерпретаций восприятия, которые мы, отдельные люди, разделяющие определенное членство, научились делать совместно.

Представление о том, что интерпретации восприятия, составляющие мир, следуют потоком, находится в согласии с тем фактом, что они идут непрерывно, и редко, если когда-либо, ставятся под сомнение. Фактически реальность мира, который мы знаем, принимается настолько сама собой разумеющейся, что основная предпосылка магии, состоящая в том, что наша реальность является всего лишь одним из многих описаний, с трудом может быть принята в качестве серьезного утверждения.

К счастью, в случае моего ученичества, дон Хуан совершенно не заботило, мог ли я принять его утверждение всерьез, и он продолжал разъяснять свои позиции вопреки моему несогласию, неверию и моей неспособности принять то, о чем он говорил. Таким образом, как учитель магии, дон Хуан пытался описывать мне мир с момента нашего первого разговора. Мои сложности в схватывании его концепций проистекали из того, что элементы его описания являлись чуждыми и несовместимыми с моими собственными.

Он заявлял, что учит меня тому, как «видеть», в противоположность тому, чтобы просто смотреть и что «остановка мира» являлась первым шагом к видению.

² validate it – делают его действительным, значимым, обоснованным

Все эти годы я считал «остановку мира» лишь загадочной метафорой, реально не значащей ничего. И только ближе к концу своего ученичества, во время постороннего разговора, я действительно осознал ее размах и значимость как одного из основных положений знания дона Хуан.

Мы с доном Хуаном просто сидели и болтали о том о сем, и я рассказал ему об одном из своих приятелей, у которого были серьезные проблемы с девятилетним сыном. Последние четыре года мальчик жил с матерью, а потом отец забрал его к себе и сразу же столкнулся с вопросом: что делать с ребенком? По словам моего друга, тот совершенно не мог учиться в школе, потому что его ничто не интересовало, и, кроме того, у мальчика совершенно отсутствовала способность к сосредоточению. Часто ребенок без видимых причин раздражался, вел себя агрессивно и даже несколько раз пытался сбежать из дома.

– Да, – и впрямь – проблема, – усмехнулся дон Хуан.

Я хотел, было еще кое-что рассказать ему о «фокусах» ребенка, но дон Хуан меня прервал.

– Не нужно больше говорить об этом бедном малыше. Ни тебе, ни мне не стоим осуждать его поступки.

Сказано это было довольно резко и твердо. Но затем дон Хуан улыбнулся.

– Но что же все-таки делать моему приятелю? – спросил я.

– Худшее, что он может сделать, – это заставить ребенка согласиться с ним, – сказал дон Хуан.

– Что ты имеешь в виду?

– Он ни в коем случае не должен пугать или шлепать мальчика, когда тот ведет себя не так, как того хочет отец.

– Да, но если не проявить твердость, как же тогда хоть чему-нибудь научить ребенка?

– Пусть твой приятель сделает так, чтобы ребенка отшлепал кто-то другой.

Предложение дона Хуана меня удивило.

– Да ведь он не позволит никому даже пальцем до него дотронуться!

Моя же реакция ему определенно понравилась. Он усмехнулся и сказал:

– Твой друг – не воин. Будь он воином, ему было бы известно, что ничего не может быть хуже прямого противостояния человеческим существам.

– А что в таких случаях делает воин, дон Хуан?

– Воин действует стратегически.

– Все равно я не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

– А вот что: если бы твой друг был воином, он помог бы сыну остановить мир.

– Каким образом?

– Для этого ему потребовалась бы личная сила. Он должен быть магом.

– Но он ведь не маг.

– В таком случае для того, чтобы помочь сыну изменить свое представление о мире, он должен использовать обычные способы. Это не остановка мира, но сработает это точно так же.

Я попросил объяснить. Дон Хуан сказал:

– На месте твоего друга я бы нанял кого-нибудь, чтобы тот отшлепал парнишку. Порыскал бы хорошенько по трущобам и нашел бы там мужчину как можно более жуткой наружности.

– Чтобы тот испугал малыша?

– Не просто напугал мальчика, ты глупец. Этот маленький мальчик должен быть остановлен, а битье отца к этому не приведет. Если кто-то хочет остановить близкого ему человека, он всегда должен находиться снаружи круга и давить на него. Тогда он всегда сможет этим давлением управлять.

Идея показалась мне нелепой, но что-то в ней было.

Дон Хуан сидел, положил левую руку на ящик, служивший столом, подперев ладонью подбородок. Глаза его были закрыты, но под веками двигались глазные яблоки. Я чувствовал, что он смотрит на меня сквозь веки. Эта мысль испугала меня.

– Расскажи мне подробнее о том, что мой друг должен сделать с ребенком, – сказал я.

– Пусть отправится в трущобы и тщательно выберет безобразного бродягу, – продолжал он. – Пусть возьмет молодого, в котором еще осталась какая-то сила.

Затем дон Хуан изложил довольно странный план, которому должен следовать мой приятель. Нужно сделать так, чтобы во время очередной прогулки с ребенком нанятый тип следовал за ними или поджидал их в условленном месте.

При первом же проступке сына отец подаст знак, бродяга выскочит из засады, схватит мальчика и отлупит как следует.

– А потом пусть отец как сможет успокоит мальчика и поможет ему прийти в себя. Я уверяю тебя, что если отец повторит эту процедуру три или четыре раза, чувства ребенка по отношению ко всему изменятся. Отец изменит его представление о мире.

– А что если испуг повредит ему?

Испуг никогда никому не вредит. Если что и калечит наш дух – то это как раз постоянные придирки, оплеухи и указания, что нужно делать, а что нет.

Когда мальчик станет более сдержанным, скажешь своему другу еще одно, последнее: пусть найдет способ показать сыну мертвого ребенка. Где-нибудь в больнице или в кабинете врача. И пускай мальчик потрогает труп. Левой рукой, в любом месте, кроме живота. После того, как он сделает это, он станет обновленным. Мир для него уже никогда не будет прежним.

И тут я понял, что все эти годы дон Хуан применял подобную тактику в отношении меня самого. В других масштабах, при иных обстоятельствах, но с тем же самым принципом в основе. Я спросил, так ли это, и он подтвердил, сказав, что с самого начала старался научить меня «останавливать мир».

– Пока ты не сделал этого, – сказал он с улыбкой. – Похоже, ничего не работает, потому что ты слишком упрям. Если бы не твое потрясающее упрямство, ты бы уже, наверное, остановил мир с помощью любой из техник, которым я тебя учил.

– Каких техник, дон Хуан?

– Все, что я заставлял тебя делать, – это и есть техники для остановки мира.

Несколько месяцев спустя дон Хуан все же добился своего. Он научил меня «останавливать мир».

Это событие было одним из поворотных в моей жизни. Оно заставило меня тщательно пересмотреть все, что имело место в течение десяти лет обучения. Стало ясно, что мое первоначальное предположение относительно роли психотропных растений – ошибка. Они вовсе не являлись неотъемлемой чертой магического описания мира, они лишь помогали, образно говоря, сцементировать части этого описания, которые я был не способен воспринять по-другому. Упорно цепляясь за привычную версию реальности, я был глух и слеп к тому, к чему стремился дон Хуан. И только эта моя нечувствительность заставляла его использовать в моем обучении психотропные средства.

Просматривая все свои полевые записи, я осознал, что дон Хуан дал мне основную часть этого нового описания в самом начале

нашего общения, обучая меня тому, что он называл «техниками для остановки мира». В своих прежних книгах я обошел вниманием эти части полевых записей, потому что они не относились к использованию психотропных растений. Теперь я должен восстановить их законное место в полноте учения дона Хуана, и им посвящены первые семнадцать глав настоящей книги. Последние три главы являются моими полевыми записями, которые охватывают события, завершившиеся моей «остановкой мира».

Подводя итог, я могу сказать, что тогда, когда я начинал учиться у дона Хуана, существовала другая реальность; то есть существовало магическое описание мира, которое я не знал.

Дон Хуан, как маг и учитель, обучал меня этому описанию. Таким образом то десятилетнее ученичество, через которое я прошел, состояло в оживлении этой неизвестной реальности путем разворачивания ее описания, с добавлением все более сложных его частей по мере моего продвижения.

Окончание ученичества означало, что я научился этому новому описанию мира в убедительной и достоверной форме и, таким образом, стал способен вызывать новое восприятие мира, соответствующее его новому описанию. Другими словами я обрел членство.

Дон Хуан утверждал, что для того, чтобы прийти к «видению» сначала нужно «остановить мир». Термин «остановка мира» был действительно наиболее подходящим для описания определенных состояний осознания, в которых реальность повседневной жизни изменялась вследствие того, что поток интерпретаций, обычно идущий непрерывно, останавливался набором обстоятельств, чуждых этому потоку. В моем случае набором обстоятельств чуждых этому потоку было магическое описание мира. По мнению дона Хуана, необходимым условием «остановки мира» является убежденность. Иначе говоря, необходимо полностью усвоить новое описание. Это нужно для того, чтобы затем, противопоставив его старому, разрушить догматическую уверенность, разделяемую всеми нами, — уверенность в том, что однозначность и обоснованность

нашего восприятия, то есть нашей реальности мира, не подлежит сомнению.

Следующим шагом после «остановки мира» является «видение». То, что под этим понимал дон Хуан, я определил бы как «способность отзываться на воспринимаемые вызовы мира, находящегося вне описания, которое мы научились считать реальностью».

Я убежден, что понять все эти шаги можно лишь в терминологии того описания, к которому они относятся; а поскольку оно было тем описанием, которое дон Хуан пытался дать мне с самого начала, то я должен признать, что его обучение является единственным входом в данное описание. Поэтому пусть слова дона Хуана говорят сами за себя.

Часть 1 Остановить мир

Глава 1 Подтверждения от мира вокруг нас

Передо мной стоял старик-индеец.

– Мне говорили, сэр, что вы большой знаток растений, – сказал я.

Буквально за минуту до этого мой приятель, который нас свел, куда-то ушел, и нам не оставалось ничего другого, кроме как представиться. Старик сказал, что его зовут Хуан Матус.

– Кто говорил, твой приятель, что ли? – небрежно поинтересовался он.

– Да.

– Я собираю растения, вернее, они мне позволяют себя собирать, – мягко произнес он.

Мы стояли в зале ожидания автобусной станции в Аризоне. Я спросил по-испански, не согласится ли он ответить на некоторые вопросы. Сказано это было очень официально и звучало так:

– Не позволит ли благородный господин (кабальеро) задать ему несколько вопросов?

Слово «кабальеро» происходит от испанского «кабальо» – лошадь – и буквально переводится как «всадник-дворянин».

Старик пытливо посмотрел на меня и с широкой улыбкой произнес:

– Всадник без коня. Я же тебе сказал: меня зовут Хуан Матус.

Его улыбка мне понравилась. Я подумал, что он, должно быть, умеет ценить прямоту, и решил без обиняков изложить свою просьбу. Я сказал, что меня интересует все, что связано со сбором и изучением лекарственных растений, в особенности – все то, что касается использования галлюциногенного кактуса пейота, которым я довольно долго занимался в Лос-анджелесском университете.

Сказано это было довольно сдержанно, с достоинством и, как мне показалось, весьма убедительно. Я решил, что представился достаточно солидно и впечатление произвел внушительное.

Старик медленно кивнул. Его молчание меня ободрило, и я добавил, что для нас обоих, вне всякого сомнения, было бы полезно как-нибудь встретиться и потолковать о пейоте.

Но тут он поднял голову и взглянул мне прямо в глаза. Это был грозный взгляд, который, тем не менее, совсем не был ни угрожающим, ни устрашающим. Это был взгляд пронзивший меня насквозь. Я словно онемел, моя болтовня мгновенно оборвалась. На этом мы расстались. Однако перед уходом старик все же несколько меня обнадежил, сказав, что я могу как-нибудь заехать к нему в гости.

Чтобы оценить должным образом, насколько сильно подействовал на меня взгляд дона Хуана, нужно представить себе всю его уникальность в контексте моего жизненного опыта. Дело в том, что к тому времени, когда я взялся за изучение антропологии и встретился с доном Хуаном, мне уже довелось как следует «покрутиться» в жизни, и в этом плане я чувствовал себя достаточно искушенным. С тех пор, как я покинул дом, прошло много лет, и я считал, что вполне могу о себе позаботиться. Всякий раз, когда мне приходилось сталкиваться с какими-либо препятствиями или чьим-то противодействием, я неизменно умудрялся то ли найти обходные пути, то ли добиться своего лестью, обманом, хитростью. Иногда я шел на компромиссы, иногда – спорил, иногда – злился. Если ничто не помогало, можно было прибегнуть к жалобам и нытью – часто это срабатывало. Другими словами, в любых обстоятельствах у меня в запасе всегда был какой-нибудь ход, и никогда ни одному человеку не удавалось осадить меня так быстро и основательно, как это

сделал в тот день дон Хуан одним только взглядом. Причем дело было не только в том, что я замолчал — мне не раз доводилось, не проронив ни единого слова, выслушивать уважаемых мною оппонентов, вступать в пререкания, с которыми я не мог себе позволить. Но мысли мои в таких случаях все равно были исполнены гнева и раздражения. Взгляд же дона Хуана подействовал на меня настолько оглушающе, что я на какое-то время утратил даже способность к сколько-нибудь связному мышлению.

Я был настолько заинтригован необычайной силой этого взгляда, что решил, во что бы то ни стало встретиться со стариком еще раз.

Полгода я готовился, перечитывая все, что смог найти, об использовании пейота американскими индейцами, обращая особое внимание на материалы, касавшиеся пейотного культа индейцев Великих Равнин. В итоге мне удалось познакомиться практически со всем, что когда-либо было написано на эту тему. Почувствовав, что готов, я снова отправился в Аризону.

Суббота, 17 декабря 1960

Чтобы отыскать дом дона Хуана, мне пришлось буквально провести опрос местного индейского населения, на что ушел не один час и не один доллар. В конце концов, где-то к полудню, я все же добрался до него и остановил машину перед дверью. Дон Хуан сидел на деревянном ящике из-под молочных бутылок. Он вроде бы узнал меня и приветствовал, когда я вылез из машины.

Мы обменялись любезностями, а потом я в простых выражениях признался ему в том, что был очень неискренен с ним во время нашей первой встречи, хвастая своими познаниями относительно пейота, на самом деле не зная ровным счетом ничего. Дон Хуан неотрывно смотрел на меня. Его глаза излучали доброту.

Потом я рассказал, как полгода готовился к этой встрече, изучая специальную литературу.

– И теперь я действительно довольно много знаю о пейоте, – заключил я.

Дон Хуан рассмеялся, усмотрев, очевидно, в моих словах что-то забавное. Он смеялся надо мной, и я почувствовал некоторое смущение и обиду.

Дон Хуан явно заметил мою реакцию и заверил меня, что, несмотря на самые лучшие побуждения, подготовиться к нашей встрече у меня не было никакой возможности.

Я прикинул, не спросить ли о скрытом смысле этого утверждения, если таковой имеется, но решил воздержаться. Однако дон Хуан, словно уловив мое настроение, сам объяснил, что имеет в виду. Он сказал, что мои попытки напомнили ему историю о людях определенной национальности, преследуемых и уничтожаемых когда-то неким правителем. Эти люди ничем не отличались от своих преследователей, кроме одного – отдельные слова они произносили по-своему. И это их, естественно, выдавало. Правитель расставил на всех дорогах и перекрестках посты, на которых солдаты должны были требовать от каждого прохожего произнести контрольное слово. Тех, кто выговаривал его, как положено, отпускали, а тех, кто произносил иначе, убивали на месте. И вот однажды один молодой человек, из числа преследуемых решил подготовиться к тому, чтобы миновать посты. Для этого он начал учиться нужному произношению контрольного слова.

С широкой улыбкой дон Хуан сказал, что на это у молодого человека ушло как раз «полгода». И вот настал день великого испытания. Молодой человек уверенно подошел к заставе и стал ждать, пока часовой задаст ему вопрос.

Тут дон Хуан выразительно умолк и взглянул на меня. Пауза была явно наигранной и показалась мне приемом довольно банальным, но я не подал виду, поддерживая игру. Что будет дальше, мне было хорошо известно – это была история о евреях в Германии. Чтобы выявить еврея, человека заставляли произносить определенные слова. В этой истории молодой человек попадался,

потому что часовой забыл контрольное слово и попросил произнести другое, похожее, но которое тот выговаривать не умел.

Дон Хуан, казалось, ожидал, пока я спрошу, что было дальше. Что я и сделал, притворяясь, что меня, в самом деле, интересует продолжение истории:

– Что же с ним случилось?

– Молодой человек был очень хитер, – ответил дон Хуан, – он понял, что контрольное слово вылетело у часового из головы, и прежде, чем тот успел что-либо сказать, признался, что готовился целых полгода.

Он снова замолчал, глядя на меня с озорным блеском в глазах. На этот раз перевес явно был на его стороне. Признание молодого человека было чем-то новеньким, и теперь уже я действительно не знал, чем закончится история.

– Так что же все-таки с ним случилось? – спросил я, теперь уже с неподдельным интересом.

– Как что? Разумеется, его тут же убили, – ответил дон Хуан и залился раскатистым хохотом.

Мне очень понравился способ, которым он привлек мой интерес, но еще больше мне понравилось то, как он связал эту историю с моим собственным случаем. Казалось, он фактически сочинил ее так, чтобы она подошла мне. Он смеялся надо мной в очень тонкой и артистичной манере. Я засмеялся вместе с ним.

Потом я заявил, что, неважно насколько глупо выгляжу, но мне действительно очень хочется научиться чему-нибудь, что касается растений.

– Я люблю много ходить пешком, – сказал он.

Я решил, что он не хочет отвечать и потому меняет тему. Мне не хотелось быть назойливым.

Он спросил, не хочу ли я отправиться с ним в небольшой поход по пустыне. Я с готовностью заявил, что такая прогулка, безусловно, доставит мне удовольствие.

– Это нелегкое дело, – предупредил он.

Тогда я сказал, что в отношении работы с ним настроен весьма серьезно. Мне нужна любая информация об использовании лекарственных растений, и я готов заплатить ему за то время и усилия, которые он на меня затратит.

– Ты будешь работать на меня, – сказал я, – а я буду тебе платить.

– И сколько ты собираешься мне платить?

В его голосе проскользнула нотка алчности.

– Сколько ты сочтешь нужным.

– Тогда за мое время ты будешь платить мне своим временем, – произнес он.

Я подумал, что он – явно со странностями, и ответил, что не понимаю. Он объяснил, что о растениях вообще нечего рассказывать, поэтому брать с меня за это деньги для него невыносимо.

Он пронзительно посмотрел на меня, нахмурился и спросил:

– Слушай, чем это ты все время занимаешься в кармане? Уж не ласкаешь ли своего бобика?

В необъятном кармане моей штормовки лежал блокнот, и я вслепую непрерывно записывал в него наш разговор. Когда я объяснил дону Хуану, в чем дело, он от души расхохотался.

Я сказал, что просто не хотел действовать ему на нервы.

– Если ты хочешь писать – пиши, – сказал он, – ты не действуешь мне на нервы.

Мы бродили по окрестной пустыне, пока почти совсем не стемнело. Дон Хуан не показал мне ни одного растения и вообще не сказал ни слова на эту тему. Наконец мы остановились передохнуть возле каких-то больших кустов.

– Растения – очень занятные существа, – сказал дон Хуан, не глядя на меня, – они живые и все чувствуют.

Едва он это произнес, как сильный порыв ветра пронесся по пустынному чапаралю. Кусты громко зашелестели.

– Слышишь? – спросил дон Хуан. – Листья и ветер со мной соглашаются.

Он сложил правую ладонь лодочкой и приставил к уху, как бы для того, чтобы лучше слышать.

Я засмеялся. Прежде чем познакомить меня с доном Хуаном, мой приятель предупредил, что старик со странностями. И теперь я решил, что «соглашение с листьями» – одна из его странностей.

Мы прошли еще немного, но дон Хуан по-прежнему не показывал мне и не собирал никаких растений. Он просто скользил сквозь кустарник, слегка прикасаясь к ветвям. Затем он остановился, присел на камень и велел мне отдохнуть и осмотреться.

Но я был настроен на беседу и еще раз напомнил ему, что меня очень интересуют растения, особенно пейот. Я снова предложил ему плату за информацию.

– Не нужна мне никакая плата, – сказал он, – Спрашивай о чем угодно. Я расскажу тебе то, что мне известно, а после объясню, что со всем этим делать.

Дон Хуан поинтересовался, устраивает ли меня такой вариант. Я был доволен. Но потом он добавил загадочную фразу:

– Только вряд ли о растениях можно что-то узнать, ведь о них нечего сказать.

Я не понял, что он сказал, или что он имел в виду.

– Что ты сказал?

Он трижды повторил ту же самую фразу. Как только дон Хуан замолчал, из-за холмов вынырнул военный самолет. Он пронесся над нами на бреющем полете, сотрясая всю округу ревом двигателей.

– О! Слышишь, как мир со мной соглашается? – сказал дон Хуан, приставив к уху левую ладонь.

Дон Хуан казался мне весьма занятым человеком. К тому же он так заразительно смеялся.

– Дон Хуан, ты родом из Аризоны? – спросил я, чтобы вновь навести разговор на возможность сделать его своим информатором.

Он взглянул на меня и утвердительно кивнул. Его глаза казались уставшими. Между нижними веками и зрачками блеснули белки.

– Ты родился в этих местах?

Он снова молча кивнул. Жест был вроде бы утвердительным, и в то же время нервным кивком задумавшегося человека.

– А ты-то сам откуда? – спросил дон Хуан.

– Из Южной Америки.

– Южная Америка большая. Ты что, родился во всей сразу?

Когда он посмотрел на меня, его глаза опять стали пронзительными.

Я начал было объяснять ему обстоятельства своего рождения, но он перебил меня:

– В этом смысле мы с тобой похожи. Вообще-то я – яки из Соноры. Но сейчас живу здесь.

– Правда? А я родом из...

Он не дал мне договорить.

– Знаю, знаю. Ты – тот, кто ты есть, родом оттуда, откуда ты родом, так же, как я – яки из Соноры.

Его глаза сильно блестели, а от смеха я почему-то почувствовал неудобство, словно дон Хуан уличил меня во лжи. Это было какое-то особенное чувство вины. Как будто дон Хуан знал обо мне нечто такое, чего не знал я сам или в чем не хотел признаваться.

Мне становилось все более не по себе. Дон Хуан, видимо, это заметил, и спросил:

– Как насчет того, чтобы поужинать в ресторане?

Мы вернулись к его дому, а потом поехали в город. По дороге я почувствовал некоторое облегчение, но полностью расслабиться мне все же не удалось. Я ощущал как бы нависшую надо мной угрозу, но никак не мог понять, в чем дело.

В ресторане я хотел угостить дон Хуана пивом, но он отказался, сказав, что вообще не пьет, даже пива. Я не поверил и внутренне усмехнулся: мой друг, который нас познакомил, говорил мне, что «старик, большую часть времени пьян». Но даже если дон Хуан лгал насчет того, что не пьет, это меня ничуть не беспокоило. Все равно он мне нравился, в нем было что-то, что меня успокаивало.

На моем лице, видимо, было написано недоверие, так как дон Хуан объяснил, что в молодости пил довольно много, но однажды взял и бросил.

– Люди, как правило, не отдают себе отчета в том, что в любой момент могут выбросить из своей жизни все, что угодно. Вот так.

И дон Хуан щелкнул пальцами, как бы демонстрируя, насколько просто это делается.

– Ты думаешь, так легко бросить пить или, скажем, курить? – спросил я.

– Конечно! – очень убежденно сказал он. – Курение и пьянство – ничто. Они совершенно ничего не значат, если мы хотим отказаться от них.

В это мгновение кипяток в кофеварке весело забулькал.

– Слышишь? – воскликнул дон Хуан, блеснув глазами. – Кипяток со мной согласен.

И, помолчав немного, добавил:

– Человек может получать согласие от всего, что его окружает.

Тут кофеварка издала булькающий звук, напоминающий нечто не совсем приличное.

Дон Хуан взглянул на кофеварку и мягко произнес:

– Спасибо.

Потом он кивнул и оглушительно захохотал.

Я был буквально ошеломлен. Смеялся он, пожалуй, слишком громко, но вся ситуация в целом меня чрезвычайно позабавила.

На этом наша первая встреча закончилась. У дверей ресторана я попрощался со своим «информатором». Я сказал, что мне еще нужно заехать к друзьям и что хотел бы снова встретиться с ним в конце следующей недели.

– Когда ты будешь дома? – спросил я.

Он окинул меня оценивающим взглядом и ответил:

– Тогда, когда ты приедешь.

– Но я не знаю точно, когда смогу приехать.

– Приезжай, когда сможешь, и не беспокойся.

– А если тебя не будет дома?

– Буду, – с улыбкой ответил он, повернулся и зашагал прочь.

Я догнал его и спросил, не возражает ли он против того, чтобы я взял с собой фотоаппарат и сфотографировал его самого и его дом.

– Исключено, – ответил дон Хуан, нахмурившись.

– А магнитофон хоть можно?

– Боюсь, что с магнитофоном дело обстоит точно так же.

Мне стало досадно. Я разозлился и заявил, что не нахожу в его отказе никакой логики.

Дон Хуан отрицательно покачал головой.

– Забудь об этом, – властно сказал он. – И, если хочешь снова увидеть меня, больше даже не упоминай.

Я сделал слабую попытку настаивать, объясняя, что фотографии и магнитофонные записи необходимы мне в работе. Дон Хуан сказал, что во всем, что мы делаем, по-настоящему необходима только одна вещь, он назвал ее «духом».

– Без духа человек ни на что не годен, – заявил он, – А у тебя его нет. Вот что должно тебя беспокоить, а вовсе не фотографии.

– Что ты име...

Он не дал мне договорить, взмахом руки прервав на полуслове, но, отойдя на несколько шагов, обернулся.

– Приезжай обязательно, – сказал он вполголоса и помахал рукой на прощанье.

Глава 2. Стирание личной истории

Вторник, 22 декабря 1960

Дон Хуан сидел на земле возле двери своего дома, прислонясь к стене. Перевернув деревянный ящик из-под молочных бутылок, он предложил мне присесть и чувствовать себя как дома. Я привез с собой блок сигарет. Вытащив несколько пачек, я предложил их дону Хуану. Он сказал, что не курит, но подарок принял. Мы поговорили о том, что ночи в пустыне стоят холодные, и еще о разных мелочах.

Я спросил, не нарушает ли мое появление его привычный распорядок. Он взглянул на меня, слегка нахмурившись, и ответил, что у него нет никаких распорядков и что, если мне хочется, я могу провести у него хоть целый день.

Я заранее заготовил несколько опросных генеалогических карт, которые собирался заполнить со слов дона Хуана. Кроме того, порывшись в литературе по этнографии, я составил обширный перечень особенностей культуры местных индейцев. Я собирался просмотреть его с доном Хуаном и отметить то, что покажется ему знакомым.

Начал я с генеалогии.

Как звали твоего отца? – спросил я.

– Я звал его «папа», – ответил дон Хуан совершенно серьезно.

С некоторым раздражением я подумал, что он не понял и надо ему втолковать. Показав опросную карту, я разъяснил, что одна пустая графа там оставлена для имени и фамилии отца, другая – для имени и фамилии матери. Потом я решил, что, наверное, следовало начать с матери, и спросил:

– Как звали твою мать?

– Я звал ее «мама», – ответил он наивно.

Сдерживаясь и стараясь быть вежливым, я сформулировал вопрос иначе:

– Я имел в виду, какие другие слова ты использовал, обращаясь к ним?

С глуповатой улыбкой старик взглянул на меня и почесал за ухом:

– Ей богу, вот тут ты меня поймал. Надо подумать...

После минутного замешательства он, казалось, что-то вспомнил.

Я приготовился записывать. С глубокомысленным видом дон Хуан произнес:

– Как по-другому я обращался к ним? Я звал их: «Эй, эй папа! Эй, эй мама!»

Я невольно рассмеялся. Его выражение было действительно комичным, и я не мог понять, то ли передо мной хитрый старый индеец, который намеренно морочит мне голову, то ли и вправду простодушный дурачок. Набравшись терпения, я постарался разъяснить ему, что этот вопрос – весьма серьезен и что заполнение опросных карт является очень важным моментом в моей работе. Я приложил максимум стараний к тому, чтобы он понял идею генеалогии и личной истории. Закончив, я спросил:

– Как звали твоих отца и мать?

Он взглянул на меня. Взгляд его был ясным и добрым.

– Не теряй свое время на ерунду, – сказал он мягко, но с непредвиденной силой.

Я не знал, что сказать. Это выглядело так, как будто это произнес кто-то другой. Только что я разговаривал с растерявшимся глуповатым индейцем, который озадаченно чесал в затылке, и вот, спустя какое-то мгновение, роли переменились: теперь уже я сам

чувствовал себя дураком, а он смотрел на меня совершенно неопиcуемым взглядом. В его взгляде не было ни высокомерия, ни пренебрежения, ни ненависти или презрения. Его глаза были добрыми, ясными и пронизательными.

– У меня нет личной истории, – сказал дон Хуан после продолжительной паузы. – В один прекрасный день я обнаружил, что в ней нет никакой нужды, и разом избавился от нее. Так же, как от привычки выпивать.

Я ничего не понял. Внезапно мне стало не по себе, я почувствовал угрозу. Я напомнил ему, что он сам разрешил мне задавать вопросы. Он опять сказал, что против вопросов не возражает.

– Личной истории у меня больше нет, – сказал он и испытующе взглянул на меня. – Когда она стала лишней, я от нее избавился.

Я уставился на него, пытаюсь вникнуть в скрытый смысл его слов.

– Но как можно избавиться от личной истории? – спросил я с желанием спорить.

– Сначала нужно этого захотеть, а потом человек должен продолжать гармонично отсекать ее понемногу.

– Но зачем кому бы то ни было иметь подобное желание?! – воскликнул я.

Моя личная история была мне ужасно дорога. Я совершенно искренне чувствовал, что без глубоких семейных корней в моей жизни не было бы ни преемственности, ни цели.

– Нельзя ли уточнить, что имеется в виду, когда ты говоришь «избавиться от личной истории»? – спросил я.

– Уничтожить ее, покончить с ней – вот что, – жестко ответил дон Хуан.

– Возьмем, например, тебя. Ты – яки. Ведь ты не можешь этого изменить.

– Я – яки? – с улыбкой спросил он. – С чего ты взял?

– Верно! – сказал я. – Я не могу этого знать наверняка, но сам-то ты знаешь, и это единственное, что имеет значение и что делает этот факт личной историей.

Я почувствовал, что попал в точку. Но он ответил;

– То, что мне известно, – яки я или нет, еще не делает это личной историей. Личной историей становится лишь то, что знаю не только я, но и кто-нибудь другой. И я уверяю тебя, что никто никогда не узнает этого наверняка.

Я неловко записывал за ним все, что он говорил. Затем, прекратив писать, взглянул на него. Я никак не мог понять, с кем имею дело. В уме промелькнул весь набор впечатлений, которые он на меня производил: таинственный беспримерный взгляд, с которого началось наше знакомство, обаяние его утверждений о том, что он может получать согласие от всего окружающего, его раздражающий юмор и его живость, его явная глупость, когда я спросил о родителях, а сразу после этого – совершенно неожиданная сила его ответов, которыми он поставил меня на место.

– Ты недоумеваешь, кто же я такой? – спросил он, словно читая мои мысли. – Тебе никогда не узнать, кто я и что из себя представляю. Потому что у меня нет личной истории.

Он спросил, есть ли у меня отец. Я ответил, что есть. Дон Хуан сказал, что мой отец – пример того, о чем идет речь. Он велел вспомнить, что думает обо мне отец, а потом сказал.

– Отец знает о тебе все. Поэтому ты для него – как раскрытая книга. Он знает, кто ты такой, что собой представляешь и чего стоишь. И нет на земле силы, которая могла бы заставить его изменить свое отношение к тебе.

Дон Хуан сказал, что у каждого, кто меня знает, есть представление обо мне, и что я подпитываю это представление всем, что делаю.

– Неужели тебе не ясно? – драматически сказал он. – Ты должен постоянно обновлять свою личную историю, рассказывая своим родителям, родственникам и друзьям обо всем, что делаешь; а если бы у тебя не было личной истории, надобность в объяснениях тут же отпала бы. Твои действия не могли бы никого рассердить или разочаровать, а самое главное – ты не был бы связан ничьими мыслями.

Неожиданно до меня дошло, что он имеет в виду. Я и сам, можно сказать, знал это, но никогда не пытался в этом разобраться. Отсутствие личной истории казалось вещью довольно заманчивой, по крайней мере, на интеллектуальном уровне. Тем не менее, это принесло мне пугающее и неприятное чувство одиночества. Я хотел, было поделиться с ним своими ощущениями, но спохватился, поскольку во всей этой ситуации было что-то ужасно нелепое. Мне казалось, что просто смешно ввязываться в философский спор с невежественным старым индейцем, который в плане «интеллектуальной изощренности» явно уступает студенту университета. Однако он все же каким-то образом увел меня в сторону от первоначального намерения расспросить его о генеалогии. Чтобы вернуть разговор в нужное мне русло, я сказал:

– Я не знаю, почему мы вообще заговорили об этом. Мне ведь, собственно, только нужно было заполнить опросную карту.

– Это ужасно просто, – ответил он. – Мы заговорили об этом потому, что я сказал: задавать вопросы о прошлом – занятие совершенно никчемное.

Говорил он очень твердо. Я понял, что ничего не добьюсь, и решил изменить тактику.

– Освобождение от личной истории присуще всем индейцам яки? – спросил я.

– Оно присуще мне.

– Где ты этому научился?

– Я учился этому на протяжении своей жизни.

– Тебя учил отец?

– Нет. Скажем так, я научился этому сам. И сегодня я открою тебе этот секрет, так что ты уедешь отсюда не с пустыми руками.

Его голос перешел в драматический шепот. Это актерство меня рассмешило. Я не мог не признать, что в этом он – большой мастер. Мне даже пришло в голову, что я имею дело с прирожденным артистом.

– Запиши это, – покровительственным тоном сказал дон Хуан,
– Почему нет? Ты кажешься более спокойным, записывая.

Я взглянул на него, и мои глаза, должно быть, выдали мое замешательство. Он хлопнул себя по ляжкам и с довольным видом рассмеялся.

– Всю личную историю следует стереть потому... – медленно, как бы давая мне время для моего неуклюжего записывания, произнес он, – ... что это делает нас свободными от обременяющих мыслей других людей.

Я не мог поверить, что он действительно сказал это, и испытал момент очень сильного замешательства. Он, должно быть, прочел по моему лицу мое внутреннее смятение и немедленно им воспользовался.

– Возьми для примера себя, – продолжал он. – В данный момент ты не знаешь, что тебе делать, потому что я стер личную историю, постепенно окутав туманом свою личность и всю свою жизнь. И теперь никто не может с уверенностью сказать, кто я такой и что делаю.

– Но ты-то сам знаешь, разве не так? – вставил я.

– Я-то, будь уверен... тоже нет! – воскликнул он и покатился по полу, смеясь над моим удивленным взглядом.

Прежде чем сказать «тоже нет» он выдержал довольно длительную паузу, и я был уверен, что он скажет «знаю». Его уловка действительно очень меня напугала.

– Это и есть тот маленький секрет, который я намерен тебе сегодня открыть, – тихо произнес дон Хуан. – Никто не знает моей личной истории. Никому не известно, кто я такой и что делаю. Даже мне самому.

Прищурившись, он смотрел в пространство за моим правым плечом. Он сидел, скрестив ноги и выпрямившись, однако его тело казалось полностью расслабленным. В этот миг он был сама суровость: ни дать ни взять – могучий вождь, «краснокожий воин» из книг моего детства. Я поддался романтическому воображению, и очень необычное чувство одновременного притяжения и отталкивания охватило меня. Я мог искренне сказать, что он очень нравился мне и в то же время до смерти путал. Так он сидел, глядя в пространство перед собой довольно долго.

– Откуда мне знать, кто я такой, если все это – я? – спросил он, движением головы указывая на все, что нас окружало. Потом он взглянул на меня и улыбнулся.

– Ты должен стирать вокруг себя все до тех пор, пока ничего не будет само собой разумеющимся, пока ничего не будет несомненным или реальным. Сейчас твоя проблема в том, что ты слишком реален. Твои стремления слишком реальны, твои настроения слишком реальны. Не принимай вещи настолько очевидными. Ты должен начать стирать самого себя.

– Но зачем? – воинственно спросил я.

До меня вдруг дошло, что он мне указывает, как себя вести. Сколько себя помню, я всегда терпеть не мог, когда кто-либо пытался учить меня жить. Сама мысль о том, что мне собираются указывать, что я должен делать, немедленно вызывала во мне защитную реакцию.

– Ты говорил, что тебя интересует информация о растениях, – спокойно сказал он. – Ты что же, думаешь получить ее даром? Как это, по-твоему, называется? Мы ведь условились – ты задаешь вопросы, а я рассказываю тебе то, что знаю. Если тебя это не устраивает, то нам больше не о чем говорить.

Меня раздражала его ужасная прямота, но я поневоле был вынужден признать, что он прав.

– Скажем так: если ты хочешь изучать растения, в связи с тем, что о них действительно нечего сказать, ты должен, кроме всего прочего, стереть свою личную историю.

– Как? – спросил я.

– Начни с простого – никому не рассказывай о том, что в действительности делаешь. Потом расстанься со всеми, кто хорошо тебя знает. Таким образом, ты постепенно создашь вокруг себя туман.

– Но это же полный абсурд! – воскликнул я. – Почему меня никто не должен знать? Что в этом плохого?

– Плохо то, что стоит им узнать тебя, как ты становишься чем-то само собой разумеющимся, и с этого момента ты неспособен разорвать путы их мыслей. Мне же нравится полная свобода неизвестности. Никто не знает меня с полной определенностью, как, например, многие знают тебя.

– Но это же будет ложью.

– Мне нет дела до правды или лжи, – жестко произнес он. – Ложь является ложью, только если у тебя есть личная история.

Я возразил, что мне не нравится намеренно мистифицировать людей или вводить их в заблуждение. Он ответил, что я и так ввожу в заблуждение всех, с кем имею дело.

Старик затронул больной вопрос. Я даже не спросил, что он имеет в виду или почему он решил, что я постоянно всех мистифицирую. Я просто реагировал на его заявление, защищаясь. Я сказал, что мои родственники и друзья почему-то считают меня

человеком ненадежным, и это причиняет мне боль, так как за всю жизнь я ни разу не солгал.

– Но ты всегда знал, как это делается, – заметил он. – Тебе не хватало одного – ты не знал, зачем следует лгать. Теперь знаешь.

Я запротестовал:

– Неужели ты не понимаешь – я сыт по горло тем, что меня считают ненадежным?

– Но ты же ненадежен, – убежденно сказал он.

– Да нет же, черт возьми! – воскликнул я.

Вместо того чтобы отнестись к этой моей вспышке серьезно, он истерически захохотал. Я по настоящему презирал старика за его самонадеянность. Но, к сожалению, он снова был прав.

Угомонившись, он продолжил:

– Если у человека нет личной истории, то все, что бы он ни сказал, ложью не будет. Твоя беда в том, что ты непременно должен всем все объяснять, и в то же время ты хочешь сохранить свежесть и новизну того, что делаешь. Но поскольку после того, как ты объяснил все, что делаешь, это уже не возбуждает тебя, то для того, чтобы продолжать действовать, ты лжешь.

Я был ошеломлен таким оборотом нашей беседы, и старался, как можно точнее все записывать. Для этого мне пришлось полностью сосредоточиться на его словах, оставив в стороне свои собственные возражения и возможный смысл того, о чем он говорил.

– Отныне, – сказал он, – ты просто должен показывать людям то, что считаешь нужным, но никогда не говори точно, как ты сделал это.

– Но я не умею хранить тайны! – воскликнул я. – Поэтому то, что ты говоришь, для меня бесполезно.

– Ну, так изменись! – резко бросил он, яростно сверкнув глазами.

Он напоминал странного дикого зверя, но в то же время был очень последователен и мыслил исключительно точно. Мое раздражение сменилось состоянием замешательства.

– Видишь ли, – продолжал он, – наш выбор ограничен: либо мы принимаем, что все – реально и определено, либо – нет. Если мы следуем первому, то, в конце концов, смертельно устаем и от себя самих, и от всего, что нас окружает. Если же мы следуем второму и стираем личную историю, то создаем вокруг себя туман. Это восхитительное и таинственное состояние, когда никто, включая тебя самого, не знает, откуда выскочит кролик.

Я возразил, что стирание личной истории лишь усугубит чувство неуверенности и незащищенности.

– Когда отсутствует какая бы то ни было определенность, мы все время начеку, мы постоянно на цыпочках, – сказал он. – Гораздо интереснее не знать, за каким кустом прячется кролик, чем вести себя так, словно тебе все известно.

Он замолчал, и, казалось, целый час не говорил ни слова. Я не знал, что спросить. Наконец он встал и попросил подвезти его в соседний городок.

Почему-то от этой беседы я так устал, что хотелось спать. Он попросил меня остановить машину и сказал, что если мне нужно отдохнуть, я должен взобраться на плоскую вершину холма у дороги и полежать на ней на животе, головой на восток.

В его голосе была настойчивость. Я не хотел спорить, а может, просто настолько устал, что был не в силах даже говорить. Взобравшись на холм, я сделал все так, как он сказал.

Я заснул всего на две-три минуты, но этого оказалось достаточно, чтобы моя энергия восстановилась.

Мы доехали до центра городка, где он попросил его посадить.

– Возвращайся, – сказал он, выходя из машины. – Обязательно возвращайся.

Глава 3. Потеря самозначительности³

Я рассказал о своих поездках к дону Хуану, познакомившему нас приятелю. Он заключил, что я только зря трачу время. Я передал ему свои беседы с доном Хуаном во всех подробностях. Он же полагал, что я преувеличиваю и создаю романтический ореол вокруг выжившего из ума старика.

Но я был весьма далек от романтической идеализации. Напротив, мою симпатию к дону Хуану основательно поколебала его постоянная критика в мой адрес. Тем не менее, я не мог не признать, что во всех случаях критика была уместной, точной и вполне справедливой.

Таким образом, я оказался перед дилеммой: с одной стороны, я не мог примириться с мыслью, что дон Хуан способен разрушить мои взгляды на мир, а с другой – мне не хотелось соглашаться с моим приятелем, утверждавшим, что старик просто ненормальный.

Поэтому, чтобы составить окончательное мнение, я поехал к нему еще раз.

Среда, 28 декабря 1960

Едва я приехал, дон Хуан повел меня в пустынный чапараль, даже не взглянув на сумку с продуктами, которые я ему привез. Похоже, он ждал меня.

Мы шли несколько часов. Растений он не собирал и мне не показывал, зато научил меня «правильно ходить». Он сказал, что удерживать внимание на траве и окружающей обстановке легче, если при ходьбе слегка подогнуть пальцы рук. Он заявил, что моя

³ Self-importance – важничанье, самомнение, чванство. Термин «самозначительность» сохранен во всех книгах. Это буквальный перевод слова. Хотя слово «саомнение» и выражения «серьезное отношение к себе» и «чувство собственной значимости», то же неплохо подходят.

обычная походка ослабляет, кроме того, никогда ничего нельзя носить в руках. Для поклажи следует пользоваться рюкзаком или заплечным мешком. Его идея заключалась в том, что, удерживая свои руки в особом положении, человек способен на большую выносливость и большее осознание.

Я решил не спорить и на ходу подогнул пальцы, как он велел. Ни на моем внимании, ни на моей выносливости это никак не отразилось.

Мы вышли утром, а первый привал сделали только около полудня. Я сильно вспотел и хотел напиться из своей фляги, но дон Хуан остановил меня, сказав, что лучше сделать только маленький глоток. Потом он срезал несколько листьев с невысокого желтоватого кустика и принялся их жевать. Несколько штук он дал мне и сказал, что это – замечательные листья: если их медленно жевать, то жажда исчезнет. Пить хотелось по-прежнему, но неудобства я не ощущал.

Он словно прочел мои мысли и объяснил, что я не почувствовал ни преимуществ «правильной ходьбы», ни положительного действия листьев, которые жевал, потому что я молод и силен, а тело мое ничего этого не заметило из-за некоторой своей тупости. Он засмеялся. Однако я не был склонен веселиться, и это как будто позабавило его еще больше. Он уточнил свое предыдущее заявление, сказал, что мое тело не то чтобы действительно тупое, но как бы спит.

В это мгновение прямо над нами с карканьем пролетела огромная ворона. Это меня испугало, и я засмеялся. Я думал, что это – как раз тот случай, когда смех вполне уместен, но он, к моему удивлению, энергично дернул меня за рукав и с самым серьезным видом велел замолчать.

– Это – не шутка, – сурово произнес он с таким видом, словно я знал, о чем идет речь.

Я попросил объяснить, сказав, что не понимаю, почему его так разозлил мой смех по поводу вороны, ведь мы же смеялись, когда в кофеварке булькал кипяток.

– То, что ты видел, не было просто вороной! – воскликнул он.

– Но я видел, что это была ворона, – настаивал я.

– Ничего ты, дурак, не видел, – сказал он грубым голосом.

Я не видел причин для грубости с его стороны и сказал, что не люблю действовать людям на нервы и что мне лучше уехать, поскольку он явно не расположен к общению.

Он громко расхохотался, словно я разыграл перед ним клоунаду. Мое раздражение и смущение выросли соответственно.

– Ну, ты горяч, – небрежно прокомментировал он. – Ты слишком серьезно к себе относишься.

– Можно подумать, ты относился к себе по-другому, когда на меня разозлился! – вставил я.

Он сказал, что ему даже в голову не приходило на меня злиться, и пронзительно взглянул на меня.

– То, что ты видел, не было согласием со стороны мира. Летящая, да еще и каркающая ворона никогда не выражает согласие мира. Это был знак!

– Знак чего?

– Очень важное указание по поводу тебя, – ответил он загадочно.

В это мгновение прямо к нашим ногам упала сухая ветка, сорванная ветром с куста.

– А вот это – согласие! – дон Хуан взглянул на меня сияющими глазами и рассмеялся.

У меня возникло ощущение, что он просто дразнит меня, на ходу выдумывая правила своей странной игры так, чтобы ему можно было смеяться, а мне – нет. Раздражение мое вспыхнуло с новой силой, и я выложил ему все, что о нем думал.

Но он не рассердился и не обиделся. Он снова засмеялся, и смех этот принес мне еще больше боли и разочарования. Я подумал, что он намеренно унижает меня, и тут же решил, что сыт по горло подобного рода «полевыми исследованиями».

Я встал и сказал, что хотел бы прямо сейчас отправиться в обратный путь к его дому, потому что мне нужно возвращаться в Лос-Анджелес.

– Сядь! – приказал он, – Ты обидчив, как старая дама. Ты не можешь уйти сейчас, потому что мы еще не закончили.

Я ненавидел его. Он казался мне высокомерным.

Он запел идиотскую мексиканскую песенку, имитируя манеру исполнения одного популярного певца. Он растягивал одни слоги и проглатывал другие, превращая песню в такую смешную пародию, что, в конце концов, я не выдержал и начал посмеиваться.

– Видишь, ты смеешься над глупой песенкой, – сказал он. – А ведь тот, кто ее, таким образом, исполняет, равно как и те, кто платит деньги за то, чтобы его послушать, не смеются. Они считают, что это – очень серьезно.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил я.

Я подумал, что он намеренно состряпал этот пример, чтобы показать мне, что я смеялся по поводу вороны потому, что не воспринял ее всерьез, как не воспринимаю всерьез эту песенку. Но дон Хуан снова сбил меня с толку. Он сказал, что своим невыносимым чванством и слишком серьезным отношением ко всякой чепухе, которая с точки зрения человека, находящегося в здравом рассудке, не стоит выеденного яйца, я напоминаю исполнителя этой песенки и его почитателей.

Затем он вернулся к тому, что говорил раньше об «изучении растений», как бы для того, чтобы освежить эту информацию в моей памяти. Он особо подчеркнул, что если я действительно хочу учиться, то мне необходимо изменить подавляющее большинство своих моделей поведения.

Мое раздражение возросло до такой степени, что лишь ценой огромных усилий я мог продолжать записывать.

– Ты слишком серьезно к себе относишься, – медленно проговорил он. – В своей собственной голове ты считаешь себя слишком, чертовски важным. Это необходимо изменить! Ты настолько чертовски важен, что считаешь себя вправе раздражаться по любому поводу. Насколько важен, что можешь позволить себе развернуться и уйти, когда ситуация складывается не так, как тебе этого хочется. Возможно, ты полагаешь, что тем самым демонстрируешь силу своего характера. Но это же чушь! Ты – слаб и самодоволен!

Я попытался было возразить, но дон Хуан не позволил. Он сказал, что из-за этого чувства несоразмерной значимости, придаваемой мною себе, я за всю свою жизнь не довел до конца ни единого дела.

Я был поражен уверенностью, с которой он говорит. Но все его слова, разумеется, в полной мере соответствовали истине, и это меня не только разозлило, но и здорово напугало.

– Самозначительность, так же, как личная история, относится к тому, от чего следует избавиться, – веско произнес он.

У меня пропало всякое желание с ним спорить. Было вполне очевидно, что положение мое крайне невыгодно: он не собирался возвращаться домой, пока не сочтет нужным, я же попросту не знал дороги и был вынужден оставаться с ним.

Вдруг он сделал странное движение, как бы принохиваясь и ритмично подергивая головой. Он, казалось, находился в состоянии странной настороженности. Он повернулся и с любопытством изумленно оглядел меня с головы до ног, словно высматривая что-то особенное, а потом рывком вскочил и быстро зашагал прочь. Он почти бежал. Я поспешил за ним. Примерно с час он шел очень быстро.

Наконец он остановился у скалистого холма, и мы присели в тени под кустом. Я был полностью истощен быстрой ходьбой, но

настроение мое несколько улучшилось. Со мной произошли странные изменения. Если в начале перехода дон Хуан меня почти бесил, то теперь я испытывал, чуть ли не душевный подъем.

– Это очень странно, – удивился я, – мне, в самом деле, очень хорошо.

Вдалеке каркнула ворона. Он поднял палец к правому уху и улыбнулся.

– Это был знак, – сказал он.

Со скалы скатился небольшой камень и с треском упал в чапараль.

Дон Хуан громко засмеялся и указал пальцем в ту сторону, откуда донесся звук:

– А это – согласие.

Затем он спросил, готов ли я продолжить разговор о своей самозначительности. Я рассмеялся: недавний приступ гнева казался мне теперь чем-то столь далеким, что было непонятно, каким образом я вообще умудрился рассердиться на дона Хуана.

– Не понимаю, что со мной происходит, – сказал я, – то злился, то вдруг почему-то успокоился.

– Нас окружает очень таинственный мир, – сказал он. – И он не так-то просто расстаётся со своими секретами.

Мне нравились его загадочные утверждения. В них была тайна, и в них был вызов. Я не мог понять: то ли они содержат некий глубоко скрытый смысл, то ли являются полной бессмыслицей.

– Если когда-нибудь будешь в этих местах, – сказал он, – держись подальше от места нашей первой стоянки. Беги от него, как от чумы.

– Почему? В чем дело?

– Не время это объяснять, – ответил дон Хуан. – Сейчас нас заботит потеря самозначительности. Пока ты чувствуешь, что наиболее важное и значительное явление в мире – это твоя персона, ты никогда не сможешь по-настоящему ощутить окружающий мир. Точно зашоренная лошадь, все, что ты видишь, – это самого себя и ничего другого.

Какое-то время он разглядывал меня, словно изучая, а потом сказал, указывая на небольшое растение:

– Поговорю-ка я со своим маленьким другом.

Он встал на колени, погладил кустик и заговорил с ним. Я сперва ничего не понял, но потом дон Хуан перешел на испанский, и я услышал, что он бормочет какой-то вздор. Потом он поднялся.

– Неважно, что говорить растению, – сказал он. – Говори что угодно, хоть собственные слова выдумывай. Важно только, чтобы в душе ты относился к растению с любовью и обращался к нему, как равный к равному.

Собирая растения, объяснил он, нужно извиняться перед ними за причиняемый вред и заверять их в том, что однажды и твое собственное тело послужит им пищей.

– Так что в итоге мы с ними равны, – заключил дон Хуан. – Мы не важнее их, они – не важнее нас.

– Ну-ка, поговори с растением сам, – предложил он. – Скажи ему, что ты больше не чувствуешь себя важным.

Я заставил себя опуститься перед растением на колени, но заговорить с ним так и не смог. Я почувствовал себя глупо и рассмеялся. Однако злости не было.

Дон Хуан похлопал меня по плечу и сказал, что все нормально, мне удалось не рассердиться, и это уже хорошо.

– Теперь всегда говори с маленькими растениями, – сказал он. – Говори до тех пор, пока полностью не потеряешь ощущение

значимости. Говори до тех пор, пока не сможешь делать это в присутствии других. Ступай-ка вон туда, в холмы, и потренируйся сам.

Я спросил, можно ли беседовать с растениями молча, в уме.

Он засмеялся и потрепал меня по голове.

– Нет! С ними нужно разговаривать громко и четко, так, словно ты ждешь от них ответа.

Я направился туда, про себя посмеиваясь над его странностями. Я даже честно пытался поговорить с растениями, но чувство того, что я смешен, пересиливало.

Выждав, как мне показалось, достаточно долго, я вернулся к дону Хуану, будучи уверенным, что он знает о моей неудаче.

Он даже не взглянул на меня, только жестом велел сесть и сказал:

– Смотри на меня внимательно. Сейчас я снова буду беседовать со своим маленьким другом.

Он опустился на колени перед кустиком и несколько минут, улыбаясь, что-то говорил, причудливо раскачиваясь и изгибаясь всем телом.

Мне показалось, что он спятил.

– Это маленькое растение сказало мне сообщить тебе, что она весьма съедобна, – сказал дон Хуан, поднявшись с земли. – Она сказала, что горсть ее листьев способна поддерживать человека здоровым. Еще она сказала, что вон там они растут во множестве.

И дон Хуан кивнул на склон холма ярдах в двухстах отсюда.

– Идем, поищем, – предложил он.

Меня рассмешила эта клоунада. Конечно, мы их там найдем, ведь дон Хуан прекрасно знает пустыню, и ему наверняка хорошо известно, где что растет.

По пути он велел мне запомнить это растение, потому что оно является не только съедобным, но и лекарственным.

Я спросил его, наполовину в шутку, не от растения ли он все это сейчас узнал. Он остановился, окинул меня недоверчивым взглядом, покачал головой и со смехом воскликнул:

– Ну и ну! Ты умник, и оттого глуп – глупее, чем я думал. Как маленькое растение могло поведать мне о том, что я знаю всю жизнь?

Потом он объяснил, что все свойства растений этого вида были ему хорошо известны и раньше, а это растение поведало ему только, где растет группа таких же, как оно, сказав, что не возражает против того, чтобы дон Хуан рассказал об этом мне.

На склоне мы обнаружили целое скопление таких растений. Я едва не расхохотался, но он тотчас велел мне поблагодарить растения. Я чувствовал себя мучительно неловко, и так и не смог этого сделать.

Он благожелательно улыбнулся и произнес еще одну из своих загадочных фраз, повторив ее три или четыре раза, как будто давая мне возможность понять ее смысл:

– Мир вокруг нас является тайной. И люди значат здесь ничуть не больше всего остального. И если растение поступает благородно по отношению к нам, то мы должны его поблагодарить, иначе оно вполне может не дать нам уйти отсюда.

При этом он взглянул на меня так, что я похолодел. Я поспешно наклонился к растениям и громко сказал:

– Спасибо!

Он засмеялся контролируемыми тихими рывками.

Побродив по пустыне еще час, мы повернули к его дому. Вскоре я отстал, и дону Хуану пришлось меня подождать. Он проверил мои руки; пальцев я не подгибал. Он сказал, что либо я буду за ним наблюдать и во всем подражать ему, либо он вообще никогда не возьмет меня с собой.

– Ты не маленький, и я не собираюсь всякий раз тебя дожидаться, – отчитал он меня.

Эта фраза смутила меня и повергла в недоумение. Как могло получиться, что старик ходит быстрее меня? Мне всегда казалось, что я сложен атлетически и достаточно силен, однако я действительно не мог за ним угнаться.

Я согнул пальцы и с удивлением обнаружил, что без особых усилий могу выдерживать тот бешеный темп, который задавал дон Хуан. Фактически иногда я чувствовал, что руки сами тянут меня вперед.

Настроение поднялось, и я беззаботно шагал рядом с этим странным старым индейцем.

Я попросил его показать мне, где здесь растет пейот. Он посмотрел на меня, но не сказал ни слова.

Глава 4. Смерть-советчик

Среда, 25 января 1961

– Ты когда-нибудь расскажешь мне о пейоте? – спросил я.

Вместо ответа он снова взглянул на меня как на ненормального.

Я уже не раз заговаривал с ним на эту тему, но он только хмурился и качал головой. Это не было утвердительным или отрицательным жестом. Скорее в нем было отчаяние и неверие.

Дон Хуан резко встал. Мы сидели на земле у порога дома. Едва заметно кивнув, он предложил мне идти за ним.

Мы направились на юг и углубились в пустынный чапараль. По пути он повторял, что я должен осознавать бесполезность самозначительности и личной истории.

– Твои друзья, – сказал он, резко повернувшись ко мне. – Те, которые давно тебя знают – от них нужно уйти, причем как можно скорее.

Я подумал, что он сумасшедший и что его настойчивость была идиотской, но промолчал. Он пристально посмотрел на меня и начал смеяться.

Наконец мы остановились. Только я собрался присесть, как дон Хуан велел мне пройти еще ярдов двадцать и громко и четко поговорить с растениями на полянке. Я почувствовал неловкость и опасение. Его странные требования были большим, чем я мог вынести, и я снова сказал, что не могу разговаривать с растениями, так как чувствую себя при этом нелепо. На это он сказал только одно: моя самозначительность поистине не имеет границ. Он, казалось, принял внезапное решение. Он сказал, что мне не следует

пытаться разговаривать с растениями до тех пор, пока я не буду чувствовать себя при этом легко и естественно.

– Ты хочешь изучать их, и в то же время не желаешь ничего для этого сделать, – произнес он с укором. – Так что же тебе на самом деле нужно?

Я объяснил, что меня интересует любая информация об использовании растений, поэтому я и попросил его быть моим информатором, предложив даже плату за труды и за потраченное на меня время.

– Ты должен согласиться брать с меня деньги, – сказал я. – Так будет лучше для нас обоих – я смогу расспрашивать тебя о том, что мне нужно, а ты будешь на меня работать и за это получать деньги. Что ты об этом думаешь?

Дон Хуан взглянул на меня презрительно и издал непристойный звук, заставив верхнюю губу и язык вибрировать при сильном выдохе.

– Вот что я об этом думаю, – сказал он и истерически захохотал при виде крайнего изумления, написанного, должно быть, на моем лице.

Мне было совершенно ясно, что это – не тот человек, с которым я мог бы легко совладать. Несмотря на возраст, он был полон энергии и невероятно силен. Раньше я полагал, что он станет для меня идеальным «информатором», поскольку он очень стар. Я всегда считал, что старики являются наилучшими информаторами, поскольку не способны ни на что, кроме разговоров. Но дон Хуан не был жалким типом. Я чувствовал, что он неуправляем и опасен. Мой друг, который нас познакомил, был прав. Дон Хуан – эксцентричный старый индеец, и, хотя он не был почти всегда пьян, как говорил мой приятель, дело с ним обстояло еще хуже – он был сумасшедшим. На меня снова нахлынула волна прежних сомнений и опасений, от которых я, как мне казалось, уже избавился. В самом деле, мне не составило никакого труда убедить себя, что я хочу съездить к дону Хуану. Я подумал, что сам был слегка не в себе, когда чувствовал, что мне нравится с ним общаться. Тогда на меня

сильно подействовала его идея относительно того, что мне очень мешает самозначительность. Но, видимо, все это было не более чем интеллектуальными упражнениями с моей стороны, и едва лишь мне вновь довелось столкнуться с его странным поведением, как опасения охватили меня с новой силой, и мне захотелось уехать.

Я сказал, что, по моему мнению, мы с ним – совершенно разные люди, и это делает наше общение невозможным.

– Один из нас должен измениться, – произнес он, глядя в землю. – И ты знаешь, кто.

Он начал напевать мексиканскую песню, а потом резко вскинул голову и взглянул мне прямо в лицо. В глазах его были ярость и огонь. Я хотел, было отвести глаза или закрыть их, но, к своему великому изумлению, оторваться от его взгляда не смог.

Он спросил, что я увидел в его глазах. Я ответил, что ничего, но он настаивал на том, чтобы я рассказал, осознание чего вызвали во мне его глаза. Я постарался дать ему понять, что его глаза заставили меня осознать только собственное смущение, и что я чувствовал себя под его взглядом весьма и весьма неуютно.

Он не отступал. Он продолжал смотреть. В его взгляде отсутствовала прямая угроза или злость, он был скорее таинственным и неприятным.

Дон Хуан спросил, не напоминает ли он мне птицу.

– Птицу?! – воскликнул я.

Он по-детски хихикнул, отвел глаза и мягко сказал:

– Да. Очень необычную птицу!

Он снова зафиксировал на мне взгляд и приказал вспоминать. С чрезвычайной убежденностью он утверждал, что «знает» – я уже когда-то видел этот взгляд.

У меня возникло ощущение, что каждый раз, когда старик раскрывает рот, он меня просто провоцирует. Я уставился на него с откровенным пренебрежением. Вместо того чтобы разозлиться, он захохотал. Хлопнув себя по ляжкам, он закричал так, словно объезжал дикую лошадь. Потом дон Хуан снова стал серьезным и сказал, что сейчас для меня очень важно перестать с ним бороться и вспомнить ту необычную птицу, о которой он говорит.

– Смотри мне в глаза, – велел он.

Его глаза были необычайно яростными. Я почувствовал, что они и впрямь что-то мне напомнили, но я не мог с уверенностью сказать, что именно. Некоторое время я об этом размышлял, а потом вдруг осознал: не форма глаз или головы, но холодная ярость этого взгляда напомнила мне о том, как выглядят глаза сокола. В этот самый миг он искоса смотрел на меня, и в течение короткого мгновения в моем уме царил полный хаос. Мне казалось, что вместо дона Хуана я вижу сокола. Однако образ был слишком мимолетным, а я находился в чересчур подавленном состоянии, и это помешало мне в достаточной степени на нем сосредоточиться.

Очень возбужденно я сказал дону Хуану, что готов поклясться – я видел черты сокола в его лице. Дон Хуан снова расхохотался.

Мне доводилось видеть глаза соколов. Когда-то в детстве я охотился на них, и, по мнению моего деда, это у меня хорошо получалось. У него была ферма по разведению леггорнских кур, и соколы представляли угрозу для этого бизнеса. Их отстрел считался делом не только целесообразным, но и «правильным». До этого самого момента я не вспоминал, что ярость соколиных глаз годами преследовала меня. Все это было где-то далеко в прошлом, и я думал, что в памяти моей не осталось и следа тех воспоминаний.

– Я охотился на соколов, – сказал я.

– Я знаю, – сказал дон Хуан таким тоном, словно это было нечто само собой разумеющееся.

В его голосе звучала такая уверенность, что я рассмеялся. Он казался мне нелепым. У него хватило наглости сделать вид, будто

бы он знал, что я охотился на соколов! Я почувствовал к нему безграничное презрение.

– А почему ты так злишься? – спросил он с видом крайней озабоченности.

Я не знал, почему. Дон Хуан принялся «прощупывать» меня очень необычным способом. Он попросил меня снова посмотреть на него и рассказать об «очень необычной птице», которую он мне напомнил. Я воспротивился и презрительно заявил, что рассказывать здесь нечего. А потом почувствовал: следует спросить, откуда ему известно о том, что я охотился на соколов. Но вместо того, чтобы ответить, он в очередной раз прокомментировал мое поведение. Он сказал, что я – горячий парень и начинаю «брызгать слюной» из-за каждого пустяка. Я возразил, заявив, что это неправда. Мне всегда казалось, что я весьма терпим и добродушен. Я сказал, что он сам виноват, поскольку своими неожиданными словами и действиями вывел меня из себя.

– Почему гнев? – спросил он.

Я проанализировал свои чувства и реакции. Причины для того, чтобы злиться, действительно не было.

Он вновь настоятельно потребовал, чтобы я посмотрел ему в глаза и рассказал о «необычном соколе». Теперь он выразился иначе: раньше он говорил «очень необычная птица», а в этот раз сказал «необычный сокол». Это соответствовало изменению, происшедшему в моем собственном настроении. Меня внезапно охватила печаль.

Он прищурился, так что его глаза превратились в узенькие щелки, и сказал, что «видит» очень необычного сокола. Слова его звучали с каким-то особенным драматизмом. Он трижды повторил их, словно в самом деле, видел перед собой эту птицу и спросил;

– Ты его помнишь?

Ничего подобного я не помнил.

– А что в этом соколе необыкновенного? – спросил я.

– Это ты должен мне сказать, – ответил дон Хуан.

Я настаивал на том, что понятия не имею, о чем идет речь, и, соответственно, рассказывать мне нечего.

– Не нужно со мной бороться! – сказал дон Хуан. – Борись с собственной вялостью и вспоминай.

Какое-то время я совершенно серьезно старался его раскусить. Мне не приходило в голову, что точно так же можно было бы попытаться вспомнить.

– Когда-то ты видел множество птиц, – намекнул дон Хуан, как бы давая мне ключ.

Я сказал, что в детстве жил на ферме и подстрелил не одну сотню птиц.

Дон Хуан заявил, что в этом случае мне будет несложно вспомнить всех необычных птиц, на которых я охотился.

Он вопросительно смотрел на меня, словно это была решающая подсказка.

– Птиц было столько, и я охотился так много, – сказал я, – что ничего не могу о них вспомнить.

– Это – особенная птица, – произнес он почти шепотом. – Эта птица – сокол.

Я снова начал вычислять, к чему он ведет. Дразнит? Или говорит серьезно? После длинной паузы он снова велел мне вспоминать. Я почувствовал, что бесполезно пытаться остановить его игру. Единственным, что оставалось – это присоединиться к нему.

– Ты говоришь о соколе, на которого я охотился? – спросил я.

– Да, – прошептал он, закрыв глаза.

– То есть это произошло, когда я был мальчишкой?

– Да.

– Но ты говоришь, что видишь сокола перед собой сейчас.

– Вижу.

– Что ты пытаешься со мной сделать?

– Пытаюсь заставить тебя вспомнить.

– Что вспомнить? Ради Бога!

– Сокола, быстрого как свет, – сказал он, глядя мне в глаза.

Я почувствовал, что сердце мое остановилось.

– Теперь смотри на меня, – велел он.

Но я не смотрел. Его голос едва до меня доносился. Я был ошеломлен воспоминанием, которое полностью овладело моим существом. Белый сокол!

Началось все с того, что, подсчитывая своих леггорнских цыплят, дед приходил в бешенство. Цыплята регулярно исчезали самым досадным образом. Дед лично организовал и осуществлял тщательнейшее дежурство, и после нескольких дней наблюдения мы, наконец, заметили, как большая белая птица уносит в когтях молоденькую курочку. Птица действовала очень быстро и четко знала, что делает. Она спикировала из-за деревьев, схватила курочку и скрылась сквозь просвет между фермами. Все произошло настолько быстро, что дед едва успел заметить, но я рассмотрел, что это был сокол. Дед сказал, что если это действительно так, то сокол должен быть альбиносом.

Началась кампания по охоте на сокола-альбиноса, и дважды я думал, что он у меня в руках. Он даже выпускал из когтей добычу, но каждый раз уходил. Он был слишком быстр для меня. И очень умен, потому что на ферму моего деда охотиться больше не прилетал.

Я бы забыл о нем, если бы дед постоянно не подзуживал меня. Два месяца я преследовал белого сокола по всей долине, в которой мы жили. Я изучил все его повадки и был способен чуть ли не интуитивно предвидеть траекторию его полета. Но скорость и внезапность его появления неизменно сбивали меня с толку. Я мог похвастаться, что практически каждый раз, когда мы с ним встречались, я не давал ему ухватить жертву, но добыть его мне все-таки никак не удавалось.

Только однажды за два месяца войны с белым соколом мне удалось подобраться к нему близко. Целый день я его выслеживал и очень устал. Присев отдохнуть под эвкалиптом, я заснул. Разбудил меня внезапно раздавшийся над головой соколиный крик. Не двигаясь, я открыл глаза и увидел высоко в ветвях эвкалипта белую птицу. Это был сокол-альбинос. Преследование закончилось. Выстрел предстоял трудный: я лежал на спине, а сокол сидел, повернувшись ко мне хвостом. Я воспользовался внезапным порывом ветра, чтобы поднять свое длинное ружье двадцать второго калибра и прицелиться.

Я хотел дождаться, пока птица повернется или взлетит, тогда бы я не промахнулся. Но сокол не шевелился. Чтобы подстрелить сокола в том положении, в котором он сидел, нужно было прицелиться получше, а для этого я должен был подвинуться, но в этом случае сокол наверняка бы ушел, потому что был слишком быстрым. Я решил, что правильнее будет ждать. И я ждал бесконечно долго. Может быть, на меня подействовала длительность ожидания, а может – уединенность места, где, кроме меня и сокола, не было никого, но вдруг вверх по моему позвоночнику пробежал холодок, я встал и совершил совершенно неожиданный поступок – я ушел. Ушел, ни разу не оглянувшись, чтобы посмотреть – улетела птица или по-прежнему сидит на ветке.

Я никогда не придавал особого значения своему заключительному поступку в этой истории с белым соколом. Однако то, что я не выстрелил, было очень странным. Ведь я убил десятки соколов. На ферме, где я рос, охота на птиц и самых различных животных была делом совершенно естественным.

Дон Хуан внимательно выслушал мой рассказ о белом соколе.

– Откуда ты о нем узнал? – спросил я.

– Я увидел его, – ответил он.

– Где?

– Прямо здесь, перед тобой.

Я не был настроен спорить и спросил:

– Что все это значит?

Он ответил, что белая птица вроде этой – знак, и отказ от того, чтобы в нее выстрелить, был единственным правильным решением.

– Твоя смерть дала тебе небольшое предупреждение, – с таинственным видом произнес дон Хуан. – Она всегда приходит как холод.

– О чем ты говоришь? – нервно спросил я.

Он, в самом деле, действовал мне на нервы своей мистической болтовней.

– Ты много знаешь о птицах, – сказал он. – Ты убил их слишком много. Ты знаешь, как нужно ждать. Ты часами неподвижно ждал. Я знаю. Я вижу это.

От его слов все мои мысли и чувства пришли в полнейший беспорядок. Я подумал, что больше всего меня раздражает его уверенность. Я не мог выдержать его догматической убежденности по поводу вещей в моей собственной жизни, в которых я сам не был уверен. Я погрузился в чувство подавленности и не заметил, как дон Хуан склонился надо мной, пока он что-то не прошептал мне в самое ухо. Сперва я не понял, и ему пришлось повторить. Он велел мне как бы невзначай обернуться и взглянуть на камень слева от себя. Он сказал, что моя смерть сидит там и смотрит на меня, и, если я по его сигналу поверну голову, то, возможно, смогу ее заметить.

Он сделал знак глазами. Я оглянулся, и мне показалось, что я заметил, как над камнем что-то мелькнуло. Через мое тело прошел озноб, мышцы живота непроизвольно напряглись, и я ощутил спазм. Мгновение спустя я совладал с собой и тут же уверил себя в том, что

движение, которое я заметил над камнем, — это оптическая иллюзия, вызванная резким поворотом головы.

— Смерть — наш вечный попутчик, — сказал дон Хуан предельно серьезным тоном. — Она всегда находится слева от нас на расстоянии вытянутой руки. Когда ты ждал, глядя на белого сокола, она наблюдала за тобой и что-то шепнула тебе на ухо, и ты ощутил ее холод, так же как ощутил его сегодня. Она всегда за тобой наблюдала. И будет наблюдать, пока не настанет день, когда она похлопает тебя по плечу.

Дон Хуан вытянул руку и слегка коснулся моего плеча, громко щелкнув языком. Эффект был поистине сокрушительный: меня почти вывернуло наизнанку.

— Ты — тот мальчик, который выслеживал дичь и терпеливо ждал, как ждет смерть; ты очень хорошо знаешь, что смерть слева от нас, так же как ты был слева от белого сокола.

Странная сила его слов ввергла меня в состояние неоправданного ужаса, и я принялся лихорадочно записывать все, что он сказал, потому что другого способа защиты у меня не было.

— Как кто-либо может чувствовать себя настолько значительным, когда мы знаем, что смерть выслеживает нас? — спросил дон Хуан.

Я чувствовал, что ответа не требуется. Впрочем, в любом случае я был не в состоянии что-либо произнести. Совершенно новое настроение овладело мной.

А дон Хуан продолжал:

— Когда ты в нетерпении или раздражен — оглянись налево и спроси совета у своей смерти. Огромное количество мелочности отлетит прочь, если смерть подаст тебе знак или если краем глаза ты уловишь ее движение, или просто почувствуешь, что твой попутчик за тобой наблюдает.

Он снова наклонился ко мне и прошептал в самое ухо, что, резко оглянувшись налево по его знаку, я опять увижу на камне свою смерть.

Он едва заметно мигнул, но оглянуться я не отважился. Я сказал, что верю, и что в этом плане ему больше нет нужды на меня давить, потому что я и так в ужасе. Дон Хуан разразился своим раскатистым утробным смехом.

Он ответил, что в вопросе, касающемся нашей смерти, никогда нельзя надавить на человека так сильно, как следовало бы. Но я возразил, сказав, что в моем случае бессмысленно столь углубленно это рассматривать, потому что ничего, кроме ощущения страха и дискомфорта, мысль о смерти мне не дает.

— Ты просто доверху набит всяким вздором! — воскликнул он. — Единственный мудрый советчик, который у нас есть, — это смерть. Каждый раз, когда ты чувствуешь, как это часто с тобой бывает, что все складывается из рук вон плохо и ты на грани полного краха, повернись налево и спроси у своей смерти, так ли это. И твоя смерть ответит, что ты ошибаешься и что, кроме ее прикосновения, нет ничего, что действительно имело бы значение. Твоя смерть скажет: «Я еще не коснулась тебя!»

Дон Хуан покачал головой, как бы ожидая моей реакции. Но мне нечего было сказать. Мысли в бешеном темпе сменяли одна другую. По моему самомнению был нанесен сокрушительный удар. В свете моей смерти мелочность раздражения по адресу дона Хуана была абсурдной.

Я чувствовал, что дон Хуан в полной мере осознает все те изменения, которые произошли в моем настроении. Он повернул ход событий в свою пользу. Он начал напевать мексиканскую песенку.

— Да, — мягко произнес он после длинной паузы. — Один из нас должен измениться и быстро. Один из нас должен снова осознать, что смерть — это охотник и что она всегда слева от нас. Один из нас должен обратиться к смерти за советом, чтобы избавиться от этой проклятой мелочности, свойственной людям, которые живут так, словно смерть никогда их не коснется.

Больше часа мы молчали, а потом пошли обратно. Несколько часов мы петляли по пустынному чапаралю. Я не спрашивал, для чего это нужно, — это не имело значения. Каким-то образом дону Хуану удалось вернуть мне давно забытое чувство чистой радости

оттого, что я просто иду, без придания этому какой-либо разумной цели. Я захотел еще раз взглянуть на то, что видел там, на камне.

– Сделай так, чтобы я смог еще раз увидеть ту тень, – попросил я.

– Ты говоришь о своей смерти, да? – уточнил дон Хуан с оттенком иронии в голосе.

Мгновение я сопротивлялся тому, чтобы произнести это, но, в конце концов, сказал:

– Да. Сделай так, чтобы я смог еще раз увидеть свою смерть.

– Не сейчас, – сказал он. – Сейчас ты слишком тверд.

– Извини, не понял?

Дон Хуан засмеялся, и смех его почему-то не был обидным и предательским, как раньше. Я бы не сказал, что теперь он смеялся не так, как прежде, – тон, громкость и настроение этого смеха остались неизменными. Но новый элемент все же присутствовал, и элементом этим было мое настроение. С точки зрения неотступности смерти мое раздражение и все мои страхи становились совершенно бессмысленной ерундой.

– Тогда позволь мне поговорить с растениями, – попросил я.

Дон Хуан разразился хохотом.

– Сейчас ты слишком хорош, – сказал он, не переставая смеяться. – Тебя бросает из крайности в крайность. Будь спокойным. Ни к чему разговаривать с растениями, если тебе не нужно узнать их секреты, а для этого главное, что тебе потребуется – это нестигаемое намерение. Так что побереги свои наилучшие побуждения для другого случая. Точно так же нет необходимости в том, чтобы встречаться со смертью. Достаточно чувствовать ее присутствие рядом с собой.

Глава 5. Принятие ответственности

Вторник. 11 апреля 1961

Ранним утром 9 апреля я приехал к дому дона Хуана. Было воскресенье.

– Доброе утро, дон Хуан! – поздоровался я. – Рад тебя видеть!

Взглянув на меня, он мягко рассмеялся. Он подошел к машине, открыл дверцу и держал ее, пока я вытаскивал пакеты с продуктами, которые привез ему.

Мы пошли к дому и уселись возле двери.

Впервые я по-настоящему осознал, что делаю здесь. Три месяца я буквально с нетерпением ждал очередного выезда «в поле». Словно мина замедленного действия разорвалась внутри меня, и я внезапно вспомнил нечто, имевшее для меня трансцендентальное значение. Я вспомнил, что однажды в своей жизни я уже был очень терпелив и действовал исключительно эффективно.

Прежде чем дон Хуан смог что-либо сказать, я задал ему вопрос, который не давал мне покоя. Все три месяца меня одолевали воспоминания о белом соколе. Как мог дон Хуан о нем узнать, если сам я об этом давно забыл?

Он засмеялся, но не ответил. Я умолял его объяснить.

– Это все – ерунда, – сказал он со своей обычной убежденностью. – Любой тебе скажет, что ты странный. Просто ты все время находишься в каком-то оцепенении и всего-то.

Я почувствовал, что он опять заговаривает мне зубы и загоняет в угол, куда мне не очень-то хотелось.

– Разве можно увидеть собственную смерть? – спросил я, пытаясь не дать разговору отклониться от темы.

– Конечно, – со смехом ответил он. – Она всегда рядом с нами.

– Откуда ты это знаешь?

– Я уже стар. С годами человек учится разным вещам.

– Я знаком со многими стариками, но они ничему подобному не научились. Как вышло, что ты – научился?

– Скажем так: я много чего знаю потому, что у меня нет личной истории, потому, что не чувствую себя более важным, чем все остальное, и потому, что моя смерть всегда находится рядом со мной, вот здесь.

Он вытянул левую руку и пошевелил пальцами, словно что-то поглаживая.

Я засмеялся. Я знал, к чему он клонит. Старый черт, скорее всего снова собрался зацепить меня на тему самозначительности, но на этот раз я был не против. Память о том, что однажды я обладал исключительным терпением, наполняла меня ощущением странной, спокойной эйфории, рассеявшим практически всю мою нервозность и нетерпимость в отношении дона Хуана. Вместо этого в отношении его действий я чувствовал изумление.

– Но все-таки, кто ты на самом деле? – поинтересовался я.

Казалось, он удивился. Он выпучил глаза до немыслимых размеров и мигнул, как птица. Его веки сомкнулись и разомкнулись подобно шторкам, не меняя фокусировки глаз. Неожиданный маневр дона Хуана меня испугал, я даже слегка отпрянул, а он рассмеялся по-детски непринужденно.

– Для тебя я – Хуан Матус, и я – к твоим услугам, – сказал он с подчеркнутой учтивостью.

Тогда я задал ему еще один вопрос, не дававший мне покоя:

– Что ты сделал со мной в тот день, когда мы встретились впервые?

Я имел в виду тот взгляд, которым он посмотрел на меня.

– Я? Ничего, – ответил он невинным тоном.

Я описал ему, что чувствовал, когда в тот раз он на меня взглянул, и насколько немислимо для меня было буквально онеметь от одного только взгляда.

Дон Хуан хохотал, пока по щекам его не потекли слезы. Я снова почувствовал прилив злости по отношению к нему. Я подумал, что веду себя так серьезно и так осмысленно, а он в ответ – настолько «по-индейски» в самом худшем смысле слова.

Очевидно, он тут же уловил мое настроение и мгновенно прекратил смеяться.

После довольно длительных колебаний, я все же сказал ему, что его смех разозлил меня потому, что я самым серьезным образом пытался понять, что со мной тогда произошло.

– А тут нечего понимать, – невозмутимо заявил он.

Я напомнил ему всю цепочку необычных событий, произошедших после моего с ним знакомства, начиная с того, как он на меня посмотрел, и заканчивая воспоминанием о белом соколе и тени над камнем, которая, по его словам, была моей смертью.

– Зачем ты все это делаешь со мной? – спросил я.

В моем вопросе не было воинственности. Мне просто было любопытно, почему именно я.

– Ты попросил меня рассказать все, что я знаю о растениях, – ответил дон Хуан.

В его голосе я уловил оттенок сарказма. Это звучало так, словно он меня ублажал.

– Но все, что ты до сих пор мне рассказал, не имеет с растениями ничего общего, – возразил я.

Он ответил, что изучение растений требует времени.

Я почувствовал: препираться с ним бесполезно. Я осознал полный идиотизм простых и абсурдных решений, которые принимал. Пока я находился дома, я обещал себе, что, общаясь с доном Хуаном, никогда больше не стану нервничать и раздражаться. Но на деле, однако, я мгновенно выходил из себя, стоило ему в очередной раз меня отшить. Я чувствовал, что никак не могу нащупать путей взаимодействия с ним, и это меня злило.

– А сейчас подумай о своей смерти, – неожиданно велел дон Хуан. – Она – на расстоянии вытянутой руки. И в любое мгновение может похлопать тебя по плечу, так что в действительности у тебя нет времени на вздорные мысли и настроения. Времени на это нет ни у кого из нас. Ты хочешь знать, что я сделал с тобой в тот день, когда мы впервые встретились? Я видел тебя. И я видел, что ты думаешь, что врешь мне. Но ты не врал, не в самом деле.

Я сказал, что его объяснение только еще больше меня запутало. Он ответил, что именно по этой причине не хотел мне ничего объяснять, что объяснения не были необходимостью и что в зачет идет только одно – действие. Действие вместо разговоров.

Он вытащил соломенную циновку и улегся на нее, подложив под голову какой-то сверток. Устроившись поудобнее, он сказал, что мне предстоит еще кое-что сделать, если я действительно хочу изучать растения.

– Что было не в порядке с тобой, когда я видел тебя, и что не в порядке с тобой сейчас, это то, что ты не любишь принимать ответственность за свои действия, – медленно произнес дон Хуан, как бы давая мне время понять, о чем он говорит. – Когда ты говорил мне все это на автостанции, ты прекрасно отдавал себе отчет в том, что врешь. Почему ты врал?

Я объяснил, что делал это, чтобы заполучить «главного информатора» для своей работы.

Дон Хуан улыбнулся и замурлыкал мексиканскую мелодию.

– Если человек решил сделать что-либо, то он должен идти до конца, – сказал он, – но при этом ему необходимо принять на себя ответственность за то, что он делает. Что именно человек делает, значения не имеет, но он должен знать, во-первых, зачем он делает это, и затем он должен осуществлять свои действия без сомнений и сожалений по их поводу.

Он смотрел на меня изучающе. Я не знал, что сказать. Наконец, у меня сформировалось мнение, почти протест. Я воскликнул:

– Но это же невозможно!

Он спросил, почему, а я ответил, что, наверно, было бы идеально, если бы люди обдумывали все, что собираются сделать. Но на практике, однако, такое невозможно, и невозможно избежать сомнений и сожалений.

– Еще как возможно! – убежденно возразил дон Хуан, – Взгляни на меня. У меня не бывает ни сомнений, ни сожалений. Все, что я делаю, я делаю по собственному решению и принимаю на себя всю полноту ответственности за это. Самое простое действие, например, прогулка с тобой по пустыне, может означать для меня смерть. Смерть выслеживает меня, поэтому у меня нет места для сомнений и сожалений. И если я должен умереть, в результате того, что я беру тебя на прогулку, то я должен умереть. Ты же, в отличие от меня, чувствуешь, что бессмертен, а решения бессмертного человека могут быть отменены, о них можно сожалеть или в них сомневаться. В мире, где смерть – охотник, мой друг, нет времени на сожаления или сомнения. Время есть лишь для решений.

Я совершенно искренне возразил, что, по моему мнению, мир, о котором он говорит, нереален, что он произвольно создает этот мир, взяв идеальную модель поведения и утверждая, что следует действовать именно таким образом.

И я рассказал дону Хуану о своем отце, который любил читать мне бесконечные проповеди о чуде здравого ума в здоровом теле, о том, что молодым людям следует закалять и укреплять свое тело, преодолевая трудности и участвуя в спортивных состязаниях. Отец

был молод; когда мне было восемь, ему едва исполнилось двадцать семь. Летом он, как правило, уезжал из города, где работал учителем в школе, чтобы хоть месяц провести на ферме моего деда, где я жил. Этот месяц был для меня сущим адом. Я привел дону Хуану один из типичных примеров поведения отца. Пример этот, как мне казалось, вполне соответствовал теме нашего разговора.

Едва приехав на ферму, отец тут же тащил меня с собой на длинную прогулку, во время которой мы обсуждали дальнейшие действия. Отец строил планы насчет того, как мы будем ходить плавать каждое утро в шесть часов. Вечером он заводил будильник на полшестого, чтобы утром у нас было достаточно времени: ведь ровно в шесть мы уже должны быть в воде. Утром будильник звонил, отец выбирался из постели, надевал очки и выглядывал в окно.

Я даже дословно вспомнил монолог, который он при этом произносил:

– М-м-м... Что-то сегодня как-то облачно. Слушай, я полежу еще минут пять. Хорошо? Только пять! Просто нужно хорошенько потянуться, чтобы сон окончательно прошел.

И он неизменно засыпал, и спал до десяти, а иногда и до полудня.

Я сказал дону Хуану, что особенно меня раздражало то, что он упорно не желал отказываться от своих явно фальшивых решений. Ритуал повторялся каждое утро, до тех пор, пока я, в конце концов, не отказывался заводить будильник, чем страшно обижал отца.

– Это вовсе не были фальшивые решения, – возразил дон Хуан, явно принимая сторону моего отца. – Он просто не знал, как ему проснуться и встать, вот и все.

– Как бы там ни было, – сказал я, – я не терплю неосуществимых решений.

– А какое решение было бы в данном случае осуществимым? – застенчиво улыбаясь, спросил дон Хуан.

– Отец должен был признаться себе, что не в силах пойти купаться в шесть, и решить, что купаться мы отправимся, скажем, в три часа пополудни.

– Твои решения ранят дух, – сказал дон Хуан исключительно серьезным тоном.

Мне показалось, что в голосе его даже прозвучали печальные нотки. Довольно долго мы молчали. Мое раздражение улеглось. Я думал о своем отце.

– Он не хотел идти купаться в три часа пополудни. Неужели ты не понимаешь? – сказал дон Хуан.

Его слова заставили меня взвиться.

Я сказал, что отец был слаб, и таким же был его мир идеальных поступков, которые он никогда не осуществлял. Я почти кричал.

Дон Хуан не произнес ни слова. Он медленно и ритмично покачал головой. Я чувствовал ужасную печаль. Всякий раз, когда я вспоминал об отце, меня охватывало какое-то опустошающее чувство.

– Думаешь, ты был сильнее, да? – как бы, между прочим, спросил дон Хуан.

Я ответил, что именно так и думаю, и начал было рассказывать о состоянии эмоциональной сумятицы, в которое отец неизменно меня приводил, но дон Хуан перебил:

– Он поступал с тобой нечестно?

– Нет.

– Может, он был мелочен по отношению к тебе?

– Нет.

– И он делал для тебя все, что было в его силах?

– Да.

– Так что же тебе не нравится?

Я снова начал кричать, что он был слаб, но спохватился и понизил голос. На допросе у дон Хуана я чувствовал себя как-то нелепо.

– Зачем ты все это делаешь? – спросил я, – Предполагалось, что мы будем говорить о растениях.

Я был раздражен и подавлен больше, чем когда-либо до этого. Я сказал, что мое поведение – не его дело, и что не с его познаниями об этом судить, а он разразился хохотом.

– Когда ты злишься, ты всегда чувствуешь, что прав, да? – спросил он и по-птичьи моргнул.

Это было действительно так. Мне была свойственна тенденция всегда чувствовать праведность своего гнева.

– Давай не будем говорить о моем отце, – сказал я, изображая хорошее настроение, – поговорим лучше о растениях.

– Нет уж, давай поговорим о твоём отце, – настаивал дон Хуан. – Это как раз то, с чего нам сегодня следовало бы начать. Если ты думаешь, что был настолько сильнее его, то скажи, почему ты сам не ходил купаться в шесть утра вместо него?

Я ответил, что не мог поверить в то, что отец просил меня об этом всерьёз. Я всегда считал, что купание в шесть утра – это дело моего отца, а не мое.

– С того момента, как ты принял его идею, это стало также и твоим делом, – резко сказал дон Хуан.

Я сказал, что никогда ее не принимал, потому что знал, что отец был склонен к самообману. Таким тоном, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся, дон Хуан спросил, почему я тогда же не сказал отцу все, что по этому поводу думал.

– Отцу таких вещей не говорят, – неуверенно попытался я объяснить.

– А, собственно, почему?

– В моем доме это было не принято, вот и все.

– Ты совершал гораздо более неприглядные поступки в своем доме, – провозгласил он, как судья, выносящий приговор. – Единственное, чего ты так и не совершил – ты не зажег свой дух!

Сила этих его слов была столь сокрушительной, что они, словно эхо, отозвались в моем сознании. Он опрокинул все мои щиты. Я был не в состоянии с ним спорить и нашел убеждение в записывании.

В последней слабой попытке объясниться я сказал, что всю жизнь мне почему-то приходится иметь дело с людьми вроде моего отца, которые, подобно ему, бросали мне наживку в виде своих заманчивых планов, а в итоге я всегда оказывался не у дел.

– Ты жалуешься, – мягко произнес дон Хуан. – Ты жаловался всю свою жизнь, потому что не принимал ответственность за свои решения. Если бы ты согласился с решением своего отца каждое утро в шесть часов ходить купаться, ты пошел бы самостоятельно, если бы понадобилось, или послал бы отца к черту, едва он заикнулся бы на эту тему после того, как ты понял, чего стоят все эти разговоры. Но ты ничего ему не сказал. Так что ты был так же слаб, как твой отец. Принять на себя ответственность за свои решения – это значит быть готовым умереть за них.

– Пстой, пстой! – воскликнул я. – Ты передергиваешь!

Но он не дал мне закончить. Я собирался сказать, что привел своего отца лишь в качестве примера нереалистического образа действия и что ни один здравомыслящий человек не согласится умирать за такую идиотскую вещь.

– Не имеет значения, каким именно является решение, – сказал дон Хуан. – Не может быть так, чтобы что-то одно было важнее другого. Разве ты не понимаешь? В мире, где смерть является охотником, не может быть маленьких или больших решений. Здесь есть лишь решения, которые мы принимаем перед лицом нашей неминуемой смерти.

Я не мог сказать ничего. Прошло не менее часа. Дон Хуан совершенно неподвижно лежал на своей циновке. Но он не спал.

– Почему ты мне все это рассказываешь, дон Хуан? – спросил я.
– Почему ты делаешь все это со мной?

– Ты пришел ко мне, – ответил он. – Вернее, ты был ко мне приведен. И я делаю в отношении тебя жест.

– Прошу прощения?..

– Ты мог бы сделать жест в отношении своего отца, если бы стал ради него купаться по утрам. Но ты не сделал этого, наверно, потому, что был слишком молод. Я прожил больше тебя. Надо мной ничего не висит. В моей жизни нет спешки, поэтому я могу действительно сделать жест в отношении тебя.

Во второй половине дня мы отправились в поход. Я легко выдерживал темп, который задавал дон Хуан, и опять восхищался его поразительной тренированностью. Он шел настолько легко и шаги его были настолько уверенными, что рядом с ним я выглядел ребенком. Мы шли в восточном направлении. Я заметил, что он не любит разговаривать во время ходьбы. Если я заговаривал с ним, он останавливался, чтобы ответить.

Через пару часов мы подошли к холму. Дон Хуан сел и указал мне на место рядом с собой. Парадийно-драматическим тоном он заявил, что собирается рассказать мне историю.

Жил некогда молодой человек – очень бедный индеец. Он жил в большом городе, и окружали его только белые люди. У него не было ни дома, ни родных, ни друзей. Он пришел в город за счастьем, но нашел лишь нищету и боль. Время от времени он, работая как мул, добывал несколько центов на кусок хлеба. Если бы не это, ему пришлось бы просить милостыню или воровать.

Однажды молодой человек отправился на рынок. Бредя как в тумане, он диким взглядом рассматривал изобилие прекрасных товаров. Он был в таком шоке, что не видел, куда идет и, в конце

концов, налетев на стоявшие корзины, свалился на какого-то старика.

Старик нес четыре большущих кувшина и только что остановился и присел, чтобы перекусить. Дон Хуан многозначительно улыбнулся и сказал, что старику показалось довольно странным то, что на него свалился молодой человек. Он не рассердился из-за того, что его потревожили, но лишь удивился, почему это оказался именно этот конкретный молодой человек. Парень же, наоборот, разозлился и обругал старика за то, что тот расселся у него на дороге. Его совершенно не интересовала скрытая причина их встречи. Он не заметил, что это было пересечением их путей.

Дон Хуан изобразил движение человека, который пытается схватить нечто перевернувшееся и покотившееся. Он сказал, что кувшины старика опрокинулись и покатались. Увидев это, молодой человек решил, что на сегодня ему удалось найти для себя пропитание.

Он помог старику и взялся нести тяжелые кувшины. Старик сказал, что идет домой в горы, и молодой человек настоял на том, чтобы сопровождать его хотя бы часть пути.

Старик повернул в горы и по дороге накормил молодого человека, отдав ему часть купленных на рынке продуктов. Молодой человек набил брюхо под самую завязку и, почувствовав, что сыт, начал замечать, насколько тяжелы сосуды, которые он нес. И он крепче прижал их к себе.

Дон Хуан вытаращил глаза и с дьявольской усмешкой сказал, что молодой человек спросил у старика: «Что у тебя в этих кувшинах?» Старик не ответил, но сказал, что собирается показать молодому человеку друга, который развеет его горести, даст ему совет и научит мудрости, чтобы разобраться в путях этого мира.

Дон Хуан изобразил обеими руками величественный жест и сказал, что после этого старик призвал к себе оленя. Ничего красивее этого оленя молодому человеку в своей жизни видеть не доводилось. Олень был настолько ручным, что подошел совсем

близко и бродил вокруг. Он сиял и сверкал. Молодой человек был очарован и тут же догадался, что это – «олень духа». Старик сказал ему, что, если молодой человек хочет, чтобы олень стал его другом и подарил ему свою мудрость, он должен всего-навсего отказаться от кувшинов.

Дон Хуан изобразил честолюбивую усмешку и сказал, что все мелочные желания и страсти молодого человека всколыхнулись в ответ на это предложение. Глазки дона Хуана стали маленькими и дьявольски колючими. Имитируя молодого человека, он спросил: «Так что же все-таки в твоих кувшинах?»

Дон Хуан сказал, что ответ старика был очень искренним: в кувшинах – пицца. Пинола⁴ и вода. Он прервал рассказ и пару раз прошелся по кругу. Я не знал, что он делает. Но это явно было частью истории. Я решил, что хождение по кругу изображает мучительные раздумья, в которые погрузился молодой человек.

Дон Хуан сказал, что, разумеется, молодой человек не поверил ни единому слову старика. Он прикинул, что старик – наверняка колдун, и если за свои кувшины он готов отдать «оленья духа», то, какое невероятное могущество, какую фантастическую силу они должны содержать!

Лицо дона Хуана снова исказила дьявольская усмешка, и он сказал, что молодой человек заявил: он выбирает кувшины. Последовала длинная пауза, вроде бы означавшая конец сказки. Дон Хуан молчал, но я был уверен, что он ждет от меня вопросов, и спросил:

– И что же произошло с молодым человеком?

– Он взял кувшины, – ответил дон Хуан с улыбкой, выражавшей удовлетворение.

Последовала еще одна длительная пауза. Я засмеялся. Я подумал, что это – настоящая «индейская сказка».

Сияя глазами, дон Хуан невинно улыбнулся, а потом засмеялся мягкими раскатами и спросил:

⁴ Пинола – латиноамериканское блюдо типа каши из поджаренной кукурузы.

– Разве тебе не интересно, что было в кувшинах?

– Интересно, конечно. Просто я думал, что сказка закончилась.

– О нет, – сказал он с озорным блеском в глазах. – Молодой человек схватил свои кувшины, убежал, забрался в укромное место и там их открыл.

– И что он увидел? – спросил я.

Дон Хуан взглянул на меня, и я почувствовал, что он в полной мере осознает все упражнения, которые в этот момент проделывал мой интеллект. Он потрянул головой и усмехнулся.

– Ну ладно, – сказал я. – Кувшины оказались пустыми?

– В кувшинах оказались только пища и вода, – ответил он. – И молодой человек в припадке гнева разбил их о камни.

Я сказал, что его реакция совершенно естественна – любой на его месте сделал бы то же самое.

На что дон Хуан заявил, что молодой человек был дураком, который сам не знает, что ищет. Он не знал, что такое «сила», поэтому не мог судить о том, нашел он ее или нет. Он не принял на себя ответственности за свое решение, поэтому так разозлился из-за своего просчета. Он рассчитывал что-то приобрести, а вместо этого не получил ничего. Дон Хуан сказал, что, окажись я на месте того молодого человека и последуй я своим склонностям, я точно так же закончил бы припадком гнева и разочарованием, и остаток своей жизни, несомненно, провел бы, жалея себя и стеля о том, что потерял.

Потом он объяснил мне поведение старика. Тот поступил очень умно, предварительно до отвала накормив молодого человека, дав ему «отвагу сытого желудка» и, поэтому тот, обнаружив в кувшинах только пищу, пришел в ярость и разбил их о камни.

– Если бы решение молодого человека было осознанным, и если бы он принял за него ответственность, – сказал дон Хуан, – он оставил бы еду, которая была в кувшинах, себе и был бы этим более чем доволен. А может, ему бы даже удалось понять, что эта еда тоже была силой.

Глава 6. Стать охотником

Пятница, 23 июня 1961

Едва присев, я принялся в буквальном смысле слова бомбардировать дон Хуана вопросами. Он не отвечал. В конце концов, нетерпеливым жестом он велел мне замолчать. Похоже было, что настроен он весьма серьезно.

– Я думал о том, что ты ни на йоту не изменился за то время, пока пытаешься изучать растения, – произнес он. В тоне его звучал укор.

Громким голосом он принялся перечислять все личностные изменения, которые мне следовало произвести в себе, руководствуясь его указаниями. Я сказал ему, что рассмотрел их очень серьезно и нашел, что не в состоянии осуществить их, так как каждое из них противоречит моей сути. Он ответил, что просто рассмотреть их было недостаточно и что все сказанное им, было сказано не просто для развлечения. Я снова начал настаивать на том, что, хотя сделал очень мало в приведении своей жизни в соответствие его идеям, я действительно хотел учиться использованию растений.

После длительной неловкой паузы я отважно спросил:

– Я намерен изучать пейот. Ты будешь меня учить, дон Хуан?

Он ответил, что одного только моего намерения недостаточно и что знания о пейоте – тут он впервые назвал его «Мескалито» – дело очень и очень серьезное. Больше говорить было вроде как не о чем.

Однако вечером дон Хуан дал мне контрольное задание. Без каких бы то ни было подсказок с его стороны, мне предлагалось найти благоприятное для меня место на площадке перед домом, где мы обычно с доном Хуаном сидели. Это должно было быть место, на котором я определенно чувствовал бы себя совершенно счастливым

и ощущал бы прилив сил. Почти всю ночь я провел, катаясь по земле на этой площадке в поисках «пятна». За это время мне удалось дважды заметить изменение цвета на фоне однородного темного земляного пола.

Наконец, в полном изнеможении я заснул на одном из мест, в которых менялся цвет. Утром дон Хуан разбудил меня и сказал, что я справился с заданием наилучшим образом: мне удалось отыскать не только благоприятное место, но и противоположное ему по воздействию, так сказать, враждебное или отрицательное, а также определить цвета, соответствующие обоим местам.

Суббота, 24 июня 1961

Ранним утром мы отправились в пустынный чапараль. По пути дон Хуан объяснил, что поиск «благоприятных» и «враждебных» мест имеет огромное значение для тех, кому приходится жить среди дикой природы. Я попытался перевести разговор на тему пейота, но об этом он говорить наотрез отказался, сказав, что сам вернется к теме пейота, когда придет время, предупредив, что до этого я не должен даже вспоминать о ней.

Мы присели отдохнуть на густо заросшей площадке в тени под какими-то высокими кустами. Чапараль вокруг нас еще не совсем высох от солнца, а среди растительности обитало огромное количество мух, которые постоянно мне докучали. Но дона Хуана мухи как будто не беспокоили. Мне стало интересно, каким образом ему удастся их не замечать, но потом я увидел, что они попросту вообще не садятся на его лицо.

— Иногда может возникнуть необходимость в том, чтобы очень быстро найти благоприятное место прямо в чистом поле, — продолжил дон Хуан. — Или определить, не является ли плохим то, на котором ты как раз собираешься отдохнуть. Когда-то мы сделали привал возле холма, и ты очень разозлился и расстроился. Пятно, на котором мы сидели, было твоим врагом. Маленькая ворона тебя об этом предупреждала, помнишь?

Я вспомнил, что в тот раз дон Хуан посоветовал мне в будущем избегать этого места. И вспомнил, как действительно разозлился оттого, что он не разрешил мне смеяться.

– Я думал тогда, что ворона, которая пролетела над нами, была знаком только для меня, – сказал он, – поскольку не знал, что вороны благоволят и к тебе тоже.

– Не понимаю, о чем ты...

– Ворона была знаком, – продолжал он. – Если бы ты понимал в воронах, ты избегал бы того места, словно оно заражено чумой. Но не всегда поблизости оказывается ворона, которая может тебя предупредить, поэтому необходимо научиться самостоятельно находить место для лагеря или отдыха.

После довольно длительной паузы дон Хуан неожиданно повернулся ко мне и сказал, что все, что нужно, для того чтобы найти подходящее место для отдыха, это свести глаза. Он заговорщицки подмигнул мне и доверительным тоном сказал, что именно так я и поступил, когда катался ночью по земле, и благодаря этому смог найти оба места и увидеть соответствующие им цвета. Дон Хуан признался в том, что моя удача произвела на него сильное впечатление.

– Но я, честное слово, не знаю, как это у меня получилось, – сказал я.

– Ты свел глаза, – выразительно произнес он. – Это – технический прием, ты должен был его применить, хотя можешь об этом и не помнить.

Затем дон Хуан подробно описал этот прием. Он сказал, что на его отработку могут уйти годы. Заключается он в том, чтобы постепенно заставить глаза видеть одно и то же изображение по отдельности. Отсутствие изменения изображения влечет за собой раздвоенное восприятие, а раздвоенное восприятие согласно дону Хуану позволяет человеку отмечать изменения в окружающей обстановке, которые в обычном режиме глаза не способны воспринять.

Дон Хуан предложил мне попробовать, заверив, что зрению это не повредит. Он сказал, что начинать следует с коротких взглядов почти самыми уголками глаз, а затем показал мне как это делается, выбрав большой куст. Когда я смотрел на глаза дон Хуана, бросавшие непостижимо быстрые взгляды на куст, у меня возникло странное ощущение. Они напомнили мне изворотливого животного, которое не может постоянно смотреть прямо перед собой.

Мы шли еще примерно час, в течение которого я пытался ни на чем не фокусировать взгляд. Затем дон Хуан велел мне разделять изображения, воспринимаемые каждым моим глазом. Еще через час у меня ужасно разболелась голова, и нам пришлось остановиться.

– Как думаешь, сможешь ты сам найти подходящее место для привала? – спросил дон Хуан.

Я не имел понятия, по какому критерию судить о том, является место «подходящим» или нет. Он терпеливо объяснил, что, смотрение короткими взглядами позволяет глазам выхватить необычные картины.

– Какого типа? – спросил я.

– Это не совсем картины, – уточнил дон Хуан. – Они больше похожи на чувства, чем на зрительные образы. Если ты посмотришь таким способом на дерево, куст или скалу, под которыми тебе хотелось бы отдохнуть, глаза помогут тебе ощутить, является ли выбранное место наиболее удачным для привала.

Я снова потребовал, чтобы дон Хуан объяснил, на что похожи ощущения, о которых он говорит, но он либо не мог их описать, либо просто не хотел, и сказал, что мне самому нужно попробовать выбрать подходящее место, и тогда он скажет, работают мои глаза в этом плане или нет.

В какое-то мгновение я заметил что-то похожее на точки света, отраженного прожилками кварца. Когда я прямо смотрел на то место, где они мелькнули, их не было видно, но стоило мне быстрым взглядом вскользь пробежать по окружающему пейзажу, как что-то вроде слабого сияния вновь обнаруживалось на том же самом месте.

Я показал это место дону Хуану. Оно находилось как раз посередине открытого прямым лучам солнца участка голой земли. Дон Хуан раскатисто захохотал, а потом спросил, почему я выбрал именно это место. Я сказал, что увидел там сияние.

– Не имеет значение, что ты видишь, – объяснил он. – Ты можешь увидеть все, что угодно, хоть слона. Важно, что ты при этом чувствуешь.

Но я не чувствовал ничего. Дон Хуан загадочно взглянул на меня и сказал, что хотел бы доставить мне удовольствие и посидеть вместе со мной на выбранном мною пятачке, но предпочитает, чтобы я проверил свой выбор самостоятельно, а он тем временем посидит где-нибудь в другом месте.

Я опустился на землю. Дон Хуан отошел метров на десять-двенадцать и стал с любопытством наблюдать за мной оттуда. Через несколько минут он начал громко смеяться. Его смех почему-то действовал мне на нервы. Он вывел меня из себя. Я почувствовал, что дон Хуан надо мной смеется, и разозлился. Я спрашивал себя, что мне вообще здесь нужно. Во всей этой ситуации с учебой у дона Хуана с самого начала определенно был какой-то изъяс. Я чувствовал, что, попав к нему в лапы, стал пешкой в неведомой мне игре.

Внезапно дон Хуан со всех ног бросился ко мне, схватил за руку и волоком оттащил меня по земле метров на пять от того места, где я сидел. Он помог мне встать на ноги и отер пот со своего лба. Я заметил, что на этом действии он выдохся, чуть ли не до последнего предела. Он похлопал меня по спине и сказал, что я выбрал плохое место, и что ему пришлось в спешном порядке спасти меня, пока оно не захватило все мои чувства. Я рассмеялся. Образ дона Хуана, бросающегося ко мне, выглядел довольно занятно. Он несся так, словно ему было двадцать лет. Ступнями он словно цеплялся за мягкую красноватую землю пустыни, как будто собирался с ходу через меня перемахнуть. Все произошло почти мгновенно: только что дон Хуан смеялся надо мной, а буквально через секунду-другую уже волок меня за руку по земле.

Немного погодя он велел мне снова попытаться найти подходящее место. Мы шли не останавливаясь, но как я ни старался что-либо заметить или «почувствовать», мне это не удавалось. Наверно, у меня получилось бы, если б я больше расслабился. Но злиться на него я, тем не менее, перестал. В конце концов, он указал на группу камней, мы подошли к ним и сделали привал.

– Не разочаровывайся, – сказал дон Хуан. – На то, чтобы как следует натренировать глаза, требуется немало времени.

Я ничего не сказал. Мне и в голову не приходило разочаровываться в том, чего я совершенно не понимал. Тем не менее, я не мог не признать, что с тех пор, как мы с доном Хуаном познакомились, и я начал к нему приезжать, я уже трижды приходил в неистовство и накручивал себя, чуть ли не до болезненного состояния, когда сидел на тех местах, которые дон Хуан называл плохими.

– Весь фокус в том, чтобы научиться чувствовать глазами, – объяснил дон Хуан. – Ты не знаешь, что именно чувствовать, и в этом – твоя проблема. Но с практикой это придет.

– Может быть, ты расскажешь мне, что я должен чувствовать? – спросил я.

– Это невозможно.

– Почему?

– Никто не сможет тебе сказать, что в этом случае человек чувствует. Это – не тепло, не свет, не сверкание, не цвет... Это ни на что не похоже.

– И ты не можешь этого описать?

– Нет. Я могу только обучить тебя техническим приемам. Когда ты научишься разделять изображения и воспринимать все в раздвоенном виде, ты должен будешь сосредоточить внимание на пространстве между этими двумя изображениями. Любое

заслуживающее внимания изменение произойдет именно в этой области.

– Об изменениях какого типа ты говоришь?

– Это не важно. Важно чувство, которое у тебя при этом возникнет. Сегодня ты увидел сверкание, но это ничего не значило, потому что отсутствовало чувство. Как чувствовать, я тебе объяснить не могу. Ты должен научиться этому сам.

Некоторое время мы молча отдыхали. Дон Хуан лежал, прикрыв лицо шляпой, и не двигался, как будто спал. Я полностью погрузился в свои записи. Вдруг он сделал резкое движение. От неожиданности я вздрогнул. Дон Хуан рывком сел и, нахмурившись, повернулся ко мне:

– Ты обладаешь сноровкой в охоте. Охота – именно то, чему тебе следует учиться. Так что мы больше не будем говорить о растениях.

Он на секунду выдвинул челюсть, а потом бесстрастно добавил:

– Впрочем, этим, как мне кажется, мы никогда и не занимались, верно?

И засмеялся.

Остаток дня мы бродили по чапаралю, и дон Хуан невероятно подробно и обстоятельно рассказывал мне о гремучих змеях. Где они гнездятся, как двигаются, каковы их сезонные повадки, их уловки и прочее. Далее он, подтверждая все это, в конце концов, поймал и убил большую змею. Он отрезал ей голову, вычистил внутренности, содрал кожу и поджарил мясо на костре. Наблюдение за всем этим доставило мне истинное удовольствие, потому что действовал дон Хуан мастерски, и каждое движение его было точным и грациозным. Я зачарованно следил за ним и слушал все, что он говорил. Сосредоточение мое было настолько полным, что весь остальной мир практически перестал для меня существовать.

Змеиное мясо пришлось съесть, и это довольно грубо вернуло меня в обычный мир. Когда я начал жевать первый кусочек, меня затошнило. Объективных причин для этого не было никаких, так как мясо оказалось прекрасным, но я ничего не мог поделать, словно мой желудок был сам по себе и от меня никак не зависел. Глотать мне удавалось лишь с огромным трудом. Я думал, что дон Хуана от смеха хватит сердечный приступ.

Потом мы присели отдохнуть в тени каких-то камней. Я начал обрабатывать свои заметки и по их количеству понял, насколько громадным объемом информации о гремучих змеях снабдил меня дон Хуан.

– К тебе вернулся дух охотника, – неожиданно произнес дон Хуан с очень серьезным выражением лица, – Теперь ты зацеплен.

– Прошу прощения?..

Я хотел, чтобы он развил свое утверждение относительно того, что я зацеплен, но он только засмеялся и повторил его.

– Чем я зацеплен? – не унимался я.

– Охотники всегда будут охотиться, – сказал он. – Я и сам охотник.

– Ты хочешь сказать, что охотишься для того, чтобы жить?

– Я охочусь, чтобы жить. Я могу жить где угодно на земле.

Дон Хуан движением головы обвел все вокруг.

– Чтобы быть охотником, надо очень много знать, – продолжал он. – Это означает, что человек может смотреть на мир по-разному. Чтобы быть охотником, необходимо находиться в совершенном равновесии со всем остальным. Без этого охота превратится в бессмысленное занятие. Сегодня, например, мы добыли змейку. Мне пришлось извиниться перед ней за то, что я оборвал ее жизнь так внезапно и так окончательно. Я сделал то, что сделал, зная, что моя собственная жизнь однажды будет оборвана точно так же внезапно и

окончательно. Так что, в конечном счете, мы и змеи равны. Одна из них сегодня нас накормила.

– Я никогда не находился в таком равновесии, когда охотился, – сказал я.

– Неправда. Ты не просто убивал животных. И ты, и вся твоя семья ели дичь.

Он говорил с такой убежденностью, словно видел это собственными глазами. И, разумеется, был прав. Были времена, когда вся семья питалась мясом, которое мне удавалось добыть на охоте.

После минутного колебания я спросил:

– Откуда ты знаешь?

– Есть вещи, которые я просто знаю. Но не могу сказать, откуда.

Я рассказал, как мои тети и дяди совершенно серьезно именовали «фазанами» всех птиц, которых я приносил.

Дон Хуан сказал, что вполне может себе представить, как они говорят на воробья «маленький фазанчик», и очень смешно изобразил, как кто-то из них жует птичку. Следя за неподражаемыми движениями его челюстей, я буквально ощущал, что во рту у него – птичка, которую он жует прямо с костями.

– Я, в самом деле, думаю, что у тебя есть способности к охоте, – сказал дон Хуан, пристально глядя на меня, – Мы начали не с того конца. Возможно, ты захочешь изменить свой образ жизни для того, чтобы стать охотником.

Он напомнил мне, что я не только без особого труда понял, что в мире есть благоприятные и неблагоприятные места, но еще и обнаружил соответствующие им цвета.

– Все это говорит о том, что у тебя есть склонность к охоте, – объявил он. – Далеко не каждый способен одновременно определить и то и другое.

«Стать охотником» звучало очень красиво и романтично, но с моей точки зрения это было абсурдным, потому что охота лично меня ни в коей мере не интересовала. Я сказал ему об этом.

– Вовсе не обязательно, чтобы охота тебя интересовала или нравилась тебе, – сказал он. – Ты обладаешь естественной склонностью. Я думаю, что настоящие охотники никогда не любят охотиться. Они просто хорошо это делают, вот и все.

У меня возникло ощущение, что дон Хуан готов спорить по любому вопросу и способен переспорить кого угодно. Но он утверждал, что вообще не любит разговаривать.

– Это – как то, что я сказал тебе про охотников, – сказал он. – Мне вовсе ни к чему любить разговаривать. Просто у меня есть способности к тому, чтобы говорить, и я делаю это хорошо. Вот и все. Гибкость его ума меня произвела на меня впечатление.

– Охотник должен быть очень жестким, – продолжил дон Хуан, – Он практически ничего не предоставляет случаю. Все время я пытаюсь убедить тебя в том, что ты должен изменить свой образ жизни. Но до сих пор все попытки оказывались безуспешными. Тебе не за что было ухватиться. Теперь ситуация изменилась. Я вернул тебе твой старый охотничий дух. Может быть, он поможет тебе измениться.

Я возразил, что вовсе не желаю становиться охотником.

Я напомнил ему, что изначально всего лишь хотел, чтобы он рассказал мне о лекарственных растениях, но он так далеко увел меня от исходной цели, что теперь я и сам не знаю, действительно ли мне хотелось изучать растения.

– Хорошо! – сказал он. – В самом деле хорошо! Если у тебя нет ясной картины того, чего ты хочешь, ты можешь стать более смиренным. Давай сделаем так. Для твоих целей не имеет особого

значения чему учиться – растениям или охоте. Ты сам мне об этом говорил. Тебя интересует все, что кто-либо может тебе рассказать. Так?

Я действительно однажды сказал ему это, чтобы разъяснить задачи антропологии и привлечь его в качестве информатора.

Дон Хуан усмехнулся, явно сознавая, что полностью контролирует ситуацию.

– Я – охотник, – сказал он, словно читая мои мысли. – Я почти ничего не предоставляю случаю. Наверно, мне следует объяснить тебе, что я научился тому, как быть охотником. Я не всегда жил так, как живу сейчас. В какой-то момент своей жизни я вынужден был измениться. Теперь я указываю направление тебе. Я веду тебя. Я знаю, о чем говорю, меня всему этому научили. Я не сам все это понял.

– Ты хочешь сказать, что у тебя был учитель, дон Хуан?

– Скажем так: некто научил меня охотиться, так же как я хочу научить тебя, – сказал он и быстро сменил тему.

– Я думаю, что были времена, когда охота была одним из самых величайших действий, которые мог исполнить человек, – сказал он. – Все охотники были могущественными людьми. Действительно, чтобы выдержать всю суровость той жизни, охотнику нужно было, прежде всего, быть могущественным.

Мне стало любопытно – уж не говорит ли дон Хуан о временах, предшествовавших Конкисте? Я начал его прощупывать:

– Когда это было?

– Когда-то.

– Когда именно? Что означает твое «когда-то»?

– «Когда-то» означает когда-то, а может быть – сейчас, сегодня. Это не имеет значения. Было время, когда все знали, что охотник –

лучший из людей. Сейчас об этом известно далеко не каждому, но есть люди, которые это знают. Я знаю, и ты когда-нибудь узнаешь. Понимаешь, о чем я говорю?

– Скажи мне, это индейцы яки так относятся к охотникам?

– Не обязательно.

– Индейцы пима?

– Не все. Но некоторые – да.

Я назвал еще несколько племен. Мне хотелось привести его к утверждению о том, что культ охоты является верованием и практикой определенной группы людей. Но он избегал прямого ответа, поэтому я сменил тему:

– Зачем ты со мной все это проделываешь, дон Хуан?

Он снял шляпу и с наигранным недоумением почесал виски.

– Я делаю жест в отношении тебя, – мягко ответил он. – Раньше подобным подобный жест в отношении тебя делали другие, и когда-нибудь ты сам сделаешь жест в отношении кого-то. Скажем так: сейчас – моя очередь. Однажды я обнаружил, что если я хочу быть охотником, который мог бы уважать себя, мне необходимо изменить свой образ жизни.

До этого я все время жаловался и распускал нюни. У меня были веские причины, чтобы чувствовать себя обделенным и обманутым жизнью. Я – индеец, а с индейцами обращаются как с собаками. Я не мог этого изменить, и поэтому мне не оставалось ничего, кроме печали. Но удача повернулась ко мне лицом, и однажды в моей жизни появился тот, кто научил меня охотиться. И я осознал, что жизнь, которую я вел, не стоит того, чтобы жить. Поэтому я изменил ее.

– Но моя жизнь меня вполне устраивает, дон Хуан. С какой стати я должен ее изменять?

Он принялся напевать мексиканскую песню, очень мягко, а потом просто замурлыкал мелодию, кивая в такт головой.

– Как ты думаешь, мы с тобой равны? – резко спросил он.

Вопрос застал меня врасплох. В ушах зазвенело, как будто он громко выкрикнул эти слова, хотя он не кричал. Однако в его голосе был какой-то металлический звук, который завибрировал в моих ушах.

Я почесал мизинцем внутри левого уха. Уши чесались, и, в конце концов, я принялся ритмично почесывать их мизинцами обеих рук, движения мои при этом скорее напоминали подергивания рук от плеч до кончиков мизинцев.

Дон Хуан с явным удовольствием наблюдал за моими действиями.

– Ну, равны мы? – переспросил он.

– Конечно, мы равны, дон Хуан, – ответил я.

Естественно, я оказывал ему некоторое снисхождение. Я относился к нему очень тепло, даже, несмотря на то, что порою не знал, что с ним делать. Но все же в глубине души я считал, хотя никогда и не говорил об этом вслух, что я – студент университета, человек из цивилизованного западного мира – стою выше старого индейца.

– Нет, – спокойно сказал он, – мы не равны.

– Ну почему же, равны, – возразил я.

– Нет, – произнес он мягко. – Мы не равны. Я – охотник и воин, а ты – сутенер⁵.

У меня отвисла челюсть. Я не мог поверить в то, что дон Хуан действительно это сказал. Блокнот выпал у меня из рук, я тупо уставился на дону Хуана, а потом, конечно, пришел в ярость.

⁵ Pimp – сводник, сутенер; подстрекатель; *амер. сл.* гомосексуалист-проститутка.

Дон Хуан спокойно и собранно смотрел на меня. Я избегал его взгляда. А потом он заговорил. Он произносил слова очень четко. Речь его лилась гладко и убийственно. Он сказал, что я был сутенером для других. Что я не веду своих собственных битв, но сражаюсь в битвах незнакомых людей. Что я ничему не желаю учиться – ни знанию растений, ни охоте, ничему вообще. И что его мир точных действий, чувств и решений неизмеримо более эффективен, чем тот неумелый идиотизм, который я называю «моя жизнь».

Когда он закончил, я онемел. Он говорил без враждебности и без презрения, но с такой мощью и в то же время с таким спокойствием, что даже гнев мой как рукой сняло.

Мы молчали. Я был смущен и не мог найти подходящих слов. Я ждал, что он первым нарушит молчание. Проходили часы. Дон Хуан постепенно становился все более и более неподвижным, пока, наконец, его тело не сделалось странно, почти пугающе застывшим. Темнело, и его силуэт становился все менее различимым и, в конце концов, полностью слился с чернотой окружающих скал в кромешной тьме опустившейся ночи. Дон Хуан был настолько неподвижен, что его как бы вовсе не существовало.

Была уже полночь, когда я, наконец, осознал, что, если понадобится, он может вечно сохранять неподвижность среди камней в этой дикой ночной пустыне. Его мир точных действий, чувств и решений был действительно неизмеримо выше.

Я прикоснулся к его руке, и слезы хлынули у меня из глаз.

Глава 7. Быть недоступным

Четверг, 29 июня 1961

Всю неделю дон Хуан рассказывал мне о повадках диких животных, чем совершенно меня очаровал. Он объяснил мне, а потом продемонстрировал несколько тактических приемов охоты, основанных на том, что он назвал «перепелиные причуды». Я был настолько поглощен его объяснениями, что совершенно не замечал течения времени. Я даже забыл об обеде. Дон Хуан в шутку заметил, что это совсем на меня не похоже.

К концу дня он поймал пятерых перепелов в искусную ловушку, собирать и устанавливать которую он меня научил.

– Двух будет достаточно, – сказал он и остальных выпустил.

Затем он научил меня жарить перепелов на костре. Я хотел было нарезать с кустов веток, чтобы запечь перепелов на костре целиком, как это делал мой дед. Он готовил дичь на углях, обложив ее листьями и зелеными ветками и обмазав мокрой землей. Но дон Хуан сказал, что нет никакой нужды в том, чтобы причинять вред кустам, тем более что мы уже причинили его перепелам.

Поев, мы не спеша направились к скалам, видневшимся в отдалении. Мы уселись на склоне песчаникового холма, и я в шутку сказал, что как по мне, то я приготовил бы всех пятерых перепелов и что приготовленные мной, они по вкусовым качествам заметно превзошли бы жаркое, которое приготовил он.

– В этом я не сомневаюсь, – с готовностью согласился дон Хуан, – Но если бы ты все это проделал, то, возможно, нам не удалось бы уйти отсюда целыми и невредимыми.

– Что ты хочешь сказать? – спросил я. – Что могло бы нам помешать?

– Кусты, перепела, все вокруг восстало бы против нас.

– Никогда я не могу понять, всерьез ты говоришь или нет, – сказал я.

Он изобразил притворное нетерпение и причмокнул губами:

– У тебя какое-то странное представление о том, что значит говорить всерьез. Я много смеюсь, потому что мне нравится смеяться, но все, что я говорю – совершенно серьезно, даже если ты не понимаешь, о чем идет речь. Почему мир должен быть таким, каким ты его считаешь? Кто дал тебе право так думать?

– Но ведь нет доказательств того, что он – не такой, – возразил я.

Темнело. Мне было интересно, собирается ли он поворачивать к дому, но он, похоже, не торопился, а я был настроен довольно благодушно.

Дул холодный ветер. Вдруг дон Хуан встал и сказал, что нам нужно подняться на вершину холма и встать там на свободной от кустов площадке.

– Не бойся, – подбодрил он меня, – Я – твой друг и прослежу за тем, чтобы с тобой ничего плохого не случилось.

– Что ты имеешь в виду? – встревожился я.

Дон Хуан обладал коварной способностью из состояния полнейшей удовлетворенности и даже радости мгновенно загонять меня в состояние дикого страха.

– В это время суток мир очень странен, – сказал он. – Вот что я имею в виду. Но что бы ты ни увидел, не пугайся.

– А что я могу увидеть?

– Пока не знаю, – ответил он, внимательно всматриваясь во что-то, находящееся к югу от нас.

Дон Хуан вроде не был ничем обеспокоен. Я смотрел в том же направлении, что и он.

Вдруг он оживился и левой рукой указал на темное пятно среди кустарника внизу.

— Вот оно, — сказал он, словно ждал появления чего-то, и это что-то неожиданно появилось.

— Что это? — спросил я.

— Вон оно, — повторил он. — Смотри! Смотри!

Но я не видел ничего, кроме кустов.

— А теперь оно здесь, — настойчиво сказал он. — Оно здесь.

В это мгновение меня ударил порыв ветра, в глазах появилась резь. Я смотрел на то место, куда показывал дон Хуан. Там не было абсолютно ничего необычного.

— Я ничего не вижу, — сказал я.

— Ты только что это почувствовал. Только что. Оно попало тебе в глаза и мешает смотреть.

— Что — «оно»? О чем ты говоришь?

— Я специально привел тебя на вершину холма, — ответил он. — Здесь мы заметны, и нечто пришло к нам.

— Что «нечто»? Ветер?

— Не просто ветер, — сурово произнес он. — Тебе может казаться, что это ветер, потому что ветер — это все, что тебе известно.

Я напряг глаза, вглядываясь в кустарник, покрывавший окружающую пустыню. Дон Хуан немного постоял рядом со мной, а потом вошел в чапараль и начал обрывать большие ветки с каких-то кустов. Сорвав восемь веток, он сложил их в пучок. Мне он велел

проделать то же самое и громко извиниться перед кустами за причиненный им вред.

Когда у каждого из нас оказалось по охапке веток, дон Хуан велел мне бегом вернуться на свободную от растительности вершину холма и там лечь между двумя большими камнями. С молниеносной быстротой он разложил ветки из моей охапки так, что они укрыли меня с головы до ног. Потом он улегся сам и точно так же укрылся ветками из своей охапки. Потом сквозь листья он прошептал, чтобы я следил, как так называемый ветер перестанет дуть, едва мы сделаемся незаметными.

В какой-то момент ветер, как и предсказывал дон Хуан, действительно утих, что весьма меня изумило. Переход был настолько плавным, что я вряд ли заметил бы перемену, если бы специально за этим не следил. Какое-то время после того, как мы спрятались, ветер еще шуршал листьями над моим лицом, а потом все вокруг нас постепенно стихло.

Я прошептал дону Хуану, что ветер стих, и он шепотом ответил, что нужно лежать неподвижно и не шуметь, поскольку то, что я называю ветром – не ветер вовсе, а нечто обладающее собственной волей и самым натуральным образом способное нас узнать.

От нервного напряжения я засмеялся.

Приглушенным голосом дон Хуан обратил мое внимание на застывшую вокруг нас тишину. Потом он прошептал, что собирается встать, и велел мне сделать то же самое, левой рукой аккуратно отодвинув ветки.

Встали мы одновременно. Дон Хуан какое-то время всматривался в южном направлении, а потом вдруг резко повернулся на запад.

– Хитро, действительно хитро, – пробормотал он, указывая на юго-запад.

– Смотри! Смотри! – подтолкнул он меня.

Я смотрел со всей внимательностью, на какую только был способен. Мне очень хотелось увидеть то, о чем он говорит, но я ничего не замечал. Вернее, я не замечал ничего такого, чего не было до этого. Передо мной простиралась пустыня, поросшая кустами, которые, казалось, шевелил мягкий ветерок. Они шелестели.

– Оно здесь, – сказал дон Хуан.

И в это мгновение ветер ударил мне в лицо. Казалось, что он и в самом деле начал дуть после того, как мы встали. Это было невероятно, и я решил, что всему этому обязательно должно быть какое-либо вполне логичное объяснение.

Дон Хуан мягко усмехнулся и посоветовал мне не перегружать мозги поисками причины.

– Давай-ка еще раз наломаем веток, – сказал он. – Я очень не люблю так поступать с маленькими растениями, но мы должны тебя остановить.

Он собрал те ветки, которыми мы укрывались, сложил их в кучу и забросал землей и камнями. Затем так же, как и в первый раз, мы сорвали по восемь новых ветвей. Все это время ветер дул безостановочно. Я чувствовал, как он треплет волосы у меня над ушами. Дон Хуан прошептал, что после того, как он меня укроет, я должен лежать молча и без малейшего движения. Он очень быстро укрыл меня с ног до головы, потом лег рядом и укрылся сам.

Мы лежали так минут двадцать. За это время произошло совершенно необъяснимое явление: ветер опять стих. Его жесткий непрерывный напор сменился едва заметными вибрациями.

Я затаил дыхание в ожидании сигнала. Вот дон Хуан осторожно отодвинул ветки. Я сделал то же, и мы встали. Над вершиной холма опять нависла неподвижная тишина. Чапараль под нами еле-еле вздрагивал листьями.

Дон Хуан неотрывно смотрел на юг.

– Опять идет! – громко воскликнул он.

Я непроизвольно подпрыгнул от неожиданности, едва не потеряв равновесие, а он громко приказал мне смотреть.

– Но что я должен увидеть? – в отчаянии спросил я.

Он ответил, что оно – чем бы там оно ни было – ветром или чем-то другим – похоже на облако, на вихрь вдалеке над кустами, который, кружась, подбирается к вершине холма, на которой мы стоим.

Я увидел волну, пробежавшую по кустарнику на некотором расстоянии от нас.

– Вот оно, – сказал дон Хуан, – смотри, как оно нас ищет.

Сразу вслед за его словами мне в лицо в очередной раз ударил устойчивый поток ветра. Но реакция моя теперь была иной – я пришел в ужас. Я не видел того, о чем говорил дон Хуан, однако видел таинственную волну, пробежавшую по поверхности кустарника. Не желая поддаваться страху, я спешно выискивал какое-нибудь приемлемое объяснение. Я уверял себя в том, что в тех местах, должно быть, имеются устойчивые воздушные потоки, и дон Хуан, отлично зная эту местность, не только хорошо в них разбирается, но и умеет рассчитывать их поведение. Поэтому все, что от него требовалось, – это лежать, считать и поджидать, пока ветер прекратится. Поднявшись же на ноги, ему нужно было только дожждаться следующего порыва.

Из моих умственных упражнений меня вытряхнул голос дон Хуана. Он говорил, что пора уходить. Я заупрямился, мне хотелось остаться и убедиться в том, что ветер перестанет дуть сам по себе.

– Я ничего не видел, дон Хуан, – сказал я.

– Но нечто необычное ты все же заметил.

– Может, еще раз расскажешь, что я должен быть видеть?

– Я уже все тебе рассказал, – ответил он. – Нечто, скрывающееся в ветре. Оно похоже на вихрь, на облако, на туман, на лицо, которое кружит вокруг.

И дон Хуан рукой изобразил горизонтальное и вертикальное движение:

– Оно движется в определенном направлении либо перекатываясь, либо вращаясь, как смерч. Чтобы правильно передвигаться, охотник должен все это знать.

Я собрался, было пошутить по этому поводу, но дон Хуан так упорно и серьезно отстаивал свою точку зрения, что я не посмел. Он бросил на меня короткий взгляд, и я отвел глаза.

– Глупо верить в то, что мир именно таков, каким считаешь его ты, – сказал он. – Этот мир – таинственное место. Особенно в сумерках.

Он кивнул в том направлении, откуда дул ветер:

– Это может преследовать нас. Оно способно нас вымотать и даже убить.

– Ветер?

– В это время суток, в сумерках, ветра не бывает. В это время существует только сила.

Мы оставались на вершине холма еще около часа. Все это время, не переставая, дул сильный ветер.

Пятница, 30 июня 1961

Вечером после еды мы с доном Хуаном устроились на площадке перед домом. Я уселся на свое «пятно» и занялся заметками. Дон Хуан улегся на спину, сложив на животе руки. Из-за «ветра» мы целый день не отходили от дома. Дон Хуан объяснил, что вчера мы

намеренно побеспокоили силу, с которой лучше не шутить. Он даже заставил меня спать, укрывшись ветками.

Неожиданный порыв ветра заставил дона Хуана вскочить одним невероятно мощным прыжком.

– Вот черт! – воскликнул он. – Ветер ищет тебя.

– Не морочь голову, дон Хуан, – со смехом сказал я. – Меня на такое не купишь. В самом деле, нет.

Я не упрямился. Просто я никак не мог согласиться с тем, что ветер обладает собственной волей и может меня искать, равно как и с тем, что он на самом деле мог опознать нас и бросался к нам на вершину холма. Я сказал, что идея «ветра, обладающего волей» относится к очень примитивному мировоззрению.

– Хорошо, тогда что такое ветер? – вызывающе спросил дон Хуан.

Я терпеливо объяснил ему, что массы горячего и холодного воздуха создают различные давления, и, вследствие их разницы, воздух перемещается в горизонтальном и вертикальном направлениях. Я довольно долго посвящал дона Хуана в основы метеорологии.

– То есть ты хочешь сказать, что ветер – это лишь результат взаимодействия холодного и горячего воздуха? – спросил дон Хуан с заметным замешательством.

– Боюсь, что так, – ответил я, молча наслаждаясь своим триумфом.

Дон Хуан, казалось, был ошеломлен. Но потом он взглянул на меня и расхохотался.

– Все твои мнения – окончательны, – сказал он с ноткой сарказма в голосе. – Все они – последнее слово, верно? Но для охотника, однако, твое мнение по поводу ветра – чистейший вздор. Нет никакой разницы, каким будет давление – единица, две или

десять. Если бы ты жил среди дикой природы, ты бы знал: в сумерках ветер становится силой. Настоящий охотник знает это и действует соответственно.

– Как именно?

– Он использует сумерки и силу, скрытую в ветре.

– Как?

– Если ему нужно, охотник прячется от силы, укрываясь ветками и лежа неподвижно до тех пор, пока не кончатся сумерки. И сила окутывает его своей защитой.

Движениями рук дон Хуан изобразил, как именно сила окутывает охотника.

– Это похоже на ...

Дон Хуан замолчал, подыскивая соответствующее слово.

– Кокон, – подсказал я.

– Точно, – согласился он. – Защита силы запечатывает тебя как в коконе. Охотник может спокойно оставаться на открытом месте, и ни пума, ни койот, ни ядовитый клоп⁶ его не потревожат. Горный лев может подойти к самому носу охотника и обнюхать его, но если охотник останется неподвижным, лев уйдет. Я могу тебе это гарантировать.

Если же охотник хочет стать заметным, ему нужно всего лишь подняться в сумерках на вершину холма. Сила зацепится за него и будет следовать за ним всю ночь. Поэтому, если охотник хочет совершить ночной переход или если ему необходимо всю ночь бодрствовать, он должен стать доступным ветру. В этом состоит секрет великих охотников – в том, чтобы становиться доступным и недоступным на определенных поворотах пути.

⁶ Slimy bug - ?

Чувствуя, что несколько сбит с толку, я попросил его вкратце повторить все, что он сказал.

Дон Хуан очень терпеливо объяснил, что использовал сумерки и ветер для того, чтобы указать на чрезвычайную важность взаимодействия между тем, чтобы скрывать или показывать себя.

— Ты должен научиться сознательно становиться доступным и недоступным, — сказал он. — При твоём нынешнем образе жизни ты все время невольно остаешься доступным.

Я запротестовал. Я чувствовал, что моя жизнь становится все более и более скрытной. Он сказал, что я его не понял. Быть недоступным вовсе не значит прятаться или быть скрытным. Это значит — быть недостижимым.

— Давай скажем иначе, — терпеливо продолжал он. — Нет никакой разницы в том, прячешься ты или нет, если каждый знает, что ты прячешься. Из этого вытекают все твои нынешние проблемы. Когда ты прячешься, то все знают, что ты прячешься, а когда ты не прячешься, ты доступен каждому, чтобы ткнуть тебя.

Я почувствовал какую-то угрозу и поспешно попытался защититься.

— Не нужно оправдываться, — сухо сказал дон Хуан. — В этом нет никакой нужды. Все мы — дураки, и ты не можешь быть другим. Когда-то я тоже, подобно тебе, был доступен и раскрывался снова и снова до тех пор, пока от меня ни для чего ничего не осталось. А то, что осталось, могло только ныть. Что я и делал, так же, как ты.

Дон Хуан смерил меня взглядом и громко вздохнул.

— Я, правда, был тогда моложе тебя, — продолжал он, — но в один прекрасный день я почувствовал, что с меня довольно, и изменился. Скажем так: однажды, когда я сделался охотником, я постиг секрет доступности и недоступности.

Я сказал, что до меня все равно не доходит то, что он хочет сказать. Я действительно никак не мог понять, что он имеет в виду,

говоря «быть доступным». Он использовал испанские идиоматические выражения «ponerse al alcance» и «ponerse en el medio del camino» – «поместить себя в пределы досягаемости» и «поместить себя на середину проезжей части».

– Ты должен оттуда убраться, – объяснил он. – Вернуть себя с середины улицы, на которой полно машин и прохожих. Ты весь – там, всем своим существом, поэтому прятаться там бесполезно, ты только можешь воображать, что спрятался. Ты находишься посреди улицы; это значит, что каждый, кто по ней проходит или проезжает, видит, как ты бродишь там туда-сюда.

Метафора была интересной и в то же время весьма туманной.

– Ты говоришь загадками, – сказал я.

Он, довольно долго не мигая, смотрел на меня, а потом замурлыкал мексиканскую мелодию. Я выпрямил спину и насторожился, потому что уже знал – эта мелодия означает, что сейчас он меня снова на чем-нибудь поймает.

– Эй, – сказал он, улыбнувшись и уставившись на меня. – Слушай, а что с той блондинкой, твоей подружкой? Ну, той, которая тебе по-настоящему нравилась.

Я уставился на него. Должно быть, у меня был вид полнейшего идиота. Он засмеялся с явным удовольствием. У меня не было слов.

– Ты мне сам о ней рассказывал, – сказал дон Хуан, словно затем, чтобы несколько меня подбодрить.

Но я не помнил, чтобы когда-либо рассказывал ему о ком-то из своих друзей, тем более о белокурой девушке.

– Никогда ни о чем подобном я тебе не рассказывал, – сказал я.

– Ну, как же не рассказывал, если рассказывал, – возразил он, как бы подводя итог спору.

Я хотел было возразить, но он не дал, сказав, что-то, откуда он о ней узнал, не имеет значения, а важно лишь то, что я действительно ее любил.

На меня накатила волна враждебности к нему.

– Не уклоняйся, – сказал дон Хуан сухо. – Сейчас тот момент, когда ты должен отсечь свои чувства значительности. У тебя была женщина, очень дорогой тебе человек. И ты ее потерял.

Я начал вспоминать, действительно ли я когда-нибудь говорил с доном Хуаном об этом. В конце концов, я пришел к выводу, что это было вряд ли возможно. Хотя все же я мог что-то рассказать ему, когда мы ехали в машине. Я не помнил всего, о чем мы говорили во время совместных поездок, потому что, сидя за рулем, не мог записывать. Эта мысль в какой-то степени меня успокоила. Я сказал ему, что он прав. В моей жизни действительно была белокурая девушка, и отношения с ней действительно имели для меня огромное значение.

– Почему сейчас она не с тобой? – спросил дон Хуан.

– Она ушла от меня.

– Почему?

– По многим причинам.

– Причин было не так уж много. Причина была одна – ты сделался слишком доступным.

Я искренне хотел понять, что он имеет в виду. Ему в очередной раз удалось меня здорово зацепить. Он, похоже, отлично отдавал себе в этом отчет и, чтобы скрыть предательскую улыбку, выпятил губы.

– О ваших отношениях знали все вокруг, – сказал он с непоколебимой уверенностью.

– А что в этом плохого?

– Это очень плохо, просто ужасно. Ведь она была тонкой личностью.

Я искренне заявил, что его манера гадать о том, о чем он не может иметь ни малейшего понятия, мне отвратительна, и что самое неприятное в этом то, что он говорит с такой уверенностью, словно видел все собственными глазами.

– Но все, что я говорю, – правда, – сказал дон Хуан с обезоруживающей прямоотой. – Я видел все это. Она была очень тонкой личностью.

Я знал, что спорить не имеет смысла, но очень разозлился на него за то, что он разбередил самую глубокую из моих ран. Поэтому я сказал, что, в конце концов, та девушка была не такой уж тонкой личностью, и что, по моему мнению, она была личностью довольно слабой.

– Как и ты, – спокойно произнес дон Хуан. – Но это – не важно. Значение имеет лишь то, что ты ее повсюду искал. Это делает ее особым человеком в твоей жизни. А для особых людей у нас должны быть только хорошие слова.

Я был смущен. Глубокая печаль начала охватывать меня.

– Что ты со мной делаешь, дон Хуан? – спросил я. – Тебе каждый раз удается вогнать меня в печаль. Почему?

– А сейчас ты индугируешь⁷ в своей сентиментальности, – с укором сказал он.

– Какой во всем этом смысл, дон Хуан?

– Смысл в том, чтобы быть недоступным, – провозгласил он. – Я напомнил тебе о той девушке только затем, чтобы непосредственно показать тебе то, чего не смог показать посредством ветра. Ты потерял ее, потому что был доступен; ты всегда находился в

⁷ To indulge – потворствовать, потакать; не отказывать себе, **потакать себе**. (В последующих книгах термины «индугировать» и «индугирование» сохранены)

пределах ее досягаемости, и твоя жизнь была подчинена определенному распорядку.

– Нет! – возразил я. – Ты не прав. В моей жизни никогда не было распорядка.

– Был и есть, – с догматической убежденностью заявил он. – Это – распорядок необычный, поэтому складывается впечатление, что его нет. Но я уверяю тебя, он есть.

Я собрался было надуться и погрузиться в мрачное расположение духа, но что-то в его глазах не давало мне покоя, его взгляд словно бы все время куда-то меня подталкивал.

– Искусство охотника заключается в том, чтобы сделаться недостижимым, – сказал дон Хуан. – В случае с белокурой девушкой это означало бы, что ты должен был стать охотником и встречаться с ней умеренно, бережливо. А не так, как ты это делал. Ты оставался с ней изо дня в день до тех пор, пока не истощились все чувства, кроме одного – скуки. Верно?

Я не ответил. Да ответа и не требовалось. Он был прав.

– Быть недостижимым – значит бережливо прикасаться к окружающему миру. Съесть не пять перепелов, а одного. Не калечить растения лишь для того, чтобы сделать жаровню. Не подставляться без необходимости силе ветра. Не пользоваться людьми, не выжимать их до тех пор, пока они не сморщатся в ничто, особенно тех, кого любишь.

– Но я никогда никем не пользовался, – вставил я.

Но дон Хуан сказал, что пользовался, и потому теперь могу только тупо твердить, что устал от них и что они нагоняют на меня скуку.

– Быть недоступным – значит сознательно избегать истощения себя и других, – продолжал он. – Это значит, что ты не поддаешься голоду и отчаянию, как несчастный дегенерат, который чувствует,

что не сможет поесть больше никогда в жизни, и потому пожирает без остатка все, что попадает на пути, всех пятерых перепелов!

Дон Хуан определенно бил ниже пояса. Я засмеялся, и это, похоже, ему понравилось. Он слегка дотронулся до моей спины.

– Охотник знает, что в его ловушки еще не раз попадет дичь, поэтому он не беспокоится. Беспокоиться – значит стать доступным, невольно доступным. А когда ты беспокоишься, ты в отчаянии цепляешься за все, а раз ты зацепился, ты вынужден истощить себя или истощить того или то, за что ты зацеплен.

Я сказал, что в моей жизни быть недостижимым невозможно, потому что мне постоянно приходится иметь дело с множеством людей и быть в пределах досягаемости каждого из них.

– Я уже тебе говорил, – спокойно продолжал дон Хуан, – что быть недостижимым – вовсе не означает прятаться или скрывать. И не означает, что нельзя иметь дело с людьми. Охотник обращается со своим миром бережливо и нежно, и не важно, мир ли это вещей, растений, животных, людей или мир силы. Охотник находится в очень тесном контакте со своим миром и, тем не менее, он для этого мира недоступен.

– Здесь есть противоречие, – возразил я. – Он не может быть недоступен, если он находится там, в своем мире, час за часом, день за днем.

– Ты не понял, – терпеливо объяснил дон Хуан. – Он недоступен потому, что не выжимает из своего мира все до последней капли. Он слегка касается его, оставаясь в нем ровно столько, сколько необходимо, и затем быстро уходит, не оставляя никаких следов.

Глава 8

Разрушение распорядков жизни

Воскресенье, 16 июля 1961

Все утро мы наблюдали за грызунами, похожими на жирных белок. Дон Хуан называл их водяными крысами. Он рассказывал, что, спасаясь от опасности, эти животные могут развивать огромную скорость. Но у них есть пагубная привычка: стоит животному оторваться от погони, независимо от того, кто его преследует, как оно останавливается, а иногда даже взбирается на камень и садится на задние лапки, чтобы осмотреться и почиститься.

— У них исключительное зрение, — сказал дон Хуан. — Двигаться можно, только пока животное бежит. Поэтому ты должен научиться предугадывать, когда и где оно остановится, чтобы тоже остановиться и замереть в неподвижности.

Я полностью погрузился в наблюдение за животными, устроив себе то, что охотники называют «днем в поле», так много я выследил этих грызунов. В конце концов, я научился предвидеть практически каждое их движение.

Потом дон Хуан научил меня делать ловушки. Он объяснил, что время у охотника уходит в основном на то, чтобы выследить места кормежки грызунов или их обитания. Зная это, он может за ночь соответствующим образом расставить ловушки. А на следующий день ему останется только спугнуть зверьков, и они со всех ног бросятся прямо в западню.

Мы набрали палочек и прутьев и взялись за сооружение ловушек. Я уже почти закончил свою и с нетерпением прикидывал, будет ли она действовать, как вдруг дон Хуан прекратил работу и, взглянув на свое левое запястье, как бы на часы, которых у него не было, сказал, что по его хронометру уже пришло время ленча. Я как раз мастерил обруч из длинного прута, скручивая его в кольцо.

Автоматически я положил прут на землю рядом с остальными своими охотничьими приспособлениями.

Дон Хуан смотрел на меня с любопытством. Потом он издал воющий сигнал фабричной сирены, означающий начало перерыва на обед. Я засмеялся. Звук он скопировал в совершенстве. Я направился к нему и заметил, что он внимательно на меня смотрит. Он покачал головой из стороны в сторону и произнес:

– Будь я проклят...

– В чем дело? – поинтересовался я.

Он снова издал протяжный воющий звук фабричного гудка и сказал:

– Обед закончен. Приступаем к работе.

Я на мгновение смутился, но потом подумал, что это он решил таким образом пошутить, так как еды у нас с собой никакой не было. Я настолько увлекся грызунами, что совсем об этом забыл. Я поднял прут и снова попытался его согнуть. Через несколько секунд «сирена» дона Хуана опять взвыла.

– Пора идти домой, – пояснил он.

Он взглянул на воображаемые часы, а потом посмотрел на меня и подмигнул.

– Пять часов, – сказал он, словно раскрывая большой секрет.

Я подумал, что ему, должно быть, надоела сегодняшняя охота, и он предлагает все бросить и идти домой. Я положил все на землю и начал собираться домой. На дону Хуана я не смотрел, полагая, что он делает то же самое. Когда у меня все было готово, я поднял глаза. Скрестив ноги, дон Хуан сидел в нескольких метрах от меня.

– Я готов, – сказал я. – Можем отправляться в любой момент.

Он встал и взобрался на камень высотой около двух метров. Посмотрев на меня оттуда, он приложил руки ко рту и, делая

полный оборот вокруг своей оси, издал очень длинный пронзительный звук, похожий на усиленный вой фабричного гудка.

– Что ты делаешь, дон Хуан? – спросил я.

Он ответил, что дает всему миру сигнал идти домой. Я был полностью сбит с толку, не понимая, шутит он или просто рехнулся. Я внимательно наблюдал за ним, пытаюсь как-то связать его действия с чем-нибудь, что он перед этим говорил. Но мы почти ни о чем не разговаривали с самого утра, по крайней мере, я не мог вспомнить ничего, заслуживающего внимания.

Дон Хуан по-прежнему стоял на камне. Он взглянул на меня и еще раз подмигнул. И тут меня охватила тревога. Дон Хуан приставил ладони ко рту и снова издал длинный гудок.

Потом он сказал, что уже восемь утра и что я снова должен взяться за свою работу, потому что впереди у нас – целый день.

К этому моменту я был уже в замешательстве. За считанные минуты страх мой вырос до совершенно непреодолимого желания куда-нибудь удрать. Я думал, что дон Хуан – сумасшедший. Я уже совсем готов был броситься наутек, как вдруг дон Хуан соскочил с камня и с улыбкой подошел ко мне.

– Думаешь, я – сумасшедший, да? – спросил он.

Я ответил, что своей неожиданной выходкой он напугал меня до потери сознания.

Он сказал, что мы находимся примерно в одинаковом состоянии. Я не понял, что он имеет в виду, так как был погружен в мысли о том, насколько по-настоящему безумными казались его действия. Он объяснил, что специально старался напугать меня до потери сознания безумностью своего непредсказуемого поведения, потому что у него самого голова идет кругом от предсказуемости моего. И добавил, что моя приверженность распорядкам не менее безумна, чем его вой.

Я был в шоке и принялся доказывать, что у меня нет никаких распорядков. Я сказал ему, что считаю свою жизнь сплошной кашей именно из-за того, что в ней нет здоровой упорядоченности.

Дон Хуан засмеялся и знаком велел мне сесть рядом с собой. Вся ситуация разом таинственно изменилась. Стоило дону Хуану начать говорить, как мой страх тут же растаял.

– Что у меня за распорядки? – спросил я.

– Все, что ты делаешь, следует распорядку.

– А разве не все действуют так?

– Не все. Я ничего не делаю в соответствии с распорядком.

– Что подсказало тебе такой ход, дон Хуан? Что я такого сделал, что заставило тебя действовать именно таким образом?

– Ты беспокоился по поводу обеда.

– Но я же ничего тебе не сказал, откуда ты узнал, что я беспокоюсь об обеде?

– Беспокойство по поводу еды возникает у тебя ежедневно около полудня, в шесть вечера и в восемь утра, – произнес он со зловещей усмешкой. – В это время ты начинаешь беспокоиться о еде, даже если не голоден. И чтобы продемонстрировать тебе запрограммированность твоего духа, мне нужно было только завывать сиреной. Твой дух натренирован работать по сигналу.

Он вопросительно уставился на меня. Мне нечего было сказать в свою защиту.

– А теперь ты готов превратить в распорядок охоту, – продолжал он. – Ты уже установил в этом деле свой ритм: в определенное время ты разговариваешь, в определенное время – ешь, в определенное время – ложишься спать.

Мне нечего было сказать. Дон Хуан очень точно описал мои привычки в принятии пищи. Похожая структура была во всем, чем я

занимался в жизни. Тем не менее, я чувствовал, что моя жизнь все же протекает по менее строгой программе, чем жизнь большинства моих друзей и знакомых.

– Теперь ты довольно много знаешь об охоте, – продолжал дон Хуан, – и тебе легко осознать, что хороший охотник, прежде всего, знает одно – распорядок своей жертвы. Именно это и делает его хорошим охотником. Если ты вспомнишь, как я учил тебя охотиться, ты поймешь, о чем я говорю. Сначала я научил тебя делать и устанавливать ловушки, потом рассказал о жизненных распорядках дичи, которую предстоит ловить, и, наконец, мы на практике испытали, как с учетом этих распорядков работают ловушки. Это – элементы охотничьего искусства, образующие его внешнюю структуру. А сейчас я обучу тебя последней и самой сложной части этого искусства. Наверное, пройдут годы, прежде чем ты сможешь сказать, что понял ее и стал охотником.

Дон Хуан умолк, как бы давая мне время собраться с мыслями. Он снял шляпу и изобразил, как чистятся грызуны, за которыми мы весь день наблюдали. Получилось очень забавно. Круглая голова дона Хуана делала его похожим на одного из этих зверьков.

– Быть охотником – значит не просто ловить дичь, – продолжал он. – Охотник добывает дичь не потому, что устанавливает ловушки, и не потому, что знает распорядки своей добычи, но потому, что сам не имеет никаких распорядков. И в этом – его преимущество. Он совершенно не похож на животных, за которыми охотится, скованных жесткими распорядками и предсказуемыми причудами. Охотник же свободен, текуч и непредсказуем.

Слова дона Хуана я воспринял как произвольную иррациональную идеализацию. Я не мог себе представить жизнь без распорядков. Мне хотелось быть с ним предельно честным, поэтому дело было вовсе не в том, чтобы согласиться или не согласиться. Я чувствовал, что то, о чем он говорил, было невыполнимо. Ни для меня, ни для кого бы то ни было другого.

– Мне не волнует то, что ты по этому поводу чувствуешь, – сказал дон Хуан. – Чтобы стать охотником, ты должен разрушить все

распорядки своей жизни. Ты уже здорово преуспел в изучении охоты. Ты быстро научился всему. Так что тебе уже должно быть ясно: ты подобен тем, на кого охотишься, ты – легко предсказуем.

Я попросил уточнить на конкретных примерах.

– Я говорю об охоте, – принялся спокойно объяснять дон Хуан. – Поэтому я так подробно останавливаюсь на том, что свойственно животным: где они кормятся; где, как и в какое время спят; где живут; как передвигаются. Все это – шаблоны, распорядки, на которые я обращаю твое внимание, с тем, чтобы ты осознал их в своем собственном существовании. Ты внимательно наблюдал за привычками обитателей пустыни. Они едят и пьют в строго определенных местах, они гнездятся на строго определенных участках, они оставляют следы строго определенным образом; поэтому хорошему охотнику ничего не стоит предвидеть и точно рассчитать любое их действие. Я уже говорил, что с моей точки зрения ты ведешь себя точно так же, как те, на кого ты охотишься. И в этом ты отнюдь не уникален. Когда-то в моей жизни появился некто, указавший мне на то же самое в отношении меня самого. Всем нам свойственно вести себя подобно тем, на кого мы охотимся. И это, разумеется, в свою очередь делает нас добычей для чего-то или кого-то. Поэтому задача охотника, который отдает себе в этом отчет, – прекратить быть добычей. Понимаешь, что я хочу сказать?

Я снова высказал мнение, что его установка невыполнима.

– На это требуется время, – сказал он. – Можешь начать с того, чтобы отказаться от ежедневного ленча в одно и то же время.

Дон Хуан взглянул на меня и благожелательно улыбнулся, соорудив такую забавную мину, что я не смог удержаться от смеха.

– Однако существуют животные, выследить которых невозможно, – продолжал он. – Например, – особый вид оленя. Очень удачливый охотник может встретиться с таким животным только благодаря редкостному везению единственный раз в жизни.

Дон Хуан выдержал драматическую паузу, взглянув на меня пронзительно. Он, похоже, ждал вопроса, но у меня вопросов не было. Тогда он сам спросил:

– Как ты думаешь, почему этих животных так трудно отыскать, и встреча с ними – столь уникальное явление?

Не зная, что сказать, я лишь пожал плечами.

– У них нет расписаний, – произнес он таким тоном, словно это было великое откровение. – И это делает их волшебными животными.

– Но олень должен спать по ночам, – возразил я. – Разве это не расписание?

– Расписание, если олень спит каждую ночь в определенное время и в определенном месте. Но волшебные существа так себя не ведут. Возможно, отслеживать одно из них на протяжении всей оставшейся жизни станет твоей судьбой.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Тебе нравится охотиться, и, вероятно, в один из дней твои пути и пути волшебного существа пересекутся, и ты, вполне возможно, последуешь за ним. Волшебные животные являют собой зрелище воистину дивное. Мне посчастливилось, и мой путь однажды пересекся с тропой одного из них. Это случилось после того, как я очень многое узнал об охоте и долго отрабатывал это искусство. Как-то я бродил по густому лесу в безлюдных горах Центральной Мексики. Вдруг послышался очень мягкий и благозвучный свист. Я никогда не слышал этого звука, ни разу за многие годы странствований среди дикой природы. Я не мог определить, где находится источник этого свиста; казалось, он доносится сразу со всех сторон. Я решил, что нахожусь в самой середине стада или стаи каких-то неведомых зверей. Дразнящий свист повторился, и на этот раз он доносился как будто отовсюду. И я понял, что мне несказанно повезло. Я знал, что это свистит чудесное существо – волшебный олень. Я знал также, что волшебный олень отлично разбирается как в расписаниях обычных людей, так и в

распорядках охотников. Вычислить, что в такой ситуации будет делать обычный человек, очень легко. Прежде всего страх превратит его в добычу. А добыча может действовать только двумя способами: либо бросается наутек, либо защищается. Если у человека нет оружия, он, вероятнее всего, бросится к открытому месту, чтобы там спастись бегством. Если он вооружен, он приготовит оружие к бою и приготовится к обороне либо застыв на месте, либо рухнув на землю. Охотник же, выслеживающий дичь среди дикой природы, никогда никуда не пойдет, не прикинув прежде, как ему защититься. Поэтому он немедленно спрячется. Он либо бросит свое пончо на землю, либо зацепит его за ветку, как приманку, а сам спрячется поблизости и станет ждать, пока зверь опять не сделает следующие движение. Зная все это, в присутствии волшебного животного, я повел себя иначе. Я быстро встал на голову и начал тихонько подвывать. Я так долго самым натуральным образом лил слезы и всхлипывал, что едва не потерял сознание. Вдруг я ощутил мягкое дыхание, кто-то обнюхивал мою голову как раз за правым ухом. Я попытался повернуться, чтобы взглянуть, кто это, но не удержал равновесия и перекувырнулся через голову. Я сел и увидел, что на меня смотрит светящееся существо. Олень внимательно меня разглядывал, и я сказал, что не причиню ему вреда. И он заговорил со мной.

Дон Хуан умолк и посмотрел на меня. Я непроизвольно улыбнулся. Говорящий олень – это было, мягко говоря, маловероятно.

– Он заговорил со мной, – с усмешкой повторил дон Хуан.

– Олень заговорил?

– Олень.

Дон Хуан встал и собрал свои охотничьи принадлежности.

– Что, правда заговорил? – переспросил я еще раз с растерянностью в голосе.

Дон Хуан разразился хохотом.

– И что он сказал? – спросил я наполовину в шутку.

Я думал, он меня разыгрывает. Дон Хуан немного помолчал, как бы припоминая. Потом глаза его просветлели, он вспомнил:

– Олень сказал мне: «Здравствуй друг!» А я ответил: «Здравствуй!» Тогда он спросил: «Отчего ты плачешь?» Я сказал: «Оттого, что мне грустно». Тогда волшебное существо наклонилось к самому моему уху и произнесло так же ясно, как говорю сейчас я: «Не грусти».

Дон Хуан посмотрел мне в глаза. Вид у него был озорной до невозможности. Он раскатисто рассмеялся.

Я сказал, что беседа у них с оленем вышла несколько туповатой.

– А чего ты ожидал? – не переставая смеяться, спросил он. – Я же – индеец.

Его чувство юмора показалось мне настолько потрясающим, что я смог только рассмеяться вместе с ним.

– Ты не поверил в то, что волшебные олени разговаривают, да?

– К сожалению, я не могу поверить в то, что такие вещи вообще возможны, – ответил я.

– Я не виню тебя в этом, – сказал он ободряющим тоном. – Ведь эта штука – из самых заковыристых.

Глава 9. Последняя битва на земле

Понедельник, 24 июля 1961

Несколько часов мы с доном Хуаном бродили по пустыне. Около полудня он выбрал тенистое место для отдыха. Едва мы сели на землю, дон Хуан заговорил. Он сказал, что я уже довольно много знаю об охоте, но изменился не в такой степени, как ему бы хотелось.

— Недостаточно знать, как делаются и устанавливаются ловушки, — сказал он. — Чтобы избавиться от большей части своей жизни, охотник должен жить так, как подобает охотнику. К сожалению, человек изменяется с большим трудом, и изменения эти происходят очень медленно. Иногда только на то, чтобы человек убедился в необходимости измениться, уходят годы. Я, в частности, потратил на это годы. Но, возможно, у меня не было способностей к охоте. Я думаю, что самым трудным для меня было по-настоящему захотеть измениться.

Я заверил его в том, что понял, о чем он говорит. Действительно, с того времени, как он взялся обучать меня охоте, я начал по-другому оценивать свои действия. Действительно, с того времени, как он взялся обучать меня охоте, я провел переоценку всех своих действий. Наверное, самым драматическим открытием для меня стало то, что мне нравился образ жизни дона Хуана. Мне нравился сам дон Хуан как личность.

В его поведении было что-то основательное. В том, как он действовал, чувствовалось истинное мастерство, но он никогда не пользовался своим превосходством, чтобы что-либо от меня потребовать. Мне казалось, что его стремление изменить мой образ жизни было сродни безличным советам или, возможно, авторитетным комментариям по поводу моих неудач. Он заставил меня в полной мере осознать все мои недостатки, но я все же не мог представить себе, каким образом его путь может что-нибудь во мне исправить. Я искренне полагал, что в свете того, чего я хотел

достичь в своей жизни, его путь может привести меня только к нужде и трудностям. Отсюда и тупик. Однако я научился уважать мастерство дона Хуана, неизменно восхищавшее меня своей красотой и точностью.

– Я решил изменить тактику, – заявил он.

Я попросил объяснить, потому что его заявление показалось мне весьма туманным, я даже не был уверен в том, что оно касается именно меня.

– Хороший охотник меняет свой образ действия настолько часто, насколько это необходимо, – ответил он. – Да ты сам знаешь.

– Дон Хуан, что ты задумал?

– Охотник должен не только разбираться в повадках тех, на кого он охотится. Кроме этого, ему необходимо знать, что на этой земле существуют силы, которые направляют и ведут людей, животных и вообще все живое, что здесь есть.

Он замолчал. Я ждал, но он, похоже, сказал все, что хотел.

– О каких силах ты говоришь? – спросил я после длительной паузы.

– О силах, которые руководят нашей жизнью и нашей смертью.

Дон Хуан снова умолк, словно столкнувшись с огромными затруднениями относительно того, что сказать дальше. Он потирал руки и, двигая нижней челюстью, качал головой. Дважды он знаком просил меня помолчать, когда я начинал просить его объяснить эти загадочные утверждения.

– Тебе непросто будет остановиться, – сказал он, наконец. – Ты упрям, я знаю, но это не имеет значения. Чем более ты упрям, тем лучше ты будешь, когда сможешь, наконец, изменить себя.

– Я стараюсь, как только могу, – сказал я.

– Нет. Я не согласен. Ты не стараешься, как только можешь. Ты сказал так, потому что для тебя это красиво звучит. Фактически ты говоришь так обо всем, что бы ты ни делал. Ты годами стараешься, как только можешь, и все без толку. Что-то нужно сделать, чтобы с этим покончить.

Как обычно, я почувствовал было, что должен защищаться. Но дон Хуан, казалось, как правило, нацеливался на мои самые слабые места. Поэтому каждый раз, начав защищаться от его критики, я неизменно заканчивал тем, что чувствовал себя дураком. Вспомнив это, на середине длинного выступления в свою защиту я умолк.

Дон Хуан с любопытством оглядел меня и засмеялся. Очень добродушно он напомнил, что уже говорил мне, что все мы – дураки. И что я – не исключение.

– Ты каждый раз чувствуешь себя обязанным объяснять свои поступки, как будто ты – единственный на всей земле, кто живет неправильно. Это – твое старое чувство значительности. У тебя его все еще слишком много, так же, как слишком много личной истории. И в то же время ты так и не научился принимать на себя ответственность за свои действия, не используешь свою смерть в качестве советчика и, прежде всего, ты слишком доступен. Другими словами, жизнь твоя по-прежнему настолько же беспорядочна, насколько была до того, как мы с тобой встретились.

Чувство уязвленного самолюбия захлестнуло меня, и я снова собрался было спорить. Но он сделал мне знак помолчать.

– Человек должен принять ответственность за то, что живет в этом странном мире, – сказал он. – Ведь ты же знаешь, это – действительно странный мир.

Я утвердительно кивнул.

– Мы с тобой имеем в виду разные вещи. Для тебя мир странен потому, что если ты не скучаешь по нему, то находишься с ним не в ладах. Для меня мир странен, потому что он огромен, устрашающ, таинственен, непостижим. Ты должен с полной ответственностью отнестись к своему пребыванию здесь – в этом чудесном мире, здесь

– в этой чудесной пустыне, сейчас – в это чудесное время. Моя задача – убедить тебя в этом. И я все время старался ее выполнить. Я хотел убедить тебя в том, что ты должен научиться принимать во внимание (учитывать) каждое свое действие, ведь тебе предстоит находиться здесь только короткое время, фактически слишком короткое для того, чтобы стать свидетелем всех чудес этого мира.

Я настаивал на том, что скучать или находиться с миром не в ладах – нормальное человеческое состояние.

– Так измени его! – ответил он сухо. – Это – вызов, и если ты его не принимаешь, значит ты – практически мертв.

Он предложил мне вспомнить хоть что-нибудь из своей жизни, что поглощало меня целиком. Я назвал искусство. Мне всегда хотелось стать художником, и в течение нескольких лет я пытался реализовать свое желание. Я все еще с болью вспоминал о постигшей меня неудаче.

– Ты никогда не принимал ответственность за то, что находишься в этом непостижимом мире, – сказал он таким тоном, словно выносил приговор. – Поэтому ты никогда не был художником, и, возможно, так и не станешь охотником.

– Это все, на что я способен, дон Хуан.

– Неправда. Ты не знаешь, на что ты способен.

– Но я делаю все, что могу.

– И снова ты ошибаешься. Ты можешь действовать лучше. Ты допускаешь только одну-единственную ошибку – ты думаешь, что в твоём распоряжении уйма времени.

Он помолчал, глядя на меня как бы в ожидании реакции с моей стороны.

– Ты думаешь, что в твоём распоряжении – уйма времени, – повторил он.

– Уйма времени на что, дон Хуан?

– Ты считаешь, что твоя жизнь будет длиться вечно.

– Вовсе я так не считаю.

– Тогда, если ты не считаешь, что твоя жизнь будет длиться вечно, чего же ты ждешь? Откуда эта нерешительность в отношении изменения?

– А тебе не приходило в голову, дон Хуан, что я не хочу меняться?

– Приходило. Так же, как и ты, я когда-то не хотел меняться. Однако мне не нравилась моя жизнь. Я устал от нее, так же как ты сейчас устал от своей. Зато теперь я чувствую, что мне ее не хватает.

Я начал неистово доказывать, что его настойчивое стремление изменить мой образ жизни деспотично и что оно меня пугает. Я сказал, что на определенном уровне я с ним согласен, но лишь один тот факт, что он неизменно остается хозяином положения, делает всю ситуацию неприемлемой для меня.

– Дурак, у тебя нет времени на то, чтобы становиться в позу, – сурово произнес он. – Любое твоё действие в данный момент вполне может оказаться твоим последним поступком на земле, твоей последней битвой. В мире нет силы, которая могла бы гарантировать тебе, что ты проживешь еще хотя бы минуту.

– Я знаю, – сказал я, сдерживая гнев.

– Нет. Ты не знаешь. Если бы ты это знал, ты был бы охотником.

Я заявил, что осознаю неотвратимость своей смерти, но говорить или думать об этом бесполезно, потому что я ничего не могу сделать, чтобы ее избежать. Дон Хуан засмеялся и, сказал, что я похож на комика, механически твердящего заученную роль.

– Если бы это была твоя последняя битва на земле, я бы сказал, что ты – идиот, – спокойно проговорил он. – Свой последний поступок на земле ты растрачиваешь, находясь в совершенно дурацком состоянии.

Некоторое время мы оба молчали. Мысли у меня в голове неслись безудержно. Он, разумеется, был прав.

– Друг мой, у тебя же нет времени. Нет времени. Его нет ни у кого из нас.

– Я согласен с тобой, дон Хуан, но...

– Просто соглашаться ни к чему, – перебил он. – Вместо того, чтобы так легко соглашаться на слова, ты должен соответствующим образом действовать. Прими вызов. Изменись.

– Что, вот так взять и измениться?

– Именно так. Изменение, о котором я говорю, никогда не бывает постепенным. Оно происходит внезапно. И ты не готовишься к тому неожиданному действию, которое принесет полное изменение.

Мне показалось, что он сам себе противоречит. Я объяснил ему, что если бы я готовился к изменению, то тем самым постепенно изменялся бы.

– Ты не изменился ни на йоту, – сказал он. – И поэтому веришь, что меняешься очень постепенно, понемногу. Но однажды ты, возможно, удивишься, обнаружив, что внезапно изменился, хотя ничто не предвещало этого. Я знаю, что так оно и бывает, и поэтому не оставляю попыток тебя убедить.

Я не мог продолжать спорить, потому что не был уверен в том, что действительно хочу сказать. Немного помолчав, дон Хуан продолжил объяснения:

– Наверное, мне следовало бы сказать иначе. Я вот что тебе советую: обрати внимание на то, что ни у одного из нас не может

быть уверенности в том, что его жизнь будет продолжаться неопределенно долго. Я только что сказал, что изменение происходит внезапно и неожиданно, так же как приходит смерть. Как ты думаешь, что можно с этим поделать?

Я решил, что его вопрос – чисто риторический. Но он приподнял брови, требуя ответа.

– Жить как можно счастливее, – ответил я.

– Верно! А ты знаешь хоть одного человека, который бы жил счастливо?

Моим первым побуждением было ответить «да». Мне показалось, что я знаком с довольно многими людьми, которые могли бы послужить примером. Однако затем я понял, что с моей стороны это будет лишь пустая попытка оправдаться. И я ответил:

– Нет. Действительно не знаю.

– А я – знаю, – сказал дон Хуан. – Есть люди, которые очень аккуратно и осторожно относятся к природе своих поступков. Их счастье – в том, что они действуют с полным осознанием того, что у них нет времени. Поэтому во всех их действиях присутствует особая сила, в каждом их поступке есть чувство.

Дон Хуан замолчал, как бы подбирая соответствующее слово. Он потер виски и улыбнулся. Потом внезапно встал, словно давая понять, что разговор окончен. Я принялся умолять его закончить то, что он мне говорил. Он сел и выпятил губы.

– Поступки обладают силой, – сказал он. – Особенно когда тот, кто их совершает, знает, что они – его последняя битва. В действии с полным осознанием того, что любое действие вполне может стать для тебя последним на земле, есть особое поглощающее счастье. Мой тебе совет: пересмотри свою жизнь и рассматривай свои поступки именно в таком свете.

Я не согласился с ним. Я сказал, что для меня счастьем было знать, что моим действиям свойственна продолжительность, и я могу

по своему желанию продолжать делать то, что делаю в данный момент, особенно если это мне нравится. Я объяснил ему, что мое несогласие — отнюдь не банальная фраза, но проистекает из убежденности в том, что и мир, и я сам обладаем определенной продолжительностью.

Все мои усилия разумно изъясниться дона Хуана, похоже, весьма забавляли. Он все время посмеивался, качал головой, а когда я сказал об определенной продолжительности, он сорвал с головы шляпу, швырнул ее на землю и принялся топтать.

Закончилось это тем, что я засмеялся над его уморительной выходкой.

— У тебя нет времени, мой друг, — сказал он. — В этом — беда всех человеческих существ. Ни у кого из нас нет достаточно времени, и твоя продолжительность ничего не значит в этом жутком таинственном мире.

— Твоя продолжительность лишь делает тебя робким, лишает решительности, — продолжал он. — И в твоих действиях не может быть того вкуса, той мощи, той неодолимой силы, которая присутствует в действиях того, кто знает, что сражается в своей последней битве на этой земле. Другими словами, твоя продолжительность не делает тебя ни счастливым, ни могущественным.

Я признался, что боюсь мыслей о предстоящей смерти, и обвинил дона Хуана в том, что он своими постоянными разговорами о смерти лишает меня душевного равновесия.

— Но ведь нам всем действительно предстоит умереть, — сказал он.

Дон Хуан указал на далекие холмы.

— Есть нечто, что ждет меня где-то там. Это — несомненно. И я к этому присоединюсь. Это — тоже, несомненно. Но ты, наверное, — совсем не такой, и смерть вовсе тебя не ждет.

Я в отчаянии развел руками, и он рассмеялся.

– Дон Хуан, я не желаю об этом думать.

– Почему?

– Это бессмысленно. Ведь она, так или иначе, где-то меня ждет, тогда какой смысл по этому поводу тревожиться?

– Разве я сказал, что ты должен по этому поводу тревожиться?

– Тогда что я должен делать?

– Использовать ее. Сосредоточить внимание на связующем звене между тобой и твоей смертью, отбросив сожаление, печаль и тревогу. Сосредоточить внимание на том факте, что у тебя нет времени и позволить своим действиям течь соответственно. Пусть каждое из них станет твоей последней битвой на земле. Только в этом случае каждый твой поступок будет обладать законной силой. А иначе все, что ты будешь делать в своей жизни, так и останется действиями робкого и нерешительного человека.

– А что, это так ужасно – быть робким и нерешительным человеком?

– Нет, если ты намерен жить вечно. Но если тебе предстоит умереть, то у тебя просто нет времени на проявления робости и нерешительности просто потому, что нерешительность заставляет тебя цепляться за то, что существует только в твоих мыслях. Пока в мире – затишье, это успокаивает. Но потом этот жуткий таинственный мир разевает пасть, как он делает это для каждого из нас, и ты осознаешь, что все твои проверенные и надежные пути вовсе такими не были. Нерешительность мешает нам испытать и полноценно использовать свою судьбу – судьбу людей.

– Но, дон Хуан, это же противоестественно – все время жить с мыслью о смерти.

– Смерть ожидает нас, и то, что мы делаем в этот самый миг, вполне может стать нашей последней битвой на этой земле, –

торжественно произнес он. – Я называю это битвой, потому что это – борьба. Подавляющее большинство людей переходит от действия к действию без борьбы и без мысли. Охотник же, наоборот, тщательно взвешивает каждый свой поступок. И поскольку он очень близко знаком со своей смертью, он действует рассудительно, так, словно каждое его действие – последняя битва. Только дурак может не заметить, настолько охотник превосходит своих ближних – обычных людей. Охотник с должным уважением относится к своей последней битве. И вполне естественно, что последний поступок должен быть самым лучшим. Это доставляет удовольствие. И притупляет страх.

– Ты прав, – признал я. – Просто это трудно принять.

– Чтобы убедить себя в этом тебе понадобятся годы. И годы – на то, чтобы научиться действовать сообразно этому убеждению. Мне остается лишь надеяться, что ты успеешь.

– Ты пугаешь меня, когда так говоришь, – сказал я.

Дон Хуан окинул меня взглядом. Лицо его было необычайно серьезно.

– Я уже говорил тебе, это – странный мир. Силы, которые ведут людей, непредсказуемы и ужасны, но в то же время их величие стоит того, чтобы стать его свидетелем.

Он замолчал и снова взглянул на меня. Казалось, он вот-вот раскроет мне что-то. Но он передумал и улыбнулся.

– Что, в самом деле, существует нечто, что ведет нас?

– Конечно. Существуют силы, которые нас направляют.

– Ты можешь их описать?

– Нет. Действительно – нет. Я могу только назвать их разными словами: сила, дух, ветер или как-нибудь еще.

Я собрался было расспросить его подробнее, но не успел задать ни одного вопроса. Он встал. Я изумленно уставился на него. Он

встал одним движением: его тело просто дернулось вверх, и в мгновение ока он уже стоял на ногах.

Я все еще размышлял о необыкновенном мастерстве, которое требуется для того, чтобы двигаться с такой скоростью, когда дон Хуан сухим приказным тоном велел мне поймать кролика, убить, освежевать и зажарить до того, как закончатся сумерки.

Он взглянул на небо и сообщил, что времени у меня, пожалуй, достаточно.

Я автоматически начал действовать так, как действовал уже много раз. Дон Хуан шел рядом и оценивающим взглядом следил за каждым моим движением. Я был очень спокоен и двигался с большой осторожностью, поэтому без особого труда в скором времени поймал кролика-самца.

– Теперь убей его, – сухо велел дон Хуан.

Я засунул руку в ловушку, схватил кролика за уши и начал тянуть к себе. И тут вдруг меня охватил дикий ужас. Впервые за все время, в течение которого дон Хуан обучал меня охоте, до меня дошло: он никогда не учил меня убивать дичь! Множество раз мы с ним бродили по пустыне, и до сих пор он убил только одного кролика, двух перепелов и одну гремучую змею.

Я отпустил кролика и взглянул на дона Хуана:

– Я не могу его убить.

– Почему?

– Я никогда этого не делал.

– Но ты же убил сотни птиц и других животных.

– Из ружья, а не голыми руками.

– Какая разница? Время этого кролика подошло к концу.

Тон дона Хуана потряс меня. Он говорил настолько уверенно, с такой убежденностью, что в моем сознании не осталось и тени сомнения. Он действительно знал, что время этого кролика закончилось.

– Убей его! – с яростным блеском в глазах приказал он.

– Не могу.

Дон Хуан закричал, что кролик должен умереть, потому что закончил свои скитания по этой прекрасной пустыне, и что мне нечего увиливать, так как сила или дух, ведущий кроликов, привела в мою ловушку именно этого кролика и сделала это как раз на границе сумерек.

Поток приводящих в смятение мыслей и чувств, охватил меня. Это выглядело так, как если бы эти чувства были где-то рядом, поджидая меня. С мучительной ясностью я почувствовал, какая это трагедия для кролика – попасть в мою западню. За считанные секунды в сознании пронеслись воспоминания о наиболее критических моментах моей жизни, когда я сам был в положении, подобном положению этого кролика.

Я смотрел на кролика, а кролик – на меня. Он прижался к задней стенке клетки и сидел, свернувшись почти калачиком, очень тихо и неподвижно. Мы с ним обменялись мрачными взглядами. В его взгляде я вообразил молчаливое отчаяние, и это еще больше усилило во мне ощущение полного сходства с этим кроликом.

– Черт с ним, – громко сказал я. – Я никого не буду убивать. Я его отпускаю.

От избытка чувств меня затрясло. Дрожащими руками я полез в ловушку, пытаюсь схватить кролика за уши. Он быстро увернулся, и я промазал. Я попытался еще раз и снова неудачно. Я пришел в отчаяние. Меня стало тошнить, и я быстро ударил по ловушке ногой, чтобы разбить ее и таким образом освободить кролика. Но клетка оказалась неожиданно прочной и не разваливалась. Мое отчаяние переросло в невыносимую муку. Из всех сил я правой ногой топнул по клетке. Прутья с треском сломались. Я вытащил кролика, на

мгновение, испытав облегчение, от которого в следующий момент не осталось и следа. Кролик без движения висел у меня в руке. Он был мертв.

Я не знал, что делать. В голове начали роиться мысли о том, отчего мог умереть кролик. Я оглянулся на дона Хуана. Он смотрел на меня. Я ощутил ужас, от которого по всему телу прошла холодная волна.

Я сел на землю возле каких-то камней. Ужасно болела голова. Дон Хуан положил на нее ладонь и прошептал мне в самое ухо, что я должен освежевать кролика и зажарить мясо до того, как закончатся сумерки.

Меня тошнило. Дон Хуан разговаривал со мной очень терпеливо, как с ребенком. Он сказал, что силы, руководящие людьми и животными, привели ко мне именно этого кролика. Точно так же когда-нибудь они приведут меня к моей собственной смерти. Он сказал, что смерть кролика была даром мне, точно так же, как моя смерть станет даром кому-то или чему-то другому.

У меня кружилась голова. Простые события этого дня сокрушили меня. Я пытался думать, что это – всего-навсего кролик, но, однако не мог отделаться от ощущения какой-то жуткой своей с ним тождественности.

Дон Хуан сказал, что я должен поесть мяса этого кролика. Хоть кусочек, для закрепления моей находки.

– Я не могу, – кротно попытался я отказаться.

– В руках этих сил мы – мусор, ничто, – жестко произнес он. – Так что останови свою самозначительность и воспользуйся подарком силы как подобает.

Я поднял кролика. Он был еще теплый.

Дон Хуан наклонился ко мне и прошептал:

– Твоя ловушка стала для него последней битвой. Я же тебе говорил: время его скитаний по этой чудесной пустыне закончилось.

Глава 10. Стать доступным силе

Четверг, 17августа 1961

Как только я вышел из машины, то сразу пожаловался дону Хуану на то, что плохо себя чувствую.

– Садись, садись, – сказал он мягко и почти повел меня за руку к крыльцу. Он улыбнулся и похлопал меня по спине.

Двумя неделями ранее, когда он сказал, что изменил со мной тактику, он позволили мне приять несколько бутонов пейота. На пике своего галлюциногенного опыта я играл с собакой, живущей в доме, где проходила пейотная сессия. Дон Хуан истолковал мое общение с собакой, как совершенно особенное событие. Он заявил, что в моменты силы, подобные тому, который я пережил тогда, мира обычных дел не существует и ничего не может приниматься само собой разумеющимся; что та собака в действительности была не собакой, а воплощением Мескалито, силы божества, находящегося в пейоте.

Постэффектами этого опыта было общее чувство усталости и меланхолии, плюс захваченность необычно яркими снами и ночными кошмарами.

– Где твой блокнот? – спросил дон Хуан, как только я сел на крыльцо. Я оставил свои тетради в машине. Дон Хуан вернулся к ней, аккуратно вытащил мой портфель и принес его мне. Он спросил, ношу ли я обычно свой портфель с собой, когда хожу. Я ответил, что да.

– Это безумие, – сказал он. Я же сказал тебе никогда не носить ничего в руках, когда ходишь. Прибери рюкзак.

Я засмеялся. Идея ношения моих заметок в рюкзаке была нелепой. Я сказал ему, что обычно ношу костюм и что рюкзак поверх костюма-тройки будет выглядеть абсурдно.

– Одень поверх рюкзака пальто, – сказал он. – Будет лучше, если люди подумают, что ты горбун, чем ты будешь разрушать свое тело, нося все это с собой.

Он настаивал на том, чтобы я достал свою тетрадь и писал. Он, казалось, прилагал намеренные усилия к тому, чтобы меня расслабить. Я снова пожаловался на чувство физического дискомфорта и странное ощущение несчастья, испытываемые мной. Дон Хуан засмеялся и сказал: «Ты начинаешь учиться». После этого мы углубились в длинную беседу. Он сказал, что Мескалито, тем, что позволил мне играть с ним, указал на меня, как на «избранного человека», и что, хотя он и был сбит с толку этим знаком, поскольку я не был индейцем, он будет передавать мне некое секретное знание. Он сказал, что сам имел бенефактора, который обучил его, как стать «человеком знания».

Я чувствовал, что должно произойти что-то ужасное. Откровение дона Хуана о том, что я был «избранным», плюс неоспоримая странность его путей и опустошающие эффекты пейота порождали состояние необоримых опасений и нерешительности. Однако дон Хуан проигнорировал мои чувства и рекомендовал мне думать только о чуде того, что Мескалито играл со мной.

– Не думай не о чем другом, – сказал он. – Остальное придет к тебе само по себе.

Он встал, слегка похлопал меня по голове и сказал очень мягким голосом: «Я буду обучать тебя охоте. Однако я должен предупредить тебя, что обучение тому, как охотиться, не превратит тебя в охотника, так же как и обучение тому, как стать воином, не сделает тебя таковым». Я испытывал чувство разочарования, физического дискомфорта, граничащее со страданием. Я пожаловался дону Хуану на свои яркие сны и ночные кошмары. Он, казалось, мгновение обдумывал что-то и снова сел.

– Это действительно странные сны, – сказал я.

– У тебя всегда были странные сны, – возразил он.

– Я хочу тебе сказать, что сейчас они являются намного более странными, чем какие-либо из тех, что я видел раньше.

– Не беспокойся. Это всего лишь сны. Они не имеют силы, так же как и сны любого спящего человека. Поэтому, какой смысл беспокоиться по их поводу или говорить о них?

– Они тревожат меня. Могу ли я что-нибудь сделать, чтобы прекратить их?

– Позволь им идти, – сказал он. – Сейчас то время, когда ты должен стать доступным силе. И начнешь ты с того, что возьмешься за сновидение.

То, как он произнес слово «сновидение», заставило меня думать, что он использовал его каким-то очень специфическим образом. Я раздумывал над подходящим вопросом, когда он снова начал говорить.

– Я никогда не говорил тебе о сновидении, потому что до этого момента меня заботило только то, как научить тебя быть охотником, – сказал он. – Охотника не заботят манипуляции силой, поэтому его сны являются всего лишь снами. Они могут быть живыми, но они никогда не являются сновидениями. Воин, с другой стороны, ищет силу, а одним из путей к ней является сновидение. Можно сказать, что различие между охотником и воином заключается в том, что воин находится на своем пути к силе, тогда как охотник знает об этом очень мало или вообще ничего. Такое решение, как – кому быть воином, а кому только охотником, не зависит от нас. Это решение находится в царстве сил, которые ведут людей, поэтому твоя игра с Мескалито была настолько важным знаком. Эти силы привели тебя ко мне. Они привели тебя на ту автобусную станцию, помнишь? Какой-то клоун привел тебя ко мне. Идеальный знак – клоун указывающий не тебя. Поэтому я научил тебя, как быть охотником. Затем другой идеальный знак – сам Мескалито играл с тобой. Понимаешь, что я имею в виду?

Его логика была непреодолимой. Его слова создавали впечатление, что я был побежден чем-то ужасающим и неизвестным,

чем-то, к чему я не был готов и чьего существования не допускал даже в своих самых диких фантазиях.

– Что ты предлагаешь мне делать? – спросил я.

– Стать доступным силе, взяться за свои сны, – ответил он. – Ты называешь их снами, потому что не имеешь силы. Воин, будучи человеком, ищущим силу, не называет их снами, он называет их реальностью.

– Ты имеешь в виду, что он принимает сны за реальность?

– Воин не принимает одно за другое. То, что ты называешь снами, реально для воина. Ты должен понимать, что воин не является глупцом. Воин является безупречным охотником, охотящимся за силой. Он не пьян и не безумен, и у него нет ни времени, ни расположенности к тому, чтобы блефовать или лгать самому себе, или совершать неверные действия. Ставки для этого слишком высоки. Ставкой является его приведенная в порядок жизнь, для укрепления и совершенствования которой понадобилось так много времени. Он не собирается отбрасывать ее прочь, совершая какие-то глупые просчеты, принимая одно за другое.

Сновидение реально для воина потому, что в нем он может действовать намеренно, он может принимать и отвергать, он может выбирать из множества разнообразных вещей те, которые ведут к силе, а затем он может манипулировать ими и использовать их, тогда как в обычном сне он не может действовать намеренно.

– Ты имеешь в виду, дон Хуан, что сновидение реально?

– Конечно, оно реально.

– Так же реально, как то, что мы делаем сейчас?

– Если тебе хочется сравнивать, то я могу сказать, что оно, пожалуй, более реально. В сновидении у тебя есть сила, ты можешь изменять вещи, ты можешь открывать множество скрытых фактов, ты можешь контролировать все, что хочешь.

Предпосылки дона Хуана всегда привлекали меня на определенном уровне. Я мог легко пронять его расположенность к идее того, что человек может делать во снах что угодно, но я не мог воспринять ее серьезно. Пропасть была слишком велика. Мгновение мы смотрели друг на друга. Его утверждения были безумными, и в то же время он был, насколько я мог судить, самым уравновешенным из всех, кого я встречал.

Я сказал ему, что не могу поверить в то, что он рассматривает свои сны как реальность. Он усмехнулся, как ели бы знал всю несостоятельность моей позиции, затем поднялся и, не говоря не слова, пошел в дом. Долгое время я сидел в состоянии оцепенения, пока он не позвал меня внутрь. Он приготовил кукурузную кашу и положил мне чашку. Я спросил его по поводу того времени, когда человек бодрствует. Мне хотелось знать, называл ли он это как-то по-особенному. Но он не понял вопроса или не захотел отвечать.

— Как ты называешь то, что мы делаем сейчас? — спросил я, имея в виду, что-то, что мы делали, было реальностью в противоположность снам.

— Я называю это едой, — ответил он и сдержал смех.

— Я называю это реальностью, — сказал я, — потому что наше принятие пищи действительно происходит.

— Сновидение тоже происходит, — ответил он, хихикнув. — Так же как и охота, ходьба, смех.

Я не настаивал на споре, однако не мог, даже если бы вышел за свои рамки, принять его предпосылку. Он, казалось, был обрадован моим отчаянием. Как только мы закончили есть, он буднично заявил, что мы идем на прогулку, но не будем бродить по пустыне так, как делали это раньше.

— В этот раз будет иначе, — сказал он. — С этого времени мы будем ходить на места силы; ты будешь учиться тому, как делать себя доступным силе.

Я снова выразил свое замешательство и сказал, что не был готов к подобным попыткам.

– Перестань. Ты индугируешь в своих глупых страхах, сказал он мягким голосом, похлопывая меня по спине и благожелательно улыбаясь.

– Я угодил твоему охотничьему духу. Тебе нравится бродить со мной по этой прекрасной пустыне. Тебе слишком поздно уходить.

Он пошел в пустынный чапараль, движение головы дав мне знак идти за ним. Я мог бы пойти к своей машине и уехать, если бы мне действительно не нравилось бродить с ним по этой прекрасной пустыне. Мне нравилось ощущение, которое я испытывал только в его компании, ощущение того, что это действительно ужасающий, таинственный и прекрасный мир. Как он и сказал, я был зацеплен.

Дон Хуан повел меня к холмам в восточном направлении. Это была долгая прогулка. День был жарким. Однако жара, которая обычно была для меня невыносимой, каким-то образом оставалась незаметной. Мы довольно далеко углубились вглубь каньона, пока дон Хуан не остановился и не сел в тени каких-то валунов. Я достал из моего рюкзака несколько сухих печеньев, но он сказал мне не трогать их. Он сказал, что я должен сесть на видное место, указав на одинокий, почти круглый валун в четырех-пяти метрах от нас, и помог мне взобраться на него. Я думал, что он сядет там же, но вместо этого он лишь частично вскарабкался на него для того, чтобы подать мне несколько кусков сушеного мяса. Он со смертельной серьезностью сказал мне, что это мясо силы и что его следует живить очень медленно и не смешивать с другой пищей. Затем он вернулся назад в тень и сел, прислонившись спиной к камню. Он казался расслабленным, почти сонным, оставаясь в этой позе, пока я не закончил есть. Затем он сел прямо и повернул голову направо. Казалось, он внимательно слушал. Два или три раза он взглянул на меня, резко встал и начал глазами сканировать окрестности так, как это должен делать охотник. Я автоматически замер на месте и продолжал следить за его действиями лишь движением глаз. Очень осторожно он зашел за камни, как если бы ожидал появления дичи там, где мы были. Тут я осознал, что мы находились в круглом,

похожем на бухту изгибе сухого водяного каньона, окруженные глыбами песчаника. Дон Хуан внезапно вышел из-за камней и улыбнулся мне. Он потянулся, зевнул и направился к камню, на котором я находился. Я расслабился, изменил свою напряженную позу и сел поудобней.

– Что случилось, – спросил я шепотом.

Он, крича, ответил мне, что вокруг нас нет нечего такого, из-за чего следовало бы волноваться. Я немедленно почувствовал толчок в животе. Его ответ был неподходящим, и мне было непонятно, зачем он должен был кричать, если у него не было для этого особой причины. Я начал соскальзывать с валуна вниз, но он прокричал, что я должен оставаться там еще какое-то время.

– Что ты делаешь? – спросил я.

Он сел и укрылся между двумя камнями у подножья валуна, на котором был я, и затем очень громким голосом сказал мне, что он всего лишь осматривался вокруг в связи с тем, что ему вроде что-то слышалось. Я спросил, не услышал ли он большое животное. Он приложил ладонь к уху и закричал, что не слышит меня и что я должен выкрикивать слова. Я чувствовал себя неловко крича, но он громким голосом настаивал на том, чтобы я продолжал. Я прокричал, что хочу знать, что происходит, и он прокричал мне, что вокруг нет действительно ничего особенного. Он, крича, спросил, видно ли мне что-то необычное с верхушки валуна. Я крикнул, что нет, и он попросил описать ему местность к югу от нас.

Какое-то время мы кричали друг другу, а затем он дал мне сигнал спускаться. Я присоединился к нему, и он прошептал мне на ухо, что кричать было нужно для того, чтобы сделать заметным наше присутствие, потому что я должен был сделаться доступным силе этого особого источника. Я посмотрел вокруг, но источника не заметил. Он указал, что мы стоим на нем.

– Здесь есть вода, – сказал он шепотом. – И еще сила. Здесь есть дух, и мы должны вызвать его наружу. Возможно, он пойдет за тобой.

Мне хотелось побольше узнать об этом духе, но он настаивал на полном молчании. Он посоветовал мне сидеть совершенно неподвижно, не шепчась и не делая ни малейшего движения, чтобы не выдать нашего присутствия.

Возможно, для него было легко сохранять полную неподвижность часами. Однако для меня это было настоящей пыткой. Мои ноги онемели, спина болела, напряжение вокруг шеи и плеч росло. Все мое тело оцепенело и стало холодным. Когда дон Хуан, наконец, встал, я испытывал огромное неудобство. Он просто, как пружина, вскочил на ноги и протянул мне руку, помогая подняться. Когда я попытался разогнуть ноги, то осознал ту непостижимую легкость, с которой дон Хуан подпрыгнул вверх после нескольких часов неподвижности. Моим мышцам потребовалось какое-то время, чтобы восстановить необходимую для ходьбы эластичность.

Дон Хуан направился обратно к дому. Он шел очень медленно, установив дистанцию в три шага, которую я, следуя за ним, должен был соблюдать, виляя в отношении обычного пути, и пересек его в различных направлениях четыре или пять раз.

Когда мы, наконец, пришли к дому, был почти вечер. Я попытался спросить его о событиях дня, но он объяснил, что разговаривать ни к чему. Он сказал, что до тех пор, пока мы не окажемся на месте силы, я должен воздержаться от задавания вопросов. Мне да смерти хотелось узнать, что он под этим имеет в виду, и я попытался прошептать вопрос, но он с холодным суровым взглядом напомнил мне, что говорит серьезно.

Мы просидели на его крыльце несколько часов. Я работал над своими заметками. Время от времени он давал мне сушеного мяса. Наконец стало слишком темно, чтобы писать. Я попытался думать о новых обстоятельствах, но какая-то часть меня отказывалась делать это, и я заснул.

Суббота, 19 августа 1961

Вчера утром мы с доном Хуаном съездили в город и позавтракали в ресторане. Он посоветовал мне изменять свои привычки в еде не слишком резко.

– Твое тело не привыкло к мясу силы, – сказал он. – Если ты не будешь есть привычную пищу, ты заболеешь.

Сам он ел с удовольствием. Когда я по этому поводу пошутил, он просто сказал:

– Моему телу нравится все.

Около полудня мы снова пришли в водный каньон. Мы опять старались сделать свое присутствие заметным для духа. Для этого мы, как и в прошлый раз, сначала громко разговаривали, а потом несколько часов сидели в напряженном молчании.

Когда мы оттуда ушли, дон Хуан, вместо того, чтобы идти домой, повернул в сторону гор. Дойдя до каких-то отрогов, мы поднялись на вершину высокого холма. Там дон Хуан выбрал для отдыха пятачок на открытом незатененном месте. Он сказал, что нам нужно дожидаться сумерек, а мне следует вести себя как можно естественнее, в том числе задавать любые вопросы.

– Я знаю, что там прячется дух, – очень тихо сообщил он мне.

– Где?

– Вон там, в кустах.

– Какого типа этот дух?

Он с ехидцей взглянул на меня и спросил:

– А сколько типов существует?

Мы оба рассмеялись. Я задавал вопросы из-за того, что нервничал.

– Когда наступят сумерки, он выйдет, – сказал дон Хуан. – Нужно просто подождать.

Я молчал. Все мои вопросы куда-то улетучились.

– Сейчас нам нужно разговаривать без перерывов, – сказал он. – Человеческие голоса привлекают духов. Сейчас там, в кустах прячется один из них. Мы делаем себя доступными ему, так что не молчи.

Меня охватило идиотское чувство пустоты. Я был не в состоянии отыскать какую-либо тему для разговора. Дон Хуан засмеялся и похлопал меня по спине.

– Ну, ты и тип! Как нужно потрепаться, так ты словно язык проглотил. Ну-ка, пошлепай губами!

И он очень смешно шумно зашлепал губами, быстро открывая и закрывая рот.

– С этого момента о целом ряде вещей мы будем разговаривать только в местах силы, – продолжал дон Хуан. – Я привел тебя сюда, потому что это твоя первая попытка. Это место силы, и говорить здесь можно только о силе.

– Но я и в самом деле понятия не имею, что такое сила, – сказал я.

– Сила – это нечто, с чем имеет дело воин, – объяснил он. – Вначале она кажется человеку чем-то совершенно невероятным, противоестественным; ему тяжело даже думать о ней. Именно это сейчас происходит с тобой. Потом сила превращается в нечто серьезное. Человек может ею не обладать, он может даже в полной мере не осознавать ее существования, однако он уже знает – в мире присутствует нечто, чего он раньше не замечал. Затем сила проявляется, как что-то неконтролируемое, что приходит к человеку, и у него нет возможности сказать, как она приходит или чем она в действительности является. Она – ничто, и в то же время она совершает чудеса, предстающие пред его собственными глазами. В конце концов, сила становится чем-то в самом человеке, чем-то, что

контролирует твои действия и в то же время подчиняется твоим командам.

После короткой паузы дон Хуан спросил, понял ли я. Я сказал, что понял, чувствуя себя при этом довольно глупо. Он, похоже, заметил, что настроение у меня заметно упало, усмехнулся и отчетливо, словно диктуя мне письмо, проговорил:

– На этом самом месте я научу тебя первому шагу к силе. Я научу тебя тому, как настраивать сновидение.

Он опять взглянул на меня и спросил, знаю ли я, о чем идет речь. Я не знал. Я вообще почти ничего не понимал. Он объяснил, что настраивать сновидение – значит обладать сознательным и прагматическим контролем над общей ситуацией сна, подобно тому, как человек управляет своими действиями, например, идя по пустыне и решая, скажем, взобраться на холм или укрыться в тени скал водного каньона.

– Начинать следует с какого-нибудь простого действия, – сказал дон Хуан. – Сегодня ночью во сне посмотри на свои руки.

Я громко рассмеялся. В его интерпретации это звучало так, словно речь шла о чем-то обычном, что я делаю изо дня в день.

– Почему ты смеешься? – удивился он.

– Как, интересно, во сне можно посмотреть на собственные руки?

– Очень просто: перевести на них взгляд. Вот так.

И он наклонил голову и, разинув рот, уставился на свои руки. Выглядело это настолько комично, что я расхохотался.

– Нет, серьезно, как это делается? – переспросил я.

– Я же тебе показал, – отрезал дон Хуан. – В принципе, можешь смотреть на что хочешь – на свои ноги, на свой живот, хоть

на свой член, в конце концов. Я советую смотреть на руки только потому, что лично мне так было легче всего.

Только не думай, что это шутка. Сновидение – это так же серьезно, как видение, как смерть, как все, что происходит в этом жутком таинственном мире. Пускай для тебя это будет чем-то занимательным. Представь себе все самые невероятные вещи, которые ты мог бы совершить. Ведь возможности того, кто охотится за силой, в сновидении почти безграничны.

Я попросил дать мне какие-нибудь указания.

– Нет тут никаких указаний.

– Не может быть, чтобы тебе нечего было добавить, – настаивал я.

Он покачал головой и, сведя глаза, несколько раз быстро на меня взглянул.

– Все мы разные, – наконец произнес он. – То, что ты называешь указаниями, может быть только тем, что делал я сам, когда учился. Но мы с тобой непохожи. В нас нет даже намека на сходство.

– Но, может быть, твой рассказ в чем-то мне поможет.

– Проще будет, если ты просто начнешь смотреть на свои руки. Тебе же проще.

Дон Хуан задумался, словно что-то для себя формулируя и, время от времени, кивая головой.

– Каждый раз, когда ты смотришь во сне на какой-нибудь объект, он меняет форму, – произнес он после долгой паузы. – Когда учишься настраивать сновидение, весь фокус заключается в том, чтобы не просто посмотреть на объект, а удержать его изображение. Сновидение становится реальностью тогда, когда человек обретает способность все приводить в фокус. Тогда нет разницы между тем,

что делаешь, когда спишь, и тем, что делаешь, когда бодрствуешь. Понимаешь?

Я ответил, что слова его мне понятны, но принять то, что он сказал, я не в состоянии. В цивилизованном мире есть масса людей, имеющих разнообразные иллюзии. Такие люди не в состоянии провести грань между реальными событиями и тем, что происходит в их фантазиях. Я сказал, что все они, вне всякого сомнения, больны, и с каждым разом, когда он советует мне действовать подобно сумасшедшему, мне становится все более и более не по себе.

После моей тирады дон Хуан обхватил щеки ладонями и тяжело вздохнул, изображая отчаяние. Получилось довольно смешно.

– Слушай, оставь ты в покое свой цивилизованный мир. Ну его! Никто тебя не просит уподобляться психу. Я уже говорил тебе: для того, чтобы иметь дело с силами, на которые он охотится, воин должен быть совершенен. Как ты можешь представить себе то, что он неспособен проводить различие между вещами? С другой стороны, друг мой, тот, кто знает, что такое реальный мир, в мгновение ока запутается и погибнет, если будет зависеть от твоей способности понять что реально, а что нет.

Я, очевидно, не смог выразить то, что имел в виду. Каждый раз, когда я протестовал, то просто выражал свое невыносимое разочарование из-за несостоятельности своей позиции.

– Я вовсе не пытаюсь сделать тебя больным, помешанным, – продолжал дон Хуан. – Этого ты с успехом можешь добиться и без моей помощи. Но силы, которые ведут по миру каждого из нас, привели тебя ко мне, и я пытался научить тебя, как изменить свой дурацкий образ жизни, и начать жить, как подобает охотнику – жизнью твердой и чистой. Потом силы еще раз направили тебя и дали мне понять, что я должен учить тебя дальше, чтобы ты научился жить безупречной жизнью воина. Похоже, ты на это не способен. Но кто может сказать наверняка? Мы так же таинственны и так же ужасны, как этот непостижимый мир. И кто может с уверенностью сказать, на что ты способен, а на что – нет?

В тоне дона Хуана явственно сквозила печаль. Я хотел было извиниться, но он снова заговорил:

– Вовсе не обязательно смотреть именно на руки. Выбери что-нибудь другое, но выбери заранее, а потом найди это в своих снах. Я посоветовал выбрать руки, потому что они всегда при тебе. Когда они начнут терять форму, отведи от них взгляд и посмотри на что-нибудь другое, а потом опять – на руки. На то, чтобы в совершенстве освоить этот прием, требуется время, много времени.

Я настолько увлекся своими записями, что не заметил, как начало темнеть. Солнце уже скрылось за горизонтом. Небо затянулось облаками. Приближались сумерки. Дон Хуан встал и несколько раз украдкой взглянул на юг.

– Идем, – сказал он. – Нам нужно идти на юг до тех пор, пока не покажется дух источника.

Мы шли примерно полчаса. Вдруг характер местности резко переменялся, и мы оказались на открытом пространстве. Впереди виднелся большой круглый холм, весь чапараль на котором сгорел. Холм напоминал лысую голову. Мы направились к нему. Я думал, что дон Хуан намерен подняться вверх по пологому склону, но он остановился и весь буквально превратился во внимание. Все его тело напряглось. Потом он задрожал и через мгновение полностью расслабился. Было непонятно, как ему вообще удастся сохранять вертикальное положение при настолько расслабленных мышцах.

В это мгновение сильнейший порыв ветра встряхнул все мое тело. Тело дона Хуана повернулось лицом на запад – туда, откуда этот ветер пришел. Он не использовал для поворота своих мышц; по крайней мере, для того, чтобы повернуться, дон Хуан не воспользовался мышцами так, как это сделал бы я. Впечатление было такое, что его развернула некая внешняя сила.

Я смотрел на дона Хуана. Краем глаза он взглянул на меня. На лице его была написана решимость, целеустремленность. Он снова был весь внимание. Я разглядывал его с удивлением: на моей памяти мы ни разу еще не оказывались в ситуациях, требующих от него столь странной концентрации.

Вдруг по его телу прошла дрожь, словно на него вылили ведро ледяной воды. Потом он еще раз вздрогнул и, как ни в чем ни бывало, пошел дальше.

Я последовал за ним. Он начал подниматься на голый холм с востока и, когда мы дошли примерно до середины склона, остановился и повернулся лицом на запад.

С того места, где мы теперь стояли, вершина холма уже не выглядела такой круглой и гладкой, какой она казалась издалека. Возле самой макушки холма была дыра, похожая на вход в пещеру. Я принялся пристально смотреть на нее, потому что дон Хуан делал то же самое. Налетел еще один сильный порыв ветра, от которого вверх по моему позвоночнику побежал холодок. Дон Хуан повернулся на юг и принялся обшаривать глазами местность.

– Вон там! – шепотом сказал он и указал на что-то, лежавшее на земле.

Я напряг зрение. Метрах в шести от нас что-то лежало на земле. Оно было светло-коричневого цвета. Когда я на него посмотрел, оно задрожало. Я сосредоточил на нем все свое внимание. «Это» было почти круглым, словно кто-то лежал, свернувшись калачиком. Совсем как собака.

– Что это? – шепотом спросил я у дона Хуана.

– Не знаю, – точно так же шепотом ответил он, всматриваясь в «это». – Как ты думаешь, на что оно похоже?

– На собаку.

– Великовато для собаки, – прозаично сказал он.

Я сделал к «этому» пару шагов, но дон Хуан мягко остановил меня. Я снова принялся всматриваться в «это». Определенно – какое-то животное. То ли спит, то ли умерло. Я почти различал голову с торчащими, как у волка, ушами. К тому моменту я уже был в полной уверенности, что перед нами – какое-то животное, которое лежит, свернувшись калачиком. Я решил, что это, возможно, бурый

теленка, и шепотом сообщил об этом дону Хуану. Он ответил, что животное слишком невелико для теленка, и, кроме того, у него острые уши.

Животное еще раз вздрогнуло, и я понял, что оно живое. Я видел, как оно дышит, хотя дыхание это не было ритмичным. Оно делало вздохи, скорее походившие на неравномерные спазмы. И тут меня осенило.

– Это животное умирает, – прошептал я дону Хуану.

– Ты прав, – шепотом ответил он. – Но что это за животное?

Я не мог различить никаких характерных признаков. Дон Хуан сделал в направлении него пару осторожных шагов. Я – за ним. Было уже довольно темно, и мы сделали еще два шага, чтобы рассмотреть животное.

– Осторожно! – прошептал дон Хуан мне на ухо. – Если оно умирает, то может броситься на одного из нас из последних сил.

Но зверь, казалось, находился на последнем издыхании. Дыхание его было неравномерным, тело спазматически вздрагивало. Но лежал он по-прежнему, свернувшись. Однако в какой-то момент страшный спазм потряс все его тело, буквально подбросив зверя на месте. Я услышал дикий вопль, и зверь вытянул лапы. Его когти были более чем пугающими, они были тошнотворными. Вытянув лапы, зверь завалился набок, а затем опрокинулся на спину.

Я услышал устрашающее рычание зверя и крик дона Хуана:

– Беги! Спасайся!

Что я и исполнил незамедлительно. С невероятной быстротой и ловкостью я кинулся взбираться на макушку холма. На полпути оглянувшись, увидел, что дон Хуан стоит там же, где стоял. Знаком он позвал меня. Я бегом бросился вниз.

– Что случилось? – спросил я, очень тяжело дыша.

– Похоже, зверь умер, – ответил он.

Мы осторожно приблизились к зверю. Он, вытянувшись, лежал на спине. Подойдя поближе, я чуть не заорал от страха. Зверь был еще жив. Тело все еще вздрагивало, торчавшие вверх лапы дико дергались. Это явно была агония.

Я шел впереди дона Хуана. Еще один спазм встряхнул тело зверя, и я увидел его голову. В диком ужасе я оглянулся на дона Хуана. Судя по телу, животное явно было млекопитающим. Но у него был клюв, как у птицы!

Я смотрел на зверя в полнейшем ужасе. Ум отказывался верить тому, что видели глаза. Я был оглушен, подавлен. Я не мог вымолвить ни слова. Никогда в жизни мне не приходилось встречаться ни с чем подобным. Перед моими глазами находилось нечто абсолютно невозможное. Я хотел попросить дона Хуана объяснить мне, что за невероятное явление – этот зверь, но получилось лишь нечленораздельное мычание. Дон Хуан смотрел на меня. Я взглянул на него, потом на зверя, и вдруг что-то во мне привело мир в порядок. Я сразу понял, что это за зверь. Я подошел к нему и подобрал его. Это была большая ветка. Она обгорела, и в ней запуталась сухая трава и всякий мусор, что сделало ее похожей на крупного зверя с округлым телом. На фоне зелени цвет обгоревшего мусора воспринимался как светло-бурый.

Я засмеялся по поводу своего идиотизма и возбужденно объяснил дону Хуану, что ветер шевелил то, что запуталось в этой ветке и что делало ее похожей на живого зверя. Я думал, что ему понравится моя разгадка природы таинственного зверя, но он резко повернулся и пошел к вершине холма. Я последовал за ним. Он заполз в углубление, которое снизу казалось пещерой. Это была всего лишь неглубокая ниша в песчанике.

Дон Хуан набрал мелких веточек и вымел из углубления мусор.

– Нужно избавиться от клещей, – объяснил он.

Знаком он предложил мне сесть и велел устраиваться поудобнее, потому что нам предстояло провести там всю ночь.

Я заговорил было о ветке, но он сделал мне знак замолчать.

– То, что ты сделал, – отнюдь не триумф, – сказал он. – Ты зря растратил прекрасную силу – силу, вдохнувшую жизнь в сухой хворост.

Он сказал, что истинной победой для меня было бы отказаться от сопротивления и следовать за силой до тех пор, пока мир не прекратил бы свое существование. Дон Хуан, похоже, вовсе на меня не сердился и не был расстроен моей неудачей. Он несколько раз повторил, что это – только начало, что нужно время для того, чтобы научиться управлять силой. Он потрепал меня по плечу и пошутил, что еще сегодня я был человеком, знавшим, что реально, а что – нет.

Я был смущен. Я принялся извиняться за свою склонность быть всегда уверенным в правильности своего подхода.

– Брось, – сказал дон Хуан. – Это неважно. Ветка действительно была зверем, реальным зверем, и этот зверь был жив, когда сила коснулась ветки. И поскольку сила делала его живым, весь фокус состоял в том, чтобы, как в сновидении, сохранять образ зверя как можно дольше. Понял?

Я хотел его еще о чем-то спросить, но он снова велел мне молчать. Я должен молчать всю ночь. Но не спать. А говорить сегодня будет только он, и то – недолго.

Дух знает его голос и может оставить нас в покое, если говорить будет только он. Открыться силе – это очень серьезно. Это действие, которое может повлечь за собой далеко идущие последствия. Сила разрушительна, она может легко привести к человеческой смерти, и с ней следует обращаться очень осторожно. Открываться ей следует постепенно, систематически и всегда очень осторожно.

Для этого нужно сделать свое присутствие явным, изображая громкий разговор или делая что-то другое, производящее много шума. А потом нужно долго сохранять полное молчание.

Контролируемые вспышки активности и контролируемые периоды тишины являются отличительными чертами воина. Я должен был еще хотя бы некоторое время сохранять образ живого чудовища. Спокойно, полностью себя контролируя, не теряя головы и не сходя с ума от возбуждения и страха, я должен был постараться «остановить мир». После того, как я бежал на холм, искренне веря, что спасаю свою жизнь, состояние мое было идеальным – как раз таким, в котором «останавливают мир». В нем соединились страх, благоговение, сила и смерть. Дон Хуан сказал, что еще раз ввести меня в это состояние будет довольно трудно.

Я прошептал ему в самое ухо:

– Дон Хуан, что ты имеешь в виду, говоря «остановить мир»?

Прежде чем ответить, дон Хуан яростно взглянул на меня. Но потом объяснил, что «остановка мира» – это техника, практикуемая теми, кто охотится за силой. Техника, посредством которой мир, в том виде, каким мы его знаем, рушится.

Глава 11. Настроение воина

В четверг, 31 августа 1961 года, едва я остановился перед домом, дон Хуан заглянул в открытое окно машины и, не дав даже поздороваться, улыбнулся мне и сообщил:

– Мы поедem к месту силы, которое находится довольно далеко. А уже, кстати, почти полдень.

Он открыл дверцу, устроился рядом со мной и велел ехать по шоссе на юг. Километров через сто двадцать он показал мне грунтовую дорогу, на которую нужно было свернуть. Она вела на восток. По ней мы доехали до отрогов гор. Я поставил машину в углублении, которое выбрал дон Хуан. Углубление было довольно большим, и машину в нем не было видно с дороги. Прямо оттуда мы начали подниматься на цепь высоких холмов, пересекавших обширную плоскую пустынную равнину.

Когда стемнело, дон Хуан выбрал место для сна. Он потребовал абсолютного молчания.

На следующий день мы наспех позавтракали и двинулись на восток. Растительность пустыни сменилась сочной зеленью горных кустов и деревьев.

Около полудня мы вскарабкались на вершину гигантского монолитного утеса, склон которого был похож на каменную стену. Дон Хуан сел и знаком велел мне сделать то же самое.

– Это – место силы, – после долгой паузы объяснил дон Хуан. – Когда-то очень давно здесь были захоронены воины.

В это мгновение каркнула пролетавшая над нами ворона. Дон Хуан проводил ее пристальным взглядом.

Я принялся разглядывать скалу и прикидывать, каким образом и где именно в ней могли быть захоронены воины. Дон Хуан с улыбкой похлопал меня по плечу:

– Не здесь, дурень. Там, внизу.

Он указал на поле, которое расстиралось прямо под нами к востоку от подножия утеса. Он объяснил, что на этом поле есть участок, окруженный естественной изгородью из больших валунов. Оттуда, где я сидел, мне был виден этот участок – идеально круглой формы, метров сто в диаметре. Он весь порос густым кустарником, скрывавшим валуны. Я бы даже не заметил, что участок представляет собой идеальный круг, если бы дон Хуан не обратил на это моего внимания.

Дон Хуан сказал, что по старому индейскому миру разбросано множество таких мест. Они не являются в полном смысле местами силы, как некоторые холмы или геологические образования, где обитают духи. Это, скорее, – места просветления, в которых человек может многому научиться и отыскать решения мучающих его проблем.

– Для этого нужно просто сюда прийти, – сказал дон Хуан. – Или провести ночь на этой скале, чтобы привести в порядок чувства.

– Мы остановимся здесь на ночь?

Я думал, что – да, но маленькая ворона только что сказала мне, что делать этого не нужно.

Я попытался было подробнее расспросить его о вороне, но он нетерпеливым движением головы велел мне молчать.

– Посмотри на этот круг из валунов, – сказал он. – Хорошенько зафиксируй его в памяти, и когда-нибудь ворона приведет тебя к другому такому месту. Чем правильнее круг, тем больше его сила.

– А кости воинов до сих пор здесь находятся?

Дон Хуан очень комично изобразил изумление, а потом широко улыбнулся:

– Это – не кладбище. Здесь нет ничьих могил. Я сказал, что здесь были захоронены воины. Они приходили сюда и хоронили себя

на ночь, на два дня или на столько, на сколько считали нужным. Кладбища меня не интересуют. В них нет силы. Правда, в костях воина сила есть всегда, но кости воина никогда не бывают закопаны на кладбище. И еще больше силы – в костях человека знания, но его кости отыскать практически невозможно.

– Кто такой человек знания, дон Хуан?

– Любой воин может стать человеком знания. Я уже говорил тебе, что воин – это безупречный охотник, который охотится за силой. Если охота его будет успешной, он может стать человеком знания.

– Что ты...

Движением руки дон Хуан прервал меня. Он встал и знаком велел следовать за ним. Потом он начал спускаться по крутому восточному склону утеса. На его почти вертикальной поверхности была хорошо заметна тропа, которая вела прямо к окруженному валунами участку.

Мы медленно спускались по опасной тропе. Достигнув основания утеса, дон Хуан, не останавливаясь, повел меня сквозь густые заросли чапарала в самый центр круга. Там он набрал сухих веток и подмел ими чистый пяточок, на котором мы и расположились. Пяточок оказался тоже идеально круглым.

– Я собирался захоронить тебя здесь на всю ночь, – сообщил мне дон Хуан. – Но теперь знаю, что время для этого еще не пришло. У тебя нет для этого силы. Я захороню тебя совсем ненадолго.

Я занервничал от мысли о том, что он собирается меня закопать, и спросил, что он имеет в виду, говоря о захоронении. Он по-детски хихикнул и принялся собирать сухие ветки. Помогать он не позволил, сказав, что мое дело – сидеть и ждать.

Собранные ветки он бросал в центр очищенного круга. Затем он заставил меня лечь головой на восток, сложил мою куртку, засунул ее мне под голову и соорудил вокруг моего тела клетку. Для этого он воткнул в мягкий грунт палки длиной немного меньше

метра. Некоторые из них вверху оканчивались развилками. В эти развилки он положил длинные продольные прутья, в результате чего вся конструкция приобрела вид открытого гроба. Потом дон Хуан сделал крышку и нижнюю торцевую стенку, закрыв всю конструкцию, начиная от моих плеч, короткими поперечными палками, поверх которых он выложил мелкие ветки и листья. В итоге я оказался лежащим в закрытой со всех сторон клетке, из которой торчала только голова со сложенной курткой под ней в качестве подушки.

Потом он взял толстую сухую палку и, пользуясь ею как лопатой, разрыхлил грунт вокруг меня и забросал клетку землей.

Конструкция оказалась настолько жесткой, а листья – уложенными настолько тщательно, что ни одна песчинка не упала внутрь клетки. Я свободно мог двигать ногами, в случае необходимости – вылезти из клетки и забраться обратно.

Дон Хуан сказал, что обычно воин сперва сооружает клетку, а потом залезает в нее и заделывает лаз изнутри.

– А звери? – поинтересовался я. – Они тоже могут разгрести землю, забраться в клетку и поранить, а то и вовсе загрызть человека.

– Нет. Для воина звери – не проблема. Это проблема для тебя, потому что у тебя нет силы. Воин же руководим несгибаемым намерением и способен отразить что угодно. Ни крыса, ни змея, ни горный лев не в силах побеспокоить воина.

– А ради чего воины хоронят себя, дон Хуан?

– Ради просветления и силы.

У меня появилось исключительно приятное ощущение умиротворенности. Весь мир наполнился покоем. Тишина стояла редкостная. Но на нервы она мне не действовала. Я не привык к такого рода безмолвию и попытался что-то сказать, но дон Хуан не дал. Спустя некоторое время спокойствие этого места начало действовать на мое настроение. Я начал думать о своей жизни и

личной истории, и знакомое чувство тоски и раскаяния овладело мной. Я сказал дону Хуану, что недостойн этого места и не заслуживаю того, чтобы здесь находиться, ведь его мир – это мир силы, справедливости и чистоты, а я – слаб, и мой дух искорежен обстоятельствами моей жизни.

Дон Хуан засмеялся и пригрозил засыпать мою голову землей, если я буду продолжать в том же ключе. Он сказал, что я человек. И, как любой человек, заслуживаю всего, что составляет человеческую судьбу, – радости, боли, печали и борьбы, и что природа поступков человека не имеет значения, если он действует как воин.

Понизив голос почти до шепота, дон Хуан сказал, что если я действительно чувствую, что дух мой искорежен, мне нужно просто укрепить его, очистить и сделать совершенным, потому что во всей нашей жизни нет задачи более стоящей. Не действовать ради укрепления духа – значит стремиться к смерти, а стремиться к смерти – значит не стремиться ни к чему вообще, потому что она все равно догонит нас несмотря ни на что.

После долгого молчания дон Хуан с глубоким убеждением произнес:

– Стремление к совершенствованию духа воина – единственная задача, достойная нашего зрелого возраста.

Его слова подействовали, как катализатор. Я вдруг разом ощутил груз всех своих прошлых поступков. Тяжесть его была невыносима. Непреодолимым препятствием они лежали на моем пути, и я чувствовал, что это – безнадежно. Всклипывая, я заговорил о своей жизни. Я так долго скитался без цели, что сделался нечувствительным к боли и печали, и что меня пронимает лишь в редких случаях, когда я осознаю свое одиночество и свою беспомощность.

Дон Хуан не сказал ничего. Он схватил меня под мышки и выволок из клетки. Когда он меня отпустил, я сел. Он опустился рядом. Установилось неловкое молчание. Я решил, что он дает мне время на то, чтобы прийти в себя. Я достал блокнот и принялся лихорадочно строчить.

– Одинокий лист на ветру. Да? – произнес он наконец, неподвижно глядя на меня.

Он очень точно выразил мое состояние. Я чувствовал себя именно так. И дон Хуан, похоже, тоже проникся этим ощущением. Он сказал, что мое настроение напомнило ему одну песню, и начал тихонько напевать. Он пел очень приятным голосом. Слова песни унесли меня куда-то далеко-далеко: ✧

*Рожден в небесах,
Но сегодня я
Так далеко от них.
И мысли мои
Полны безграничной тоской.
Одинок и печален,
Как лист на ветру.
Я порою готов рыдать,
А порой – смеяться
От страстного стремления
(к чему-то; тоски по чему-то).*

Мы долго молчали. Наконец, он заговорил:

– С того самого дня, когда ты родился, каждый, с кем сталкивала тебя жизнь, так или иначе что-то с тобой делал.

– Это так, – согласился я.

– И делали это с тобой против твоей воли.

– Да.

– И теперь ты беспомощен, как лист на ветру.

– Да. Так и есть.

Я сказал, что обстоятельства моей жизни были опустошительны. Дон Хуан выслушал меня очень внимательно, однако я не мог понять, то ли он делает это просто от сочувствия, то ли что-то его действительно весьма заинтересовало. Я терялся в догадках, пока не заметил, что он пытается спрятать улыбку.

– Тебе очень нравится себя жалеть. Но, как бы тебя это ни тешило, от этого придется избавиться, – мягко сказал он. – В жизни воина нет места для жалости к себе.

Он засмеялся и еще раз пропел песню, слегка изменив интонацию. В результате получился нелепый плаксиво-

сентиментальный куплет. Дон Хуан сказал, что мне эта песня понравилась именно потому, что всю свою жизнь я только тем и занимался, что выискивал во всем недостатки, жаловался и ныл. Спорить с ним я не мог. Он был прав. Но, тем не менее, я полагал, что у меня все же достаточно оснований для того, чтобы чувствовать себя подобно сорванному ветром одинокому листу.

– Нет в мире ничего более трудного, чем принять настроение воина, – сказал дон Хуан. – Бесполезно пребывать в печали и жаловаться, чувствуя себя вправе этим заниматься, и верить, что кто-то другой что-то делает с нами. Никто ничего ни с кем не делает, и особенно – с воином. Сейчас ты здесь, со мной, потому что ты этого хочешь. Тебе пора было бы уже принять на себя всю полноту ответственности за свои действия. В свете этого представление о том, что ты находишься на милости у ветра неприемлемо.

Он встал и принялся разбирать клетку. Землю он тщательно ссыпал туда, откуда ее брал, а все ветки аккуратно разбросал по чапаралю. Потом, забросав очищенную площадку мусором, он придал ей такой вид, как будто никто к ней даже не притрагивался.

Я отметил мастерство, с которым это было сделано. Дон Хуан сказал, что хороший охотник все равно узнает, что мы здесь были, потому что следы человека полностью уничтожить невозможно.

Он сел, скрестив ноги, велел мне сделать то же самое, как можно удобнее расположившись лицом к тому месту, на котором он меня хоронил, и оставаться на месте до тех пор, пока полностью не развеется моя печаль.

– Воин хоронит себя, чтобы обрести силу, а вовсе не для того, чтобы ныть от жалости к себе, – сказал он.

Я попытался было объяснить, но он не дал, резким кивком велел мне молчать. Он сказал, что ему пришлось вытащить меня из клетки, так как настроение мое стало недопустимым, и он побоялся, что место возмутится из-за моей мягкости и причинит мне вред.

– Жалость к себе несовместима с силой, – продолжал он. – Настроение воина требует контроля над собой и в то же самое время отказа от себя.

– Как это возможно? – спросил я. – Как воин может контролировать себя и отказаться от себя одновременно?

– Это – сложный прием, – ответил он.

Он остановился, как бы раздумывая – продолжать или нет. Дважды он готов был что-то сказать, но потом передумывал и улыбался.

– Ты еще не преодолел печаль, – проговорил он, наконец. – Ты все еще чувствуешь себя слабым, так что сейчас нет смысла говорить о настроении воина.

Почти час прошел в абсолютном молчании. Потом дон Хуан отрывисто спросил, как у меня обстоят дела с техникой сновидения, которой он меня обучил. Я тренировался весьма усердно, и ценой невообразимых усилий мне, в конце концов, удалось обрести некоторый контроль над своими снами. Дон Хуан был прав, утверждая, что эту практику можно рассматривать в качестве развлечения. Теперь я чуть ли не с нетерпением ожидал наступления вечера и времени, когда будет пора ложиться спать. Раньше со мной такого не случалось.

И в ответ на вопрос дона Хуана я представил ему подробный отчет о своих успехах.

После того, как я научился давать себе команду смотреть на свои руки, мне было относительно легко научиться поддерживать их образ. Мои видения, хотя и не всегда собственных рук, продолжались, казалось, продолжительное время до тех пор, пока я, в конце концов, не терял контроль и не погружался в обычные непредсказуемые сны. Я ни коим образом не выбирал то, когда давать себе команду смотреть на руки или на другие объекты снов. Это происходило само собой. В какой-то момент вдруг в памяти всплывало, что нужно смотреть на руки, а потом на то, что меня

окружает. Однако были ночи, в которые я ни о чем этом не вспоминал.

Дон Хуан, похоже, был удовлетворен. Он спросил, какие еще объекты, кроме своих рук, я обычно находил в своих видениях. Я, не сумев вспомнить ничего конкретного, принялся копать в кошмаре, который посетил меня предыдущей ночью.

– Не нужно настолько сильно поддаваться воображению, – сухо сказал он.

Я рассказал ему, что подробно конспектирую все свои сны. С тех пор, как я начал практику смотрения на руки, сны мои сделались очень живыми и богатыми, а способность к их запоминанию возросла до такой степени, что я с легкостью мог восстанавливать их вплоть до самых незначительных деталей. Дон Хуан сказал, что следить за этими снами – пустая трата времени, потому что ни подробности снов, ни их живость не имеют равным счетом никакого значения.

– Обычные сны всегда становятся очень живыми, стоит человеку лишь начать настраивать сновидение, – объяснил он. – Более того, их живость и ясность становятся серьезными препятствиями на пути, и с тобой в этом плане дело обстоит гораздо хуже, чем с кем бы то ни было из тех, кого я знаю. У тебя – самая настоящая мания, причем совершенно ужасная. Ты записываешь все, что только можешь.

А я-то искренне считал, что поступаю правильно. Благодаря подробнейшим конспектам своих снов я в какой-то степени уяснил себе природу видений, имевших место в моих снах.

– Брось это! – приказал он. – Это ни в чем тебе не поможет. Ты только отклоняешься от цели сновидения, которой является контроль и сила.

Он улегся на спину, накрыл лицо шляпой и заговорил, не глядя на меня:

– Я хочу напомнить тебе все приемы, которые ты должен практиковать. Сначала фокусируешь взгляд на руках. Это – отправная точка. Затем начинаешь переводить взгляд на другие объекты, на очень короткое время, фиксируя его на них. Постарайся бросить такой короткий взгляд на максимальное количество объектов. Помни: если ты будешь только коротко взглядывать на объекты, они не начнут сдвигаться. Потом снова вернись к своим рукам. Каждый раз, когда ты возвращаешься к своим рукам, ты восстанавливаешь силу, необходимую для продолжения сновидения. Поэтому вначале не нужно смотреть сразу на множество объектов. На первый раз четырех будет достаточно. Потом ты постепенно сможешь увеличить их количество, и, в конце концов, будешь в состоянии разглядывать все, что захочешь. Но всегда, как только образы начинают сдвигаться, и ты чувствуешь, что начинаешь терять контроль, – возвращайся к рукам.

Когда ты почувствуешь, что можешь смотреть на что угодно, сколько захочешь, ты будешь готов к освоению следующей техники. Ей я научу тебя сейчас. Но применять ее, я надеюсь, ты станешь только тогда, когда будешь готов.

Минут пятнадцать он лежал молча. Наконец, он сел и посмотрел на меня.

– Следующим шагом в настройке сновидения является обучение тому, как путешествовать, – продолжал он. – Тем же способом, каким ты научился смотреть на руки, ты можешь повелеть себе двигаться, отправляясь в разные места. Сначала определи место, в которое ты хотел бы попасть. Выбирай места, которые хорошо знаешь, – университет, соседний парк, дом кого-нибудь из твоих друзей. А потом нужно повелеть себе отправиться туда. Это очень сложная техника. Ты должен выполнить две задачи: во-первых, ты должен повелеть себе отправиться в определенное место, а затем, когда ты освоишь эту технику, ты должен научиться контролировать точное время своего путешествия.

Записывая его слова, я почувствовал, что определенно рехнулся, поскольку совершенно серьезно конспектировал безумные

инструкции. Чтобы их выполнить, мне пришлось бы выбраться из самого себя. Меня охватила волна сожаления и замешательства.

– Что ты со мной делаешь, дон Хуан? – спросил я, совсем не это имея в виду.

Он, похоже, удивился. Некоторое время он пристально смотрел на меня, а потом улыбнулся.

– Ты снова и снова задаешь мне один и тот же вопрос. Я ничего с тобой не делаю. Ты делаешь себя доступным силе, ты за ней охотишься, а я лишь веду тебя

Он склонил голову на бок и принялся меня разглядывать. Одной рукой он взял меня за подбородок, второй – за затылок и подергал меня за голову взад-вперед. От этого движения мышцы шеи, которые были скованы сильным напряжением, расслабились.

Дон Хуан посмотрел на небо, и, казалось, некоторое время что-то на нем изучал.

– Нам пора, – сухо сообщил он и встал.

Мы направились на восток и к пяти часам вечера пришли к роще из невысоких деревьев в долине между двумя большими холмами. Было почти пять вечера. Дон Хуан небрежно заметил, что нам, возможно, придется провести там ночь. Он указал на деревья и сказал, что где-то там есть вода.

Он весь напрягся и начал по-звериному принюхиваться. Я видел, как быстро вздрагивают мышцы его живота, расслабляясь и напрягаясь в такт частым коротким вдохам-выдохам. Он велел мне сделать то же и самому определить, где именно находится вода. Я без особой охоты начал подражать его манере дыхания. Минут через пять-шесть у меня уже кружилась голова. Но ноздри странным образом прочистились, и я почувствовал запах речных ив. Однако установить, где они находятся, мне так и не удалось.

Дон Хуан велел мне несколько минут отдохнуть, а потом снова заставил принюхиваться. Второй раунд был более интенсивным. Я

ощутил слабый запах речных ив, исходивший откуда-то справа. Мы свернули туда и примерно через полкилометра вышли к болотцу со стоячей водой. Мы обошли его, и подошли к немного возвышавшейся над ним плоской горизонтальной площадке. Дальше над площадкой и вокруг нее все заросло очень густым чапаралем.

– Это место кишит горными львами и другими кошками поменьше, – как бы, между прочим, заметил дон Хуан таким тоном, словно речь шла о какой-то самой обычной мелочи.

Я мигом подбежал к нему. Он засмеялся.

– Обычно я стараюсь вообще сюда не заходить, – сказал он. – Но ворона показала именно это направление. Здесь мы должны найти что-то особенное.

– Дон Хуан, нам действительно необходимо здесь находиться?

– Да. Иначе я ни за что не пошел бы в это место.

Я начал очень сильно нервничать. Он велел мне слушать внимательно и заговорил:

– Охота на горных львов – единственное, ради чего человек может забраться в это место. Поэтому я должен научить тебя тому, как это делается. Сначала делают ловушку для водяных крыс, живущих вокруг источников, которые служат приманкой. Но изготавливают ее особым образом: боковины делают сминаемыми, а вдоль них вертикально устанавливают очень остро отточенные шипы. Когда клетка стоит, их острия спрятаны. Но когда на клетку падает что-нибудь увесистое, боковины не выдерживают, сминаются, а шипы высовываются и пронзают то, что упало на клетку.

Я не мог понять, как это делается, но он нарисовал на земле схему и объяснил, как закрепить в углублениях на раме вертикальные прутья стенок таким образом, чтобы при возникновении вертикальной нагрузки на ее крышу клетка заваливалась бы в одну из сторон.

Шипами в такой конструкции служат острые щепы из твердого дерева, жестко укрепленные на раме.

Дон Хуан сказал, что во время охоты на горного льва высоко над ловушкой подвешивают большую сетку с тяжелыми камнями. Над клеткой протягивают веревку. Вся система устроена так, что стоит только задеть эту веревку, как все камни из сетки рухнут вниз. Учуяв водяных крыс в клетке, горный лев подходит к ловушке. Обычно он пытается разрушить препятствие ударом передних лап сверху вниз. Вот и в этом случае, чтобы добраться до крыс, он изо всех сил ударяет обеими лапами по крышке клетки. Клетка сминается, и шипы вонзаются ему в лапы. От боли и неожиданности огромная кошка подпрыгивает и цепляет веревку, обрушивая на себя лавину камней.

– Когда-нибудь тебе может понадобится поймать горного льва, – продолжал дон Хуан. – У них есть особая сила, они очень сообразительны, и поймать их можно только одним способом – обманув при помощи боли и запаха речных ив.

С поразительной быстротой и сноровкой дон Хуан соорудил ловушку и после довольно долгого ожидания поймал трех щекастых грызунов, похожих на жирных белок.

Он велел мне нарвать охапку веток речных ив на краю болотца и заставил натереть ими одежду. Сам он сделал то же самое. Потом очень быстро и ловко сплел из тростника две сетки, одну из которых набил водорослями и грязью, которые набрал в болоте. Он принес ее на площадку и спрятался.

Пока он этим занимался, грызуны в клетке начали громко пищать.

Из своего укрытия дон Хуан велел мне взять вторую сетку, набрать в нее побольше грязи и растений из болота и вместе с ней взобраться на нижние ветви дерева, под которым стояла ловушка с грызунами.

Дон Хуан объяснил, что не хочет калечить ни кошку, ни зверьков, поэтому собирается отпугнуть зверя, окатив грязью, когда

тот только подойдет к ловушке. Я должен быть готов сделать то же самое. Он посоветовал мне вести себя как можно внимательнее, чтобы не свалиться с дерева. И напоследок велел мне замереть, буквально слиться с ветвями.

Дона Хуана я не видел. Грызуны визжали все громче. Постепенно стемнело настолько, что я едва угадывал общие очертания местности. Вдруг слышались мягкие шаги и приглушенное кошачье дыхание, а потом раздался очень мягкий рык. Грызуны замолкли. И тут прямо под деревом я заметил темную массу звериного тела. Прежде, чем я смог рассмотреть зверя и убедиться в том, что это – горный лев, он бросился на ловушку. Но добежать до нее не успел: что-то обрушилось на него сверху, и он отскочил. Я швырнул свою сетку, как велел дон Хуан, но не попал. Однако шума наделал много. Тут дон Хуан издал несколько жутких пронзительных воплей, от которых по спине у меня побежали мурашки. Кошка с невообразимой ловкостью метнулась через площадку и скрылась.

Дон Хуан еще некоторое время продолжал вопить, а потом велел мне как можно быстрее слезть с дерева, взять клетку со зверьками и бежать к нему на площадку.

Через невероятно короткий промежуток времени я уже стоял рядом с доном Хуаном. Он велел мне кричать, как можно точнее имитируя звуки, которые издавал он сам. Это нужно было для того, чтобы держать на расстоянии льва, пока дон Хуан разбирает ловушку и выпускал зверьков.

Я начал было кричать, но получалось плохо. Голос от возбуждения сделался хриплым.

Дон Хуан сказал, что нужно отрешиться от себя и кричать по-настоящему, с чувством, потому что лев все еще рядом. И тут я в полной мере оценил ситуацию. Лев-то был вполне реален! И я издал восхитительнейший каскад душераздирающих пронзительных воплей.

Дон Хуан буквально взревел от хохота.

Он дал мне еще немного покричать, а потом сказал, что теперь нужно как можно тише покинуть это место, потому что лев — не дурак и уже, вероятно, возвращается.

— Он наверняка пойдет за нами, — сказал дон Хуан. — Как бы аккуратно мы себя ни вели, позади нас все равно останется след шириной с Панамериканское шоссе.

Я шел совсем рядом с доном Хуаном. Время от времени он на мгновение замирал и прислушивался. Потом в какой-то момент он бросился бежать в темноту. Я — за ним, вытянув перед собой руки, чтобы защитить глаза от веток.

Наконец мы добрались до подножия утеса, на котором сидели днем. Дон Хуан сказал, что если лев не разорвет нас до того, как мы доберемся до вершины, то мы спасены. Он начал взбираться первым, показывая путь. Было совсем темно. Непонятно, каким образом мне это удавалось, но я следовал за доном Хуаном очень уверенно. Когда мы были уже недалеко от вершины, я услышал странный звериный крик. Он напоминал коровье мычание, но был более продолжительным и хриплым.

— Быстрее! Быстрее вверх! — заорал дон Хуан. И я в крошечной тьме рванулся к вершине, оставив дон Хуана позади. Когда он добрался до плоской площадки на макушке утеса, я уже сидел там, восстанавливая дыхание.

Дон Хуан рухнул на землю. Я решил было, что напряжение оказалось для него слишком сильным, однако оказалось, что он просто катается по земле от хохота. Его рассмешил мой бросок к вершине.

Мы в полном молчании просидели там еще часа два, потом отправились в обратный путь.

Воскресенье, 3 сентября 1961

Когда я проснулся, дона Хуана дома не было. До его прихода я успел поработать над своими записями и насобирать хвороста для очага в чапарале вокруг дома. Когда дон Хуан вошел, я как раз ел. Он прошелся по поводу того, что он называл моей запрограммированностью на принятие пищи в полдень, но от пары бутербродов не отказался.

Я сказал ему, что история с горным львом сбила меня с толку. Теперь ситуация казалась нереальной, словно дон Хуан подстроил все это специально для меня. События сменяли друг друга с такой бешеной скоростью, что у меня просто не было времени на то, чтобы испугаться. Времени было достаточно только на действия, но не на раздумья о складывающихся обстоятельствах. Когда я писал заметки, у меня вдруг возникли сомнения – а действительно ли я видел горного льва? В моей памяти еще свежа была сухая ветка.

– Это был горный лев, – сказал дон Хуан тоном, отмечающим всякие сомнения.

– Что, живой зверь из плоти и крови?

– Разумеется.

Я объяснил, что подозрения возникли у меня из-за того, что все прошло как-то слишком уж гладко. Лев явился как по заказу, словно он специально нас ожидал и был выдрессирован делать именно то, что запланировал дон Хуан.

Однако на дона Хуана поток моих скептических замечаний не произвел ни малейшего впечатления. Он только посмеялся надо мной.

– Смешной ты парень, – сказал он. – Ты же видел кошку собственными глазами. Прямо под деревом, на котором сидел. Она не унюхала тебя и на тебя не бросилась только из-за запаха речной ивы. Он заглушает любой другой запах, а у тебя на коленях лежала целая куча ивовых веток.

Я сказал, что дело не в том, что я сомневаюсь в его честности, а в том, что все происходившее в ту ночь никоим образом не умещается в рамки обычного течения моей жизни. Когда я писал заметки, у меня даже ненадолго возникло подозрение, что это дон Хуан изображал горного льва. Однако эту идею пришлось отбросить, потому что уж слишком явственно я видел темное тело четвероногого зверя, который бросился на клетку, а потом перемахнул через площадку.

– Чего ты мечешься? – спросил дон Хуан. – Это была обыкновенная большая кошка. Тысячи их рыщут в тех горах. Большое дело! Ты, как всегда, фокусируешь свое внимание не на том, на чем следует. Не важно, что это было – лев или мои штаны. То, что важно, – это твои чувства в тот момент.

Я никогда в жизни не видел и не слышал большой кошки на воле. И тот факт, что я находился всего в какой-то паре метров от зверя, никак не укладывался у меня в голове.

Дон Хуан терпеливо выслушал все мои соображения по поводу истории с горным львом.

– Слушай, а почему эта большая кошка внушает тебе такой страх? Ты прямо трепещешь перед ней, – выпытывающе спросил он. – Ведь с такого же расстояния тебе приходилось наблюдать практически всех животных, которые здесь водятся. Но они тебя в такое состояние не приводили. Тебе нравятся кошки?

– Нет.

– А-а-а... Ну тогда забудь о ней. Собственно, урок состоял вовсе не в том, чтобы научиться охотиться на львов.

– А в чем?

– Маленькая ворона указала мне на то место возле болота, и там я увидел возможность дать тебе понять, как человек действует, когда находится в настроении воина. Вчера ночью, например, ты действовал, находясь в соответствующем настроении. Ты четко себя контролировал, и в то же время был полностью отрешен, когда

спрыгнул с дерева и подбежал ко мне. Ты не был парализован страхом. А потом, у вершины утеса, когда зарычал лев, ты двигался очень хорошо. Я уверен, что ты не поверил бы в то, что совершил, если бы взглянул на этот утес днем. Большая степень отрешенности сочеталась в твоём состоянии с не меньшей степенью самоконтроля. Ты не отпустился (не сдался) и не намочил штаны, и в то же время отпустился и взобрался на ту стену в полной темноте. Ты мог отклониться то тропы и погибнуть. Для того чтобы вскарабкаться на ту стену в темноте, тебе нужно было держаться за самого себя и отпустить себя одновременно. Это и есть то, что я называю настроением воина.

Я возразил, что все, что я совершил прошлой ночью, было результатом моего страха, а вовсе не настроения, соединившего в себе самоконтроль и отрешенность.

– Я знаю, – произнес он с улыбкой. – И именно поэтому я хотел показать тебе, что ты способен превзойти самого себя, если будешь находиться в нужном настроении. Воин сам создает свое настроение. Ты об этом не знаешь. В этот раз в настроение воина тебя ввел страх, но теперь, поскольку оно тебе знакомо, то для вхождения в него ты сможешь воспользоваться чем угодно.

Я хотел начать спорить, но для этого моим мыслям не хватало четкости. Непонятно почему, мне вдруг стало досадно.

– Очень удобно действовать, всегда находясь в настроении воина, – продолжал дон Хуан. – Оно прорывается сквозь чепуху и оставляет человека очищенным. Это было великолепное чувство, когда ты достиг вершины, правда?

Я сказал, что понимаю, о чем он говорит, однако чувствую, что попытки применить то, чему он меня учит, в повседневной жизни, были бы полным идиотизмом.

– Каждый из поступков необходимо совершать в настроении воина, – объяснил дон Хуан. – Иначе человек становится уродливым и безобразным. В жизни, в которой не хватает настроения воина, отсутствует сила. Посмотри на себя. Все обижает и расстраивает тебя. Ты ноешь, жалуешься и чувствуешь, что каждый заставляет

тебя плясать под свою дудку. Сорванный лист на ветру! В твоей жизни отсутствует сила. Какое, должно быть, мерзкое чувство! Воин же, с другой стороны, это охотник. Он просчитывает все. Это называется контролем. Но, закончив свои расчеты, он действует. Он отпускает все. Это – отрешенность. Воин никогда не уподобляется листу, отданному на волю ветра. Никто не может толкать его. Никто не может заставить его действовать во вред себе или вопреки его решению. Воин настроен на выживание, и он выживает самым оптимальным способом.

Мне понравилась его установка, хотя она и была идеалистической. С точки зрения того сложного мира, в котором я жил, она выглядела слишком упрощенной.

Дон Хуан только посмеялся над моими аргументами. Я же продолжал настаивать на том, что настроение воина никак не сможет помочь мне преодолеть чувство обиды и уберечь от реального вреда, наносимого действиями окружающих, как например, в том гипотетическом случае, когда тебя физически преследует и изводит жестокий и злобный человек, облеченный властью.

Дон Хуан расхохотался и сказал, что пример вполне удачный.

– Воина можно ранить, но обидеть его – невозможно, – сказал он. – Пока воин находится в соответствующем настроении, для него не существует ничего оскорбительного в действиях окружающих. Прошлой ночью лев тебя совсем не обидел, правда? И то, что он преследовал нас, ни капельки тебя не разозлило. Я не слышал от тебя ругательств в его адрес. И ты не возмущался, говоря, что он не имеет права нас преследовать. Он мог быть самым жестоким и злобным из всех известных тебе львов, не это не принималось во внимание, когда ты боролся за то, чтобы спастись от него. Единственной относящейся к делу вещью, являлось стремление выжить, в чем ты отлично преуспел. Если бы ты был один, и льву удалось бы до тебя добраться и насмерть тебя задрать, тебе бы и в голову не пришло пожаловаться на него, обидеться или почувствовать себя оскорбленным его действиями. Так что настроение воина не является противоестественным ни для твоего,

ни для чьего-либо мира. Оно необходимо тебе для того, чтобы прорваться сквозь пустую болтовню.

Я принялся излагать свои соображения по этому поводу. Льва и людей с моей точки зрения нельзя ставить на одну доску. Ведь о ближних своих я знаю очень много; мне знакомы их типичные уловки, мотивы, мелкие ухищрения. О льве же я не знаю ничего. В действиях моих ближних обидным является то, что они злобствуют и делают подлости сознательно.

– Я знаю, я знаю, – терпеливо проговорил дон Хуан. – Достичь состояния воина – очень непросто. Это – революция. Одинаковое отношение ко всему, будь то лев, водяные крысы или люди – изумительное действие духа воина. Для этого необходима сила.

Глава 12. Битва силы

Вторник, 28 декабря 1961

Мы отправились рано утром. Сначала ехали на юг, а затем повернули на восток, в горы. Дон Хуан взял с собой две тыквенные фляги с едой и водой. Мы перекусили в машине, а потом оставили ее и двинулись в путь пешком.

– Держись поближе ко мне, – проинструктировал меня дон Хуан, прежде чем мы отправились. – Эта местность тебе незнакома, поэтому не стоит рисковать. Ты вышел на поиски силы, и в зачет идет каждый твой шаг. Следи за ветром, в особенности – ближе к концу дня. Следи за тем, как он меняет направление, и всегда занимай такое положение, чтобы я заслонял тебя от него.

– Что мы будем делать в этих горах, дон Хуан?

– Ты охотишься за силой.

– Я хотел спросить, чем конкретно мы будем заниматься?

– За силой невозможно охотиться по какому-либо плану. Впрочем, как и за дичью. Охотник охотится на то, что ему попадается. Поэтому он все время должен находиться в состоянии готовности. Ты уже кое-что знаешь о ветре и самостоятельно можешь охотиться на силу, в нем заключенную. Но существует много других вещей, о которых ты не знаешь, но которые, подобно ветру, в определенное время и в определенных местах становятся центрами силы. Сила – штука очень своеобразная. Ее невозможно взять и к чему-нибудь пригвоздить, привязать и сказать, что же это в действительности такое. Она является чувством, которое возникает у человека в отношении определенных вещей. Сила всегда бывает личной, она принадлежит только кому-то одному. Мой бенефактор, например, одним лишь взглядом мог заставить человека смертельно заболеть. Стоило ему бросить на женщину такой взгляд, как она увядала. Но это вовсе не значит, что заболевали все, на кого он

смотрел. Его взгляд действовал лишь тогда, когда в этом участвовала его личная сила.

– А как он решал, кого сделать больным?

– Не знаю. Он и сам не знал. Такова сила. Она командует тобой и в то же время тебе подчиняется. Охотник за силой ловит ее, а затем запасает как свою личную находку. Его личная сила, таким образом, растет, и может случиться, что воин, накопив огромную личную силу, станет человеком знания.

– Как накапливают силу, дон Хуан?

– Это снова другое чувство. Оно зависит от типа личности воина. Мой бенефактор был человеком яростным. Он накапливал силу с помощью этого чувства. Все, что он делал, он делал прямо и жестко. Он оставил в моей памяти ощущение чего-то проламывающегося сквозь вещи. И все, что с ним происходило, происходило именно в таком ключе.

Я сказал, что не понимаю, как можно накапливать силу с помощью чувства. Дон Хуан долго молчал.

– Это невозможно объяснить, – сказал он, наконец. – Ты должен сделать это сам.

Он взял свои тыквенные фляги и повесил их себе на спину. Мне он дал веревочку, на которую были нанизаны куски сушеного мяса. Восемь штук. Веревочку он велел надеть мне на шею.

– Это – пища силы, – объяснил он.

– Что делает ее пищей силы, дон Хуан?

– Это – мясо животного, обладавшего силой. Оленя, редкостного, уникального оленя. Моя личная сила привела его ко мне. Этого мяса хватит для того, чтобы поддерживать нас в течение недель, а если потребуется, то и месяцев. Каждый раз откусывай маленький кусочек и жуй очень медленно и тщательно. Пусть сила входит в твое тело постепенно.

И мы пошли. Было около одиннадцати часов утра. Дон Хуан еще раз напомнил мне, как нужно идти:

– Следи за ветром. Не позволяй ему сбивать с шага и утомлять тебя. Жуй мясо силы и прячься от ветра за моей спиной. Мне ветер не причинит никакого вреда, мы знаем друг друга очень хорошо.

Дон Хуан повел меня по тропе, которая шла прямо к высоким горам. День был пасмурным, собирался дождь. Я видел, как с гор на нас ползут низкие дождевые тучи и туман.

Часов до трех пополудни мы шли, не произнося ни слова. Я жевал сушеное мясо. Это действительно придавало мне силы. А наблюдение за изменениями ветра вылилось в итоге в весьма загадочное явление: я до такой степени в это дело втянулся, что буквально всем телом ощущал каждое изменение еще до того, как оно происходило. У меня было такое чувство, что я могу воспринимать волны ветра как какое-то давление на верхнюю часть грудной клетки и бронхи. Каждый раз, когда я вот-вот должен был ощутить порыв ветра, в груди и в гортани появлялся зуд.

Дон Хуан на минутку остановился и осмотрелся. Казалось, он ориентируется. Потом он повернул направо. Я заметил, что он тоже жует сушеное мясо. Я чувствовал себя очень свежим и совсем не уставшим. Наблюдение за изменениями направления ветра настолько поглотило меня, что я потерял счет времени.

Мы вошли в глубокое ущелье и по одному из склонов поднялись на маленькую площадку почти у вершины гигантской горы.

Дон Хуан взобрался на громадную скалу, под которой заканчивалась площадка, и помог мне сделать то же самое. Скала была похожа на купол, возвышавшийся над отвесными стенами. Мы начали медленно ее обходить. В конце концов, мне пришлось ползти на ягодицах, цепляясь за скалу руками и упираясь пятками. Я весь покрылся потом и был вынужден то и дело вытирать руки.

Обойдя скалу, я увидел очень большую неглубокую пещеру. Она находилась под самой вершиной горы и была похожа на зал в

виде балкона с двумя колоннами, возникший вследствие выветривания песчаника.

Дон Хуан сказал, что в этой пещере мы остановимся. Он объяснил, что она безопасна, так как недостаточно глубока для того, чтобы стать логовом горных львов или других хищников, чересчур открыта для того, чтобы быть крысиным гнездом, и слишком сильно продувается ветром для того, чтобы в ней водились опасные насекомые. Дон Хуан засмеялся и сказал, что она – идеальное место для человека, потому что никто другой просто не выдержит в ней долго.

И он, словно горный козел, метнулся к ней. Мне оставалось только восхищаться его фантастической ловкостью.

Я медленно сполз на ягодицах вниз по скале, а затем по склону горы, и побежал вверх по уступу. Последние несколько метров буквально лишили меня сил. Я в шутку спросил дона Хуана, сколько же ему на самом деле лет. Я имел в виду, что для того, чтобы добраться до уступа так, как это сделал дон Хуан, нужно было быть очень молодым и отлично тренированным.

– Я молод настолько, насколько хочу, – ответил он. – Это тоже связано с личной силой. Если ты накапливаешь силу, тело твое становится способным на невероятные действия. А если, наоборот, ее рассеиваешь, то на глазах превращаешься в жирного слабого старика.

Выступ протянулся с запада на восток. Открытая сторона пещеры была обращена на юг. Я подошел к западному краю площадки. Вид оттуда открывался просто потрясающий. Со всех сторон нас окружал дождь, полупрозрачным занавесом ниспадавший на расстилавшуюся внизу холмистую равнину.

Дон Хуан сказал, что у нас вполне достаточно времени на то, чтобы построить укрытие. Он велел мне принести на уступ как можно больше камней, а сам занялся сбором палок для крыши.

За час он соорудил на восточном конце уступа стену толщиной чуть меньше полуметра. Длина ее была сантиметров семьдесят, а

высота – примерно метр. Он сплел и связал несколько пучков веток, а потом соорудил из них крышу и установил ее на двух длинных палках с развилками на конце. Еще одна такая же палка была прикреплена к самой крыше и поддерживала ее с другой стороны напротив стены. Вся конструкция получилась похожей на высокий трехногий стол.

Дон Хуан уселся, скрестив ноги, под крышей на самом краю площадки. Мне он велел сесть рядом, справа от него. Некоторое время мы молчали.

Нарушил молчание дон Хуан. Шепотом он сообщил, что нам следует вести себя так, будто ничего необычного не происходит. Я спросил, что именно мне следует делать. Он ответил, что мне следует заняться своими записями и писать так, словно я сижу дома за столом и кроме этой работы меня больше ничто в мире не интересует и не беспокоит. В какой-то миг он меня слегка подтолкнул и глазами укажет, куда смотреть. Он предупредил, что я не должен произносить ни слова, что бы ни увидел. Свободно разговаривать может только он, потому что его знают все силы в этих горах.

Следуя его инструкциям, я около часа прилежно писал. Вдруг я ощутил мягкое похлопывание по руке и увидел, что глазами и кивком головы дон Хуан указывает мне на полосу тумана метрах в двухстах от нас, спускавшуюся с вершины горы. Дон Хуан зашептал мне на ухо голосом, едва слышным даже на таком близком расстоянии:

– Поводи глазами туда-сюда по этой полосе тумана. Но не смотри на нее прямо. Моргай почаще и не фокусируй глаза на тумане. Когда заметишь на нем зеленое пятно, покажи мне глазами, где оно находится.

Я начал водить глазами туда-сюда вдоль полосы тумана, которая медленно к нам приближалась. Прошло, наверное, полчаса. Темнело. Туман полз очень и очень медленно. В какое-то мгновение мне вдруг показалось, что справа от себя я заметил слабое зеленоватое свечение. Сперва я даже подумал было, что вижу просто

пятно зеленой растительности, проглядывающее сквозь туман. Когда я взглянул прямо в том направлении, там ничего не оказалось. Но стоило мне снова начать смотреть, не фокусируя взгляда, как размытое зеленоватое пятно снова сделалось заметным.

Я показал его дону Хуану. Он прищурился и начал пристально на него смотреть.

– Теперь сфокусируй глаза на пятне, – прошептал он мне на ухо. – И смотри, не моргая, пока не начнешь видеть.

Я хотел было спросить, что именно я должен видеть, но дон Хуан бросил на меня выразительный взгляд, как бы напоминая о том, что мне нельзя разговаривать.

Я снова принялся смотреть на туман, но теперь уже прямо. Клок тумана спустился откуда-то сверху и завис, похожий на кусок чего-то плотного и твердого. Он находился на одной линии с тем местом, где я видел зеленое пятно. Через некоторое время глаза у меня устали, и я прищурился. Сначала я увидел клочок тумана, наложенный на туманную полосу, а потом – узкую полосу тумана, похожую на мост, который тянулся откуда-то сверху, как бы соединяя склон горы позади надо мной с туманом, висевшим впереди. На мгновение я даже вроде бы увидел, как по этому мосту, не изменяя его очертаний, тянется прозрачный туман, который течет сверху с горы. Казалось, что мост действительно образован чем-то твердым. В какой-то момент мираж сделался настолько полным, что приобрел объемность, прорисованную темными тенями под мостом и его светлой боковой поверхностью цвета песчаника.

Совершенно ошарашенный, я смотрел на этот мост. А потом то ли я поднялся до его уровня, то ли он опустился до моего, но внезапно я обнаружил, что смотрю на прямую дорожку, начинающуюся прямо у моих ног. Это была невообразимо длинная твердая дорога, узкая и без перил, но достаточно широкая для того, чтобы по ней можно было идти...

Дон Хуан энергично дергал меня за руку. Я почувствовал, как дергается вверх-вниз голова, а потом ощутил жуткую резь в глазах. Совершенно непроизвольно я потерял их. Дон Хуан тряс меня, не

переставая до тех пор, пока я снова не открыл глаза. Он налил в ладонь немного воды из своей фляги и плеснул ее мне в лицо. Было очень неприятно. Вода показалась мне настолько холодной, что я ощутил каждую каплю как язву на коже. И только после этого я обратил внимание на то, что тело мое было очень теплым. Я был как в жару.

Дон Хуан торопливо заставил меня попить воды, и затем побрызгал мне на уши и шею.

Я услышал очень громкий, длинный неземной птичий крик. Дон Хуан прислушался, а потом ногой разрушил стену. Крышу он разломал и закинул в кусты, а все камни один за другим сбросил вниз.

Потом он шепнул мне на ухо:

– Выпей воды и жуй свое сушеное мясо. Нам нельзя здесь оставаться. Этот крик был не птичьим.

Мы спустились с уступа и двинулись на восток. За считанные минуты стемнело настолько, что у меня появилось ощущение, будто перед моими глазами повесили плотный черный занавес. Туман был похож на непроницаемую стену. До этого я даже не подозревал, насколько опасен ночной туман. Я не мог себе представить, каким образом дону Хуану удастся находить дорогу. Я держался за его руку, как слепой за руку поводыря.

Каким-то образом я почувствовал, что мы идем по самому краю пропасти. Ноги отказывались двигаться. Мой рассудок верил дону Хуану, и умом я хотел идти вперед, но тело не желало слушаться, и дону Хуану приходилось в полной темноте тащить меня за собой.

Он, должно быть, в совершенстве знал местность. Вот он остановился и заставил меня сесть. Но руку его я все равно не отпустил. Мое тело без тени сомнения чувствовало, что я сижу на голой куполообразной горе, и стоит мне сдвинуться вправо хоть на пару сантиметров, как я скачусь в бездну. Я был абсолютно уверен, что сижу на округлом склоне, потому что тело все время произвольно сползало вправо. Я решил, что таким образом оно

пытается сохранить вертикальное положение, поэтому, чтобы как-то компенсировать это, отклонился, насколько мог, влево, к дону Хуану.

Дон Хуан неожиданно резко отклонился от меня и, потеряв опору, я опрокинулся на землю. Прикосновение к ней восстановило мое чувство равновесия. Я лежал на ровном месте. Я тут же принялся на ощупь обследовать окружающее пространство. Земля была усыпана сухими листьями и хворостом.

Вдруг все вокруг осветила вспышка молнии, и раздался чудовищный раскат грома. Дон Хуан стоял слева от меня. В метре-другом за ним была пещера, а вокруг росли огромные деревья.

Дон Хуан велел мне залезть в пещеру. Я вполз в нее и прижался спиной к камню.

Я почувствовал, как дон Хуан наклонился ко мне, а потом услышал, как он шепотом напоминает, что я должен сохранять абсолютное молчание.

Одна за другой последовали три вспышки молнии. Краем глаза я увидел, что дон Хуан сидит со скрещенными ногами слева от меня. Пещера оказалась совсем небольшим углублением, в котором сидя могли бы разместиться два-три человека. Было такое впечатление, что углубление высечено в нижней части большого валуна. Я понял, что поступил мудро, когда вползал сюда на четвереньках. Если бы я попытался войти в нее во весь рост, то стукнулся бы головой о камень.

Свет молний позволил мне оценить плотность тумана. Я заметил стволы гигантских деревьев. Они выглядели как темные силуэты на фоне матовой светло-серой массы тумана.

Дон Хуан прошептал, что туман и молния в сговоре друг с другом и что как бы ни одолевала меня усталость, я ни в коем случае не должен засыпать, потому что вовлечен в битву силы. В свете сверкнувшей в это мгновение молнии перед моими глазами предстала настоящая фантасмагория. Туман был подобен белому матовому фильтру, он равномерно рассеивал свет и напоминал

плотную белесую субстанцию, висящую в пространстве между высокими деревьями. Но прямо передо мной, над самой землей, туман был менее плотным, и я мог различить очертания местности. Мы находились в сосновом лесу. Нас окружали высоченные деревья. Они были настолько огромны, что я мог бы поклясться, что мы — среди секвой, если бы не знал, где мы на самом деле.

Целый каскад молний осветил дорогу. Он длился несколько минут, и с каждой вспышкой окружающий пейзаж проступал все яснее. Прямо перед собой я увидел тропу. На ней ничего не росло. Похоже было, что впереди, там, где она заканчивалась, начиналось свободное от деревьев пространство.

Молнии сверкали в таком количестве, что определить, с какой они стороны, я не мог. Однако пейзаж был освещен настолько хорошо, что я почувствовал себя заметно лучше. Страх и неуверенность исчезли, едва лишь света стало достаточно для того, чтобы немного приподнялся занавес тьмы. И теперь, когда между вспышками наступала длительная пауза, окружающая чернота уже больше не сбивала меня с толку.

Дон Хуан прошептал, что я, наверное, уже наблюдал достаточно, и теперь следует сосредоточиться на звуке грома. Тут я, к своему удивлению, осознал, что до этого не обращал на гром никакого внимания вообще, хотя раскаты его были действительно грандиозны. Дон Хуан добавил, что нужно следить за звуком и смотреть в том направлении, откуда он идет.

Каскадов молний и грома больше не было. Только время от времени тьму разгоняли яркие одиночные вспышки и тишину раскалывали короткие мощные громовые раскаты. Мне показалось, что раскаты грома слышатся справа. Туман постепенно приподнимался, и, привыкнув к крошечной тьме, я начал различать массивы зарослей. Молнии продолжали сверкать, сопровождаемые громом, и неожиданно я обнаружил, что справа от меня ничего нет. Я увидел небо.

Буря сдвигалась, как мне показалось, вправо. Опять сверкнула молния, и вдалеке справа от себя я увидел гору. Свет молнии

осветил фон за ней и выхватил из тьмы ее массивный округлый силуэт. Мне были видны деревья на вершине горы, похожие на изящную черную аппликацию на фоне сверкающего белого неба. Я даже видел кучевые облака над горами.

Туман вокруг нас полностью рассеялся. Дул устойчивый ветер, и я слышал шелест листьев в кронах больших деревьев слева от себя. Буря полыхала молниями слишком далеко для того, чтобы осветить деревья, но их темный массив был вполне различим. Однако света молний было достаточно, чтобы я смог разглядеть цепь далеких гор справа. Лес был слева от меня, я находился как раз на его границе. Внизу подо мной вроде бы расстилалась темная долина, которой не было видно вовсе. Электрическая буря бушевала на другой ее стороне.

Потом пошел дождь. Я вжался спиной в скалу. Шляпа прикрывала туловище и поджатые ноги. Намокли только голени и ботинки.

Дождь шел долго. Он был теплым. Я чувствовал, как вода течет по ступням. А потом я заснул.

Меня разбудили голоса птиц. Я осмотрелся в поисках дона Хуана. Его не было. В обычной ситуации мне стало бы интересно, отошел он ненадолго или ушел вообще, оставив меня одного. Но в этот раз я был буквально парализован, до такой степени меня потрясло то, что я увидел вокруг.

Я встал. В ботинках хлюпала вода. Шляпа насквозь промокла, и с ее полей на меня пролились остатки воды. Я находился вовсе ни в какой не в пещере, а под густыми кустами. Замешательство, меня охватившее, было ни с чем не сравнимо. Я стоял на плоском участке земли между двумя невысокими земляными холмами, покрытыми кустарником. Ни деревьев слева, ни долины справа не было в помине. Прямо передо мной, там, где я видел тропу в лесу, рос громадный куст.

Я не верил своим глазам. Несовместимость двух версий реальности, свидетелем которых я был, заставила меня сразу же зацепиться за какое-нибудь объяснение. Может, я спал настолько

беспробудно, что дон Хуан перетащил меня на спине в другое место, не разбудив при этом?

Я осмотрел место, на котором проснулся. Земля там, где я сидел, была сухой. Такой же сухой была и земля на пяточке рядом, там, где сидел дон Хуан.

Я пару раз позвал его, а потом меня охватила тревога, и я заорал как можно громче:

– Дон Хуан!

Он вышел из-за кустов. Я мгновенно понял, что он отлично знает, что происходит. Его улыбка была настолько озорной, что я не выдержал и улыбнулся сам.

У меня не было желания играть с ним в какие бы то ни было игры, и я выложил ему все, что творилось у меня внутри. Как можно точнее и последовательнее я во всех подробностях описал ему свои ночные видения. Он слушал, не прерывая. Сохранять серьезное выражение лица ему, однако, удавалось с трудом, пару раз он даже начинал посмеиваться, но сдерживался и тут же брал себя в руки.

Три или четыре раза я по ходу дела задавал вопросы, но дон Хуан только качал головой с таким видом, словно ничего не понимает.

Когда я завершил свой отчет, он взглянул на меня и сказал.

– Вид у тебя, конечно, ужасный. Может, тебе сходить в кусты?

Он усмехнулся и посоветовал мне раздеться и выкрутить вещи, чтобы они быстрее высохли.

Ярко светило солнце. Облаков почти не было. Был ветреный ясный день.

Дон Хуан повернулся и, уходя, сказал, что пойдет поищет кое-какие растения. Мне он велел привести себя в порядок и что-нибудь

поесть и не звать его до тех пор, пока я не почувствую, что полностью успокоился и собрался с силами.

Вся одежда на мне промокла. Я уселся на солнцепеке, чтобы просохнуть. Я чувствовал, что могу расслабиться единственным способом – достав блокнот и взявшись за свои записи. Я принялся писать и заодно, не отрываясь от этого занятия, поел.

Через пару часов я почувствовал, что расслабился в достаточной степени, и позвал дон Хуана. Он отозвался с места около вершины горы. Он велел мне взять его фляги и подниматься к нему. Взобравшись на гору, я увидел, что дон Хуан сидит на плоском камне и поджидает меня. Он открыл фляги и достал немного еды для себя. Мне он дал два больших куска мяса.

Я не знал, с чего начать, потому что вопросы буквально толпой теснились в моей голове. Дон Хуан, похоже, был в курсе моего настроения и с явным удовлетворением рассмеялся.

– Как ты себя чувствуешь? – с оттенком иронии спросил он.

Я не хотел отвечать. Я все еще был не в себе.

Дон Хуан велел мне сесть на плоскую каменную плиту. Он сказал, что этот камень – объект силы, и что если я немного на нем посижу, силы мои восстановятся.

– Садись! – сухо приказал он.

На лице его не было улыбки. Глаза его были яростными и пронзительными. Я автоматически сел.

Он сказал, что, допуская уныние и плохое настроение, я поступаю неосмотрительно. С силой так вести себя нельзя, и этому необходимо положить конец, иначе сила обернется против нас, и мы никогда не уйдем живыми из этих безлюдных холмов.

После короткой паузы он как бы, между прочим, спросил:

– Как у тебя обстоят дела со сновидением?

Я рассказал, как сложно мне стало давать себе команду смотреть на свои руки. Сначала все шло относительно гладко. Может быть, это было обусловлено новизной. Без каких бы то ни было затруднений я вспоминал о том, что нужно приказать себе смотреть на руки. Однако восторг прошел, и вот уже в течение целого ряда ночей я вообще не мог этого сделать.

– Нужно на ночь надевать головную повязку, – сказал дон Хуан. – Но добыть ее не так-то просто. Я не могу тебе ее дать, ты должен сделать повязку сам. Из грубой ткани. Но только после того, как увидишь ее в сновидении. Понимаешь? Головную повязку нужно изготовить в строгом соответствии с особым видением. И у нее должна быть поперечная лента, плотно сающаяся на макушку головы. Или это может быть плотно прилегающая шапочка. Конечно, ты мог бы спать в своей шапке или, как монах, надевать на ночь колпак, но это только интенсифицирует обычные сны, а сновидению способствовать не будет.

Он немного помолчал, а потом быстро и многословно начал объяснять, что видение головной повязки может явиться не только в «сновидении», но и в бодрствующем состоянии в результате какого-нибудь события, не имеющего к ней, казалось бы, никакого отношения. Например, наблюдения полета птиц, течения воды, облаков или чего-то в таком роде.

– Охотник за силой наблюдает за всем, – продолжал он. – И все, за чем он наблюдает, раскрывает ему какие-нибудь тайны.

– Но как убедиться в том, что наблюдаемый тобой объект раскрывает тебе тайну? – спросил я.

Я рассчитывал, что он выдаст мне какую-нибудь формулу, позволяющую делать «правильные» интерпретации.

– Единственный способ убедиться – неукоснительно следовать всем тем инструкциям, которые я давал тебе, начиная с самой первой нашей встречи, – ответил он. – Чтобы обладать силой, нужно вести жизнь, наполненную силой.

Он снисходительно улыбнулся. Его ярость вроде прошла, он даже слегка подтолкнул меня под локоть:

– Ешь свою пищу силы.

Я принялся жевать сушеное мясо, и тут до меня дошло, что, наверное, в нем содержатся какие-то психотропные вещества. Этим и объясняются мои ночные галлюцинации. На какое-то время я почувствовал облегчение. Если Дон Хуан действительно добавил что-то в мясо, то все миражи, которые я наблюдал, становятся вполне понятным явлением. Я спросил его, добавлялось ли что-то в «мясо силы».

Он засмеялся, но прямо не ответил. Я настаивал, уверяя его в том, что вовсе не сержусь, и даже не чувствую раздражения, а просто хочу это знать, чтобы как-то объяснить события предыдущей ночи для собственного удовлетворения. Я требовал, просил и, в конце концов, начал умолять его сказать мне правду.

– Ты совершенно помешанный, – произнес он, недоверчиво качая головой. – У тебя есть идиотская тенденция. Ты настаиваешь на попытках объяснять все для собственного удовлетворения. В этом мясе нет ничего, кроме силы. И силу туда не добавлял ни я, ни кто-либо другой. Силой мясо наполнила сама сила. Это – мясо оленя, который был дан мне в качестве дара. Не так давно таким же даром для тебя явился кролик. К тому кролику ни ты, ни я ничего не добавляли. Я не сказал тебе засушить его мясо, потому что для этого тебе потребовалось бы гораздо больше силы, чем у тебя есть. Но я велел тебе поесть кроличьего мяса. По собственной глупости ты съел тогда слишком мало. То, что произошло с тобой сегодня ночью, не было ни шуткой, ни чьими-то проделками. У тебя была встреча с силой. Туман, тьма, молнии, гром и дождь были частями великой битвы силы. Дуракам везет. Воин многое бы отдал за такую битву.

Я возразил, что все событие в целом не могло быть битвой силы, потому что оно не было реальным.

– А что реально? – очень спокойно спросил дон Хуан.

– Вот это, то, на что мы смотрим, – реально, – ответил я, обведя рукой окружавший нас пейзаж.

– Но мост, который ты видел ночью, и лес, и все остальное – все было таким же.

– Тогда куда оно делись? Если все они реально, где они сейчас?

– Здесь. Если бы ты обладал достаточной силой, ты мог бы вызвать их обратно. Но сейчас ты на это не способен, потому что находишь большую пользу в том, чтобы сомневаться и придраться. Однако в этом нет никакой пользы, приятель. Никакой. Здесь присутствуют миры на мирах. И они не шутка. Если бы ночью я не схватил тебя за руку, ты пошел бы по мосту, независимо от своего желания. А до этого мне приходилось защищать тебя от ветра, который тебя искал.

– А что бы случилось, если б ты меня не защищал?

– Ты не обладаешь достаточной силой. Поэтому ветер заставил бы тебя заблудиться, и, вероятно, даже убил бы, столкнув в пропасть. А туман был вполне реален. В нем с тобой могли бы случиться две вещи. Либо ты перешел бы по мосту на другую сторону, либо ты упал бы и разбился насмерть. Все зависит от силы. Но в одном я уверен – если бы я тебя не защищал, ты пошел бы по мосту. Несмотря ни на что. Такова природа силы. Как я тебе уже говорил, сила командует тобой и в то же время тебе подчиняется. Этой ночью, например, она заставила бы тебя взойти на мост. Но потом, подчиняясь тебе, она поддерживала тебя на твоём пути по мосту. Я остановил тебя, так как знаю, что ты не умеешь использовать силу, а без ее помощи мост бы разрушился.

– Ты тоже видел этот мост, дон Хуан?

– Нет. Я видел просто силу. Она может быть чем угодно. Например, для тебя в этот раз она была мостом. Почему именно мостом, я не знаю. Мы – таинственные существа.

– А ты когда-нибудь видел мост в тумане, дон Хуан?

– Никогда. Но это объясняется лишь тем, что я – не такой, как ты. Я видел другое. Мои битвы силы совсем не были похожи на твои.

– А что видел ты, дон Хуан? Можешь рассказать?

– В своей первой битве силы я встретился в тумане со своими врагами. Но у тебя врагов нет. Тебе не свойственно ненавидеть людей. А во мне это было. Я индольгировал в ненависти к людям. Теперь этого нет. Я преодолел свою ненависть, но в той первой битве силы она меня почти разрушила. Твоя же битва силы была, наоборот, очень тонкой и не поглотила тебя. Но зато теперь ты пожираешь себя своими собственными вздорными мыслями и сомнениями. Это – твой способ потакать себе. Туман повел себя с тобой безупречно. Чем-то ты ему близок. Он подарил тебе дивный мост, и мост этот теперь всегда будет ждать тебя там, в тумане. И будет являться тебе снова и снова, пока не настанет день, когда ты по нему пройдешь. Поэтому я настоятельно тебе советую с сегодняшнего дня не ходить в одиночку в места, где бывают туманы. До тех пор, пока ты не будешь знать, что делаешь. Сила – штука очень странная. Для того, чтобы обладать ей и управлять ею, у человека должно быть какая-то сила, чтобы начать. Можно, однако, накапливать ее понемногу, до тех пор, пока ее не наберется достаточно, чтобы выстоять в битве силы.

– Что такое битва силы?

– Происходившее с тобой этой ночью было ее началом. Картины, которые разворачивались перед твоими глазами, были вместилищем силы. Когда-нибудь ты разберешься в их смысле, ведь они имеют огромное значение.

– А ты не мог бы рассказать, что они означают, дон Хуан?

– Нет. Эти картины – твое личное завоевание. Его нельзя ни с кем разделить. Но то, что произошло этой ночью, – лишь начало, только первая стычка. Настоящая битва ждет тебя за мостом. Что там? Об этом узнаешь только ты. И только ты узнаешь, куда ведет та тропа в лесу. Но все это может произойти, а может и не произойти. Чтобы пускаться в путешествие по этим неведомым тропам и

мостам, нужно иметь достаточное количество своей собственной силы.

– А если силы у человека недостаточно, что тогда?

– Смерть ждет, она ждет всегда, и едва сила воина подходит к концу, смерть просто дотрагивается до него. Так что просто глупо пускаться в путь к неизвестному, не имея силы. Он приведет только к смерти.

Я почти не слушал его. Я со всех сторон обсасывал идею относительно галлюциногенных свойств мяса силы. Индульгирование (потакание себе) в этих мыслях успокаивало и умиротворяло.

– Не утруждай себя, ты все равно ничего не вычислишь, – произнес дон Хуан, словно прочитав мои мысли. – Мир – это тайна. И то, что ты видишь перед собой в данный момент, – еще далеко не все, что здесь есть. В мире есть еще так много всего, настолько много, что он фактически бесконечен. Поэтому все, что на самом деле делаешь, когда пытаешься понять его, – это пытаешься сделать мир знакомым, привычным. Мы с тобой находимся здесь, в мире, который ты называешь реальным, только потому, что оба мы его знаем. Ты не знаешь мира силы, и поэтому не способен превратить его в знакомую картину.

– Ты знаешь, что я не могу с тобой спорить, – сказал я. – Но в то же время принять все это мой разум не в состоянии.

Он засмеялся и легонько дотронулся до моей головы.

– Ты – действительно сумасшедший, – улыбнулся он. – Но это – нормально. Я знаю: жить, как подобает воину, необычайно трудно. Если бы ты выполнял все мои инструкции и действовал так, как я тебя учил, ты к сегодняшнему дню обладал бы силой, достаточной, чтобы перейти мост. Достаточной для того, чтобы видеть и остановить мир.

– Но зачем мне хотеть обладать силой, дон Хуан?

– Сейчас ты не в состоянии думать о причине. Однако если ты накопишь достаточно силы, то сила сама найдет для тебя подходящую причину. Бред сумасшедшего, верно?

– А зачем тебе самому нужна была сила?

– Я в этом похож на тебя. Я тоже не хотел обладать силой. И не видел причин для того, чтобы ее иметь. Я, так же как и ты, во всем сомневался. И никогда не выполнял инструкций, которые мне давались, или, по крайней мере, никогда не думал, что их выполняю. Однако, несмотря на свою глупость, я накопил достаточное количество силы, и в один прекрасный день моя личная сила заставила мир рухнуть.

– Но почему кто-то должен хотеть остановить мир?

– Так ведь никто и не хочет, в том-то и дело. Это просто происходит. А когда ты узнаешь, что это такое – остановка мира, ты осознаешь, что на то есть свои веские причины. Видишь ли, одним из аспектов искусства воина является умение сначала по некоторой особой причине разрушить мир, а затем – снова восстановить его для того, чтобы продолжать жить.

Я сказал, что, больше всего мне помогло бы, если бы он на примере разъяснил мне эту особую причину для разрушения мира.

Он какое-то время молчал, как бы обдумывая, что мне ответить.

– Я не могу сказать тебе этого, – сказал он. – Требуется слишком много силы, чтобы это знать. Когда-нибудь, вопреки самому себе, ты станешь жить как воин. А затем ты, возможно, накопишь достаточно силы и сможешь ответить на свой вопрос самостоятельно. Я научил тебя практически всему, что необходимо воину для того, чтобы начать должным образом действовать в мире, самостоятельно накапливая силу. Но мне, в то же время, известно, что ты еще не можешь этого сделать и что я должен проявить терпение. Для того чтобы самостоятельно находиться в мире силы требуется борьба длиною в жизнь. Это – факт, и мне он известен.

Дон Хуан взглянул на небо, а потом – на горы. Солнце уже повернуло к западу, а на горах клубились и быстро росли дождевые тучи. Я забыл завести часы и не знал, который час. Я спросил дона Хуана о времени, и у него начался такой приступ хохота, что он скатился с плиты, на которой мы сидели, прямо в кусты.

Потом он встал, потянулся, зевнул и сказал:

– Еще рано. Подождем, пока на вершине горы соберется туман. Ты должен остаться один на этой плите и поблагодарить туман за все, что он для тебя сделал. Позволь ему прийти и окутать тебя. А я буду где-нибудь поблизости, чтобы помочь тебе в случае необходимости.

Перспектива один на один встретиться с туманом почему-то привела меня в ужас. Я подумал, что такая иррациональная реакция с моей стороны – просто идиотизм.

– Ты не можешь, не поблагодарив, уйти из этих безлюдных гор, – твердо произнес дон Хуан. – Воин никогда не поворачивается к силе спиной, не заплатив за проявленную к нему благосклонность.

Он лег на спину, накрыл шляпой лицо и сложил руки под головой.

– Как я должен вести себя в ожидании тумана? – спросил я. – Что мне делать?

– Пиши! – сказал он из-под шляпы. – Только не закрывай глаза и не поворачивайся к туману спиной, когда он появится.

Я попытался было записывать, но никак не мог сосредоточиться. Я встал и начал беспокойно расхаживать туда-сюда. Дон Хуан приподнял шляпу и взглянул на меня с некоторым раздражением.

– Сядь! – приказал он.

Он сказал, что битва силы еще не окончена и что мне нужно приучить свой дух к безмятежности. Ничто из того, что я делаю, не

должно выдавать моих чувств. Если, конечно, я не хочу, чтобы эти горы стали для меня ловушкой.

Дон Хуан сел и движением руки дал мне понять, что сейчас будет говорить о чем-то очень важном. Он сказал, что мне следует вести себя так, как будто ничего необычного не происходит, потому что места силы, а в одном из них мы в тот момент находились, обладают потенциалом истощить человека, который обеспокоен. И поэтому человек способен создать странные и вредные узы, привязывающие его к этому месту.

— Эти узы привязывают человека к месту силы, иногда на всю жизнь, — продолжал он. — А это место — не для тебя. Ты не нашел его сам. Так что возьми себя в руки, а то еще, чего доброго, штаны со страху потеряешь.

Его предостережение подействовало на меня подобно заклинанию. Несколько часов я работал без перерыва.

Дон Хуан заснул и проснулся только когда туман, спускавшийся с вершины холма, был уже в сотне метров от нас. Он встал и осмотрелся. Я тоже посмотрел вокруг, не поворачиваясь спиной к туману. Спустившийся с гор, которые были справа от нас, туман уже был в низине. Слева тумана не было, однако ветер, который вроде бы дул справа, гнал туман в долину, как будто бы окружая нас.

Дон Хуан прошептал мне, что я должен в полном спокойствии стоять на месте, не закрывая глаз. Повернуться и начать спускаться вниз мне можно будет лишь тогда, когда туман полностью нас окружит.

И дон Хуан спрятался среди камней метрах в двух позади меня.

Горы были погружены в величественное и одновременно жуткое безмолвие. Мягкий ветер шуршал, подгоняя туман, и мне показалось, что это сам туман шипит, скатываясь на меня с вершины холма большими клочьями, похожими на комки плотного белесого вещества. Я понюхал туман. Запах чего-то острого

странным образом смешивался с запахом чего-то ароматного. И туман окутал меня.

У меня возникло ощущение, что туман действует на веки. Они отяжелели. Захотелось закрыть глаза. Стало холодно. В горле запершило, захотелось кашлянуть, но я не решился. Чтобы не кашлянуть, я запрокинул голову и вытянул шею. Взглянув вверх, я почувствовал, что вижу толщину тумана, будто взгляд мой проникает сквозь него. Глаза начали закрываться, я не в силах был бороться со сном. Я почувствовал, что через мгновение рухну на землю. Тут откуда-то выскочил дон Хуан и, схватив меня за руки, сильно встряхнул. Этого было достаточно, чтобы я пришел в себя.

Он шепнул мне на ухо, что теперь я должен, что есть духу бежать вниз по склону. Он будет следовать за мной, потому что ему вовсе не хочется, чтобы на него катились камни, которые я на бегу столкну вниз. Он сказал, что это – моя битва силы, поэтому я должен быть впереди, и моя задача – сохранять ясность ума и отрешенность, чтобы безопасно вывести нас отсюда.

– Это – как раз тот случай, – громко произнес он. – Если ты не будешь в настроении воина, то возможно никогда не выберешься из тумана.

Мгновение я колебался. У меня не было уверенности в том, что я найду дорогу, которая выведет нас отсюда, из этих гор, на равнину.

– Беги, кролик, беги!!! – завопил дон Хуан и подтолкнул меня вниз.

Глава 13. Последняя остановка воина

Воскресенье, 28 января 1962

Около 10 часов утра дон Хуан вошел в дом. Уходил он, когда едва занимался рассвет. Я поздоровался. Он усмехнулся и в шутку пожал мне руку, приветствуя меня с подчеркнутой церемонностью.

— Мы отправляется в небольшое путешествие, — сказал он. — Ты отвезешь нас в одно совершенно особенное место на поиски силы.

Он расстелил две сетки и на каждую из них поставил по две тыквенные фляги: одну — с едой, вторую — с водой. Потом он стянул сетки тонкой веревкой и вручил мне.

Мы неспешно поехали на север. Километров через шестьсот пятьдесят свернули с Панамериканского шоссе на запад и поехали по мощеной гравием дороге. Мы ехали несколько часов, и за все это время никого не встретили. Мне казалось, что моя машина — единственная на всей этой дороге. Лобовое стекло постепенно покрывалось разбившимися об него насекомыми и пылью. В конце концов, наступил момент, когда стало почти невозможно различать дорогу. К тому же был уже вечер, и довольно сильно стемнело. Я отчаянно напрягал зрение, стараясь разглядеть дорогу и очертания впереди, но мне это не удавалось.

Я сказал дону Хуану, что нужно остановиться и протереть лобовое стекло. Он велел ехать не останавливаясь, даже если придется тащиться со скоростью пешехода, высунув голову в окно, чтобы смотреть вперед. Он сказал, что, пока мы не прибудем на место, нам вообще нельзя останавливаться.

В каком-то месте он велел мне свернуть направо. Было так темно, и мы поднимали такую тучу пыли, что даже фары не особенно помогали. С содроганием я съехал с дороги. Я боялся, что на обочине — глубокий песок, но она оказалась утрамбованной.

Метров сто я ехал с самой низкой скоростью, на какую только способна машина, высунувшись наружу и рукой придерживая открытую дверцу. Наконец дон Хуан велел остановиться. Он сказал, что мы приехали и что машина как раз стоит за огромным камнем, где ее не видно с дороги.

Я выбрался из машины и пошел вперед, чтобы в свете фар хоть немного осмотреть местность. Я не имел ни малейшего представления о том, где мы находимся. Но дон Хуан выключил фары. Он громко сказал, что у нас нет времени, поэтому нужно запретить машину и немедленно отправляться дальше.

Он дал мне мою сетку с флягами. Было темно, я споткнулся и чуть их не уронил. Дон Хуан мягко, но непреклонно потребовал, чтобы я сел и подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Однако с глазами все было в порядке, проблема заключалась не в этом. После того, как я вылез из машины, они быстро привыкли к темноте, и теперь я видел все достаточно хорошо. А мешала мне какая-то непонятная нервозность, заставлявшая меня вести себя так, словно я был слегка невменяем. Я жаждал ясности и принялся с пристрастием допрашивать дона Хуана:

– Куда мы идем?

– Мы должны в полной темноте пешком добраться до одного особенного места.

– Зачем?

– Чтобы точно узнать, способен ты продолжить охоту за силой или нет.

Я спросил его, было ли это тестом и будет ли он общаться со мной, если я его не пройду

Он выслушал все вопросы, не перебивая, но сказал, что то, что мы делаем, – вовсе не тест. Мы ожидаем знака. Если его не будет, значит моя охота за силой оказалась неудачной. В этом случае я буду свободен от каких бы то ни было обязательств, свободен оставаться настолько глупым, насколько я захочу. Но в любом

случае дон Хуан останется моим другом и будет всегда рад возможности видеть меня и со мной общаться.

Мне почему-то стало ясно, что я не справлюсь.

– Знака не будет, – как бы в шутку сказал я. – Я знаю. У меня мало силы.

Дон Хуан засмеялся и мягко похлопал меня по спине:

– Ты не волнуйся, – парировал он. – Знак будет. Я знаю. У меня силы больше, чем у тебя.

Он решил, что сказал что-то забавное. Он хлопнул себя по ляжкам, хлопнул в ладоши и расхохотался.

Дон Хуан закрепил мою сетку у меня на спине и объяснил, что я должен идти сзади на расстоянии одного шага и стараться, как можно точнее ступать за ним след в след.

Очень драматическим тоном он прошептал:

– Это поход за силой, так что в зачет идет абсолютно все.

Он объяснил также, что, ступая за ним след в след, я буду поглощать силу, рассеиваемую им при ходьбе.

Я взглянул на часы. Было одиннадцать вечера.

Дон Хуан поставил меня по стойке смирно. Потом он взял меня за правую ступню и передвинул ее вперед на расстояние одного шага. Потом сам встал на шаг впереди меня в точно такой же позе и пошел вперед, повторив предварительно свои инструкции относительно того, что я должен пытаться идти за ним след в след. Очень разборчиво он прошептал, что ни на что другое внимание обращать не нужно. Только ступать след в след. Не смотреть ни вперед, ни по сторонам, только вниз, на его ноги.

Начал он очень спокойно и расслабленно. Я без труда следовал за ним, мы шли по относительно твердой земле. Метров тридцать я прошел, следуя шагу дона Хуана и точно попадая след в след, но

потом украдкой глянул в сторону и в следующий момент налетел на него.

Он хихикнул и сказал, что я совсем не повредил ему лодыжку, наступив своим большим ботинком на ногу, но если я и дальше буду продолжать в том же духе, то к утру один из нас станет калекой. Очень тихо, но твердо, он со смехом сказал, что не собирается из-за моей глупости и невнимательности становиться хромым и что, если я еще раз наступлю ему на ногу, он заставит меня разуться и идти босиком.

– Но я не могу идти без ботинок! – громко и хрипло заявил я.

Дон Хуан снова расхохотался, и нам пришлось остановиться и ждать, пока он отсмеется.

Он сказал, что насчет ботинок говорил совершенно серьезно. Мы отправились в путешествие на перехват силы, поэтому во всем должно присутствовать совершенство.

Перспектива прогуляться по пустыне без ботинок напугала меня невероятно. Дон Хуан пошутил, что моя семья, должно быть, относилась к тем фермерским семьям, в которых в обуви чуть ли не в постель ложатся. Разумеется, он был прав. Я никогда не ходил босиком, и прогулка без ботинок по пустыне была в моем понимании чем-то подобным самоубийству.

– Эта пустыня сочится силой, – прошептал дон Хуан. – Не время и не место для боязливости.

И мы снова двинулись в путь. Дон Хуан шел неторопливо, и мне было легко. Через некоторое время я заметил, что мы прошли участок с твердым грунтом и теперь идем по песку. Ноги дон Хуана увязали в нем и оставляли глубокие следы.

Мы долго шли, прежде чем дон Хуан решил остановиться. Он не сделал это неожиданно, а сперва предупредил меня, что сейчас остановится, чтобы я на него не налетел. Почва к тому моменту уже опять стала плотной. Было такое впечатление, что мы поднимаемся вверх по склону.

Дон Хуан сказал, что если мне нужно сходить в кусты, то это следует сделать сейчас. Дальше нам предстоит тяжелый переход, который нужно совершить без единой остановки. Я взглянул на часы. Был час ночи.

После десяти-пятнадцатиминутного отдыха дон Хуан велел мне встать и приготовиться. И мы снова двинулись в путь. Он был прав – переход оказался сущим кошмаром. Мне в жизни не приходилось делать ничего, что требовало бы такой полной концентрации. Дон Хуан шел так быстро, а напряжение от сосредоточенности на каждом его шаге было столь огромным, что в какой-то момент я вообще перестал ощущать, что иду. Я шагал словно по воздуху, и какая-то сила несла меня вперед и вперед. Я был настолько сконцентрирован на своем движении, что даже не заметил, как постепенно начало светать. Просто неожиданно обнаружилось, что мне виден дон Хуан, идущий впереди, и видны его ноги, движения которых мне приходилось всю ночь наполовину угадывать.

В какое-то мгновение дон Хуан неожиданно отпрянул в сторону. Инерция пронесла меня еще метров двадцать. Постепенно шаг мой замедлился, ноги ослабели и начали дрожать. В конце концов, я рухнул на землю.

Я поднял глаза. Дон Хуан стоял надо мной и спокойно меня разглядывал. Он совсем не выглядел уставшим. Я же хватал ртом воздух, весь покрывшись холодным потом.

Дон Хуан взял меня за руку и развернул. Он сказал, что если мне хочется восстановить свои силы, то я должен лежать головой на восток.

Мало-помалу я расслабился. Все тело ныло, однако постепенно я расслабился и восстановился. Наконец у меня появилось достаточно энергии, чтобы встать. Я хотел взглянуть на часы, но дон Хуан не позволил, прикрыв ладонью мое запястье. Очень мягко, он развернул меня лицом на восток и сказал, что в моем сбивающем с толку хронометре нет никакой надобности, потому что мы находимся

в магическом времени, и нам предстоит узнать наверняка, способен ли я преследовать силу.

Я огляделся. Мы стояли на плоской вершине очень большого высокого холма. Я хотел было подойти к чему-то, что показалось мне краем площадки или трещиной в скале, но дон Хуан подскочил ко мне и удержал на месте.

Он приказал мне оставаться там, где я упал, пока из-за недалеких темных вершин не появится солнце.

Дон Хуан указал на восток и обратил мое внимание на плотную грядку туч над горизонтом. Он сказал, что ветер может вовремя их разогнать, и тогда первые лучи солнца коснутся моего тела. Это будет надлежащим знаком.

Он велел мне стоять лицом на восток, выставив вперед правую ногу, и смотреть в сторону солнца, не фокусируя глаз.

Скоро ноги одеревенели, икры начали болеть. Поза оказалась мучительной, ноги подкашивались, все мышцы ныли. Я держался, сколько мог. Я уже почти упал. Ноги дрожали, когда дон Хуан сказал, что хватит.

Он помог мне сесть.

Гряда туч не сдвинулась с места, и солнца, которое уже наверняка взошло над горизонтом, мы не видели.

По этому поводу дон Хуан произнес только два слова:

– Очень плохо.

Я не хотел сразу спрашивать, что именно означает эта моя неудача, но, зная дон Хуана, был уверен, что он будет в точности следовать указаниям знаков. А в это утро знака не было. Боль в икроножных мышцах улеглась, и почувствовал волну благополучия. Самочувствие заметно улучшилось. Я попрыгал, чтобы снять закрепощенность мышц. Дон Хуан очень ненавязчиво посоветовал

сбегать на соседний холм, нарвать листьев особого вида кустарника и растереть ими мышцы ног, чтобы снять боль.

С того места, где я стоял, мне хорошо был виден большой пышный зеленый куст. Листья выглядели очень сочными. Когда-то я такими уже пользовался. Я никогда не чувствовал, что они помогали мне, но дон Хуан всегда утверждал, что по-настоящему дружественные растения действуют очень тонко, почти незаметно, однако всегда дают желаемый результат.

Я сбежал с нашего холма и быстро поднялся на соседний. Добравшись до вершины, я почувствовал, что напряжение было для меня слишком велико. Я пережил несколько весьма неприятных минут, пока ценой огромных усилий пытался восстановить дыхание. У меня заболел живот, я присел на корточки, а потом, скрючившись, опустился на колени и оставался в этом положении, пока не расслабился. Потом я встал и направился к кусту, чтобы нарвать листьев. Но не смог его найти. Я огляделся. Я был уверен, что стою точно на том месте, где видел куст, но ни там, ни где-либо поблизости не было ничего, сколько-нибудь напоминающего это растение. Но я в самом деле стоял на том месте, где его видел! Это было единственное место на поверхности холма, которое хорошо просматривалось оттуда, где стоял сейчас дон Хуан.

Я прекратил поиски и вернулся на другой холм. Когда я рассказал, в чем дело, дон Хуан благожелательно улыбнулся.

– Почему ты называешь это ошибкой? – спросил он.

– Потому что там нет никакого куста, – ответил я.

– Но ведь ты же его видел! Верно?

– Мне казалось, что вижу.

– А что ты теперь видишь на том месте?

– Ничего.

На том месте, где я, как мне казалось, видел куст, никакой растительности не было вообще. Я попытался объяснить то, что видел, оптическим обманом, чем-то вроде миража. Ведь я был буквально на грани полного изнеможения и вполне мог поверить, что вижу ожидаемое там, где ничего подобного нет в помине.

Дон Хуан мягко усмехнулся и коротко, но пристально на меня взглянул.

– Не вижу никакой ошибки, – сказал он. – Растение там, на вершине холма.

Теперь наступила моя очередь посмеяться. Я внимательно осмотрел весь противоположный склон. В поле зрения подобных растений не было. То, что происходило со мной, когда я видел куст, было, насколько я понимал, настоящей галлюцинацией.

С невозмутимым видом дон Хуан начал спускаться с холма, сделав мне знак следовать за ним. Вместе мы взобрались почти на вершину соседнего холма и подошли прямо к тому месту, где я видел куст.

Я усмехнулся, поскольку был уверен, что прав. Дон Хуан тоже усмехнулся.

– Сходи на другую сторону холма, – сказал он. – Куст – там.

Я заявил, что склон с противоположной стороны холма не был мне виден, и там вполне может расти такой куст, но это ничего не значит.

Дон Хуан снова кивнул мне, приглашая следовать за ним. Вместо того чтобы подняться на вершину холма, а затем спуститься по склону, он повел меня в обход и драматически остановился возле зеленого куста, не глядя на него.

Он повернулся ко мне, как-то странно пронзительно на меня взглянув.

– В округе, должно быть, сотни таких растений, – сказал я.

Дон Хуан, очень терпеливо, принялся спускаться по той стороне холма, на которой мы теперь стояли. Мы попытались отыскать еще хотя бы один такой же куст. Но в пределах видимости ничего подобного не было, и только примерно через полкилометра мы наткнулись на второе такое растение.

Ни слова не говоря, дон Хуан повел меня на первый холм. Мы немного там постояли, а потом отправились на поиски растений этого вида в противоположном направлении. Довольно тщательно прочесав местность, мы наткнулись еще на два куста примерно в миле от того места, с которого мы начали поиск. Они росли вместе, одним пятном зелени, более сочным, чем окружающая сухая растительность.

Дон Хуан взглянул на меня с серьезным выражением лица. Я не знал, что думать по этому поводу.

– Очень странный знак, – сказал он.

Мы вернулись на вершину первого холма, сделав большой круг, чтобы приблизиться к ней с другой стороны. Казалось, дон Хуан специально отклонялся от прямого пути, чтобы я убедился – вокруг очень немного растений такого вида. По дороге к вершине мы не встретили больше ни одного. Наверху мы молча сели, и дон Хуан развязал свою сетку с флягами.

– Поешь, тебе станет лучше, – сказал он.

Он не мог скрыть удовлетворения. С лучистой улыбкой он потрепал меня по голове. Я чувствовал, что полностью сбит с толку. Меня беспокоило то, как разворачивались события, но я слишком устал и был голоден, поэтому не пытался по-настоящему все это обдумывать.

После еды я почувствовал, что очень хочу спать. Дон Хуан предложил мне использовать технику смотра без фокусировки и выбрать подходящее для сна место на вершине холма, где я видел куст.

Я выбрал. Дон Хуан собрал на этом месте мусор и сделал круг, диаметр которого равнялся длине моего тела. Очень аккуратно он сорвал несколько веток и подмел площадку внутри круга. Он только делал метущие движения над поверхностью земли, в действительности ее не касаясь. Потом он собрал все камни внутри круга и сложил их в центре, тщательно рассортировав по размеру на две кучки с равным количеством камней в каждой.

– Что ты делаешь с этими камнями? – спросил я.

– Это не камни, – ответил он. – Это – струны. Они будут удерживать твое место взвешенным.

Он взял камни из кучки поменьше и выложил их по границе круга на равном расстоянии друг от друга. Действуя как каменщик, дон Хуан палкой прочно закрепил в земле каждый камень.

Меня он внутрь круга не пустил, а велел ходить вокруг и наблюдать за тем, что он делает. Я насчитал восемнадцать камней, которые он укладывал по очереди против часовой стрелки.

– Теперь беги вниз и жди у подножия холма, – велел он. – А я подойду к краю и гляну, в подходящем ли ты месте стоишь.

– Что ты собираешься делать?

– Собираюсь бросить тебе каждую из этих струн, – ответил он, указывая на кучку более крупных камней. – А ты должен выложить их на земле, там, где я покажу, таким же образом, как я здесь выложил маленькие. Ты должен быть в высшей степени внимателен. Когда человек имеет дело с силой, он должен быть безупречен. Ошибки здесь смертельны. Каждый из этих камней – это струна, которая может убить нас, если мы оставим ее незакрепленной. Поэтому у тебя нет ни малейшей возможности ошибиться. Твой взгляд должен быть прикован к струне, когда я буду ее бросать и когда она упадет на землю. Если ты отвлечешься хоть на что-то, струна станет обычным камнем, и ты не сможешь отличить ее от множества обычных камней, разбросанных вокруг.

Я предположил, что будет проще, если я сам по одному отнесу все камни вниз.

Дон Хуан засмеялся и отрицательно покачал головой:

– Это – струны. Я должен их бросить, а ты – подобрать.

На выполнение этого задания ушло несколько часов. Концентрация, которая для этого требовалась, стала для меня настоящей пыткой. Каждый раз, бросая камень, дон Хуан напоминал мне, что нужно быть внимательным и сфокусировать взгляд. И он поступал очень правильно. Было безумно трудно проследить за камнем, который катился с горы, цепляясь по пути за другие камни и сталкивая их вниз.

Когда круг, наконец, замкнулся и я поднялся наверх, мне казалось, что я вот-вот упаду замертво. Дон Хуан набрал мелких веток и устлал ими землю внутри круга. Он дал мне немного листьев и велел засунуть их под штаны и приложить к коже в области пупка. Он сказал, что они согреют меня и мне будет тепло спать без одеяла. Я вошел в круг и повалился на землю. Подстилка из веток оказалась очень мягкой, и я мгновенно уснул.

Когда я проснулся, был уже почти вечер. Дул ветер, и небо было в тучах. Надо мной висели плотные кучевые облака, но к западу они сменялись тонким покрывалом перистых облаков, и солнце время от времени освещало землю.

Сон освежил меня. Я чувствовал себя обновленным и счастливым. Ветер меня не беспокоил. Мне не было холодно. Подперев голову руками, я осмотрелся. Раньше я не обращал внимания на то, что вершина холма находилась на довольно большой высоте. На западе открывался впечатляющий вид. Я видел огромное пространство: низкие холмы, постепенно переходившие в плоскую поверхность пустыни, расстилавшейся до самого горизонта. С севера на восток протянулись хребты коричневых горных вершин. На юге лежали бесконечные цепи холмов и низин, а вдали виднелся синеватый горный массив.

Я сел. Дона Хуана нигде не было видно. Мною овладел внезапный страх; я подумал, что он мог уйти, оставив меня в одиночестве, а обратного пути к машине я не знал. Я снова улегся на подстилку из веток, и, удивительно, но мое беспокойство исчезло. Меня опять охватил покой и прелестное ощущение благополучия. Это чувство было для меня совершенно новым, мысли, казалось, выключились. Я был счастлив. Я чувствовал себя здоровым. Меня буквально затопило странное спокойное возбуждение. С запада дул мягкий ветерок. Он волной пробегал вдоль тела, но холодно от этого не становилось. Я чувствовал его дуновение на лице и за ушами. Это было похоже на мягкие волны теплого прибоя, который окатывал меня, отступал, снова окатывал... Я пребывал в странном состоянии бытия. Оно не имело параллелей в моей занятой и неустроенной жизни. Я заплакал. Но не от печали. И не от жалости к себе. Я заплакал от радости, от какой-то необъяснимой и невыразимой радости.

Мне хотелось остаться на этом месте навсегда. Я, наверное, так бы и поступил, но откуда-то явился дон Хуан и выдернул меня из круга.

– Ты достаточно отдохнул, – сказал он, за руку поднимая меня с земли.

Очень спокойно он повел меня прогуляться вокруг вершины холма. Мы шли медленно и молча. Похоже, он хотел, чтобы я осмотрел окружающий пейзаж. Глазами и движением подбородка он указал на небо и горы.

Был вечер, и панорама, открывавшаяся с вершины холма, выглядела потрясающе. Вид ее пробудил во мне ощущение благоговейного страха и отчаяния. И воспоминание о картинах, которые я видел в детстве.

Мы взобрались на самую высокую точку холма – вершину скалы вулканического происхождения. Там мы сели лицом к югу и устроились поудобнее, прислонившись к камню. Перед нами простиралась поистине величественная картина: холмы, холмы без конца и края.

– Запечатлей все это в памяти, – прошептал мне на ухо дон Хуан. – Здесь – твое место. Утром ты видел, и это был знак. Ты нашел это место с помощью видения. Знак оказался неожиданным, но он явился. Так что тебе придется охотиться за силой, нравится это тебе или нет. Это не человеческое решение, оно не твое и не мое. Отныне вершина этого холма – твое место, твое любимое место. Все, что ты видишь вокруг, находится на твоём попечении. Ты должен заботиться обо всем, что здесь есть, и все это, в свою очередь, будет заботиться о тебе.

В шутку я спросил, является ли все здесь моим. Он очень серьезно ответил, что да. Я засмеялся и сказал, что это напоминает мне историю завоевания испанцами Нового Света и то, как они делили открытые земли во имя своего короля. Они поднимались на вершину горы и объявляли принадлежащими испанской короне все земли, видимые в любом определенном направлении.

– Хорошая идея! – сказал дон Хуан. – Я отдаю тебе всю землю, которую ты видишь, и не в каком-то направлении, а вокруг тебя.

Он встал и обвел рукой все, повернувшись всем телом, чтобы замкнуть круг.

– Вся эта земля – твоя!

Я громко рассмеялся.

Он хихикнул и спросил:

– А почему бы и нет? Почему я не могу подарить тебе эту землю?

– Но ты же не владеешь этой землей, – сказал я.

– Ну и что? Испанцы тоже не владели землей, но делили ее и раздавали. Почему ты не можешь получить землю таким же образом?

Я пристально его разглядывал, пытаюсь определить, что скрывается за его улыбкой. Он расхохотался и чуть не свалился со скалы.

– Вся эта земля – твоя. Вся, сколько видит глаз, – продолжал он, по-прежнему улыбаясь. – Не для того, чтобы использовать, но чтобы запомнить. Однако вершина этого холма, на котором мы находимся, – твоя. Ею ты можешь пользоваться всю оставшуюся жизнь. Я отдаю ее тебе, потому что ты сам ее нашел. Она – твоя. Прими ее.

Я засмеялся, однако дон Хуан, казалось, был очень серьезен. Он улыбался, но, похоже, действительно верил, что может подарить мне вершину этого холма.

– Почему бы и нет? – спросил он, словно читая мысли.

– Я принимаю ее, – сказал я наполовину в шутку.

Улыбка исчезла с его лица. Прищурившись, он смотрел на меня.

– Каждый камень и каждый куст на этом холме, особенно на его вершине, находятся под твоей опекой. Каждый живущий здесь червяк – твой друг. Ты можешь пользоваться ими, а они – тобой.

Несколько минут мы молчали. Мыслей было необычно мало. Я смутно чувствовал, что неожиданное изменение его настроения является чем-то вроде предупреждения, но не испугался и не встревожился. Просто мне больше не хотелось разговаривать. Слова почему-то казались мне неточными, а их значения – слишком расплывчатыми. Никогда прежде у меня не возникало подобного чувства в отношении разговора, и стоило мне осознать необычность своего настроения, как я поспешно заговорил.

– Но что мне делать с этим холмом, дон Хуан?

– Запечатлей каждую деталь в своей памяти. Сюда ты будешь приходить в сновидениях. Здесь ты встретишься с силами, здесь однажды тебе будут открыты тайны. Ты охотишься за силой; это –

твое место, и здесь ты будешь запасать свои ресурсы. Сейчас то, что я говорю, лишено для тебя смысла. Так что пусть пока это останется бессмыслицей.

Мы спустились со скалы, и дон Хуан повел меня к небольшому чашеобразному углублению на западной стороне вершины. Там мы сели и перекусили.

Несомненно, было на вершине этого холма что-то неопишимо приятное для меня. Во время еды, как и во время отдыха, я испытывал неизвестное прежде тонкое наслаждение.

Свет заходящего солнца имел богатое, почти медное сияние, и все вокруг, казалось, было покрыто золотым оттенком. Я полностью погрузился в созерцание этой сцены. Мне даже не хотелось думать.

Дон Хуан заговорил. Тихо, почти шепотом. Он велел мне осмотреть все, каждую деталь, независимо от того, насколько мелкой или незначительной она кажется. Особенно пейзаж, наиболее впечатляющие виды которого открывались в западном направлении. Он сказал, что сейчас, до тех пор, пока оно не скроется за горизонтом, я должен смотреть на него, не фокусируя взгляда. Последние минуты перед тем, как солнце коснулось покрывала низких облаков или тумана, были поистине величественными, в полном смысле слова. Это выглядело так, как будто солнце воспламенило землю, зажгло ее как костер. Своим лицом я ощущал красоту.

– Встань! – закричал дон Хуан, с силой потянув меня за руку.

Он отскочил от меня и очень требовательным тоном велел бежать на месте.

Я побежал и начал чувствовать тепло, наводняющее меня. Это было медное тепло. Я чувствовал его своим небом и верхней частью своих глазниц. Вся верхняя часть головы словно пылала холодным огнем, излучая медно-розовое сияние.

По мере того, как исчезало за облаками солнце, что-то во мне заставляло меня бежать все быстрее и быстрее. В какой-то момент я

действительно почувствовал себя настолько легким, что мог улететь прочь. Дон Хуан крепко схватил меня за правое запястье. Почувствовав давление его пальцев, я вернулся в состояние трезвости и самообладания. Я плюхнулся на землю. Дон Хуан сел рядом.

Он дал мне отдохнуть несколько минут. Потом встал, похлопал по плечу и знаком пригласил следовать за ним. Мы опять взобрались к верхушке вулканической скалы, где сидели ранее. Скала прикрывала нас от холодного ветра. Дон Хуан нарушил молчание:

– Это был прекрасный знак. Как странно! Он явился в конце дня. Насколько все же мы с тобой разные. Ты в большей степени, чем я, – создание ночи. Мне больше нравится юное сияние утра. Вернее, сияние утреннего солнца ищет меня. А от тебя – скрывается. А умирающее солнце, наоборот, омыло тебя. Оно опалило тебя своим огнем, но не сожгло. Как странно!

– Почему странно?

– Я никогда такого не видел. Знак, если он является, всегда приходит из обители восходящего солнца.

– А почему так, дон Хуан?

– Сейчас не время об этом говорить, – отрезал он. – Знание – это сила. Для обуздания силы достаточной даже для того, чтобы говорить о ней, требуется продолжительное время.

Я пытался настаивать, но он резко сменил тему. Он спросил, как у меня обстоят дела со «сновидением».

К тому времени я уже начал наблюдать во сне конкретные места – университет и квартиры своих друзей.

– Когда ты бываешь в этих местах – днем или ночью? – спросил дон Хуан.

Мои сны соответствовали тому времени дня, в которое я обычно бывал в соответствующих местах. В университете – днем, в домах своих друзей – вечером.

Дон Хуан предложил мне практиковать «сновидение» во время дневного сна и посмотреть, удастся ли мне визуализировать выбранное место в том виде, который оно имеет в тот самый момент, когда я сплю. Если я практикую «сновидение» ночью, то и видения выбранных мест должны быть ночными. Переживаемое в «сновидении» должно соответствовать тому времени суток, в которое «сновидение» практикуется. В противном случае это будет не «сновидение», а обычный сон.

– Чтобы облегчить себе задачу, тебе следует избрать вполне определенный объект, который находится в том месте, куда ты хочешь попасть, и сфокусировать на нем свое внимание, – продолжал дон Хуан. – Например, ты можешь выбрать на этой вершине какой-нибудь вполне конкретный куст и смотреть на него до тех пор, пока он прочно не отпечатается в твоей памяти. И впоследствии ты сможешь попадать сюда в сновидении, просто вспоминая этот куст или камень, на котором мы сидели. Или чего угодно другого, что здесь присутствует. В сновидении легче путешествовать, когда ты можешь фокусироваться на месте силы, подобному тому, на котором мы сейчас находимся. Но если тебе по каким-либо причинам не хочется попадать именно сюда, можешь воспользоваться любым другим местом. Вероятнее всего, университет тоже является для тебя местом силы. Используй его.

Сфокусируй свое внимание на любом объекте, который там есть, а потом отыщи этот объект в сновидении. С объекта, который ты вызовешь, ты должен вернуться к рукам. Потом – переведи внимание на любой другой объект и так далее. Но сейчас тебе необходимо полностью сосредоточиться на том, что присутствует здесь, на этой вершине, поскольку это – самое важное место в твоей жизни.

Он взглянул на меня, как бы оценивая впечатление от своих слов.

– Это то место, где ты умрешь, – сказал он мягким голосом.

Я нервно задвигался, меняя позу, а он улыбнулся:

– Мне придется еще не раз приходить с тобой сюда. А потом ты будешь снова и снова приходить сюда сам. До тех пор, пока не насытишься этой вершиной, пока она не пропитает тебя. Ты узнаешь, когда ты наполнишься ею. Эта вершина холма, такая же, как сейчас, станет местом твоего последнего танца.

– Что означают твои слова, дон Хуан? Что за последний танец?

– Это – место твоей последней остановки. Где бы ни застала тебя смерть, умирать ты будешь здесь. У каждого воина есть место смерти. Место его предрасположения, пропитанное незабываемыми воспоминаниями; место, где исполненные силы события оставили свои следы; место, на котором воин становился свидетелем чудес, тайны которых были открыты ему; место, где воин запасает свою личную силу. Долг воина – возвращаться туда после каждого контакта с силой, чтобы в этом месте сделать ее запас. Он либо просто приходит туда, либо попадает в сновидении. А в итоге, когда заканчивается время, отведенное ему здесь, на этой земле, и он чувствует на левом плече прикосновение смерти, дух его, который всегда готов, летит в место его предрасположения и танцует своей смерти. Каждый воин имеет свою особую форму, свою позу силы, которую он совершенствовал в течение жизни. Это своего рода танец, движение, которое он делает под влиянием своей личной силы, под влиянием своей личной смерти. Если сила умирающего воина ограничена, танец его короток. Но если сила воина грандиозна, то его танец великолепен. Однако независимо от того, мала его сила или неизмерима, смерть должна остановиться, чтобы стать свидетелем его последней остановки на Земле. До тех пор пока воин, который в последний раз рассказывает о тяжелом труде своей жизни, не завершит свой танец, смерть не может овладеть им.

От слов дона Хуана меня бросило в дрожь. Эта тишина, сумерки, эти величественные виды, все это словно специально было помещено сюда для создания образа последнего танца воина.

– Можешь ли ты научить меня этому танцу, невзирая на то, что я – не воин? – спросил я.

– Каждый, кто охотится за силой, должен научиться этому танцу, – ответил он. – Однако сейчас я не могу научить тебя. В скором времени у тебя, возможно, появится достойный противник. Тогда я покажу тебе первое движение силы. Другие движения ты должен будешь добавить самостоятельно по мере продвижения по жизненному пути. Каждое из них должно быть обретено в борьбе силы. Поэтому, собственно говоря, позы воина являются историей его жизни, танцем, который растет по мере того, как воин увеличивает свою личную силу.

– И что, смерть действительно останавливается, чтобы посмотреть на танец воина?

– Воин – всего лишь человек. Простой человек. И ему не под силу вмешаться в предначертания смерти. Но его безупречный дух, который накопил силу, пройдя сквозь невообразимые трудности, несомненно, способен на время остановить смерть. И этого времени достаточно для того, чтобы воин в последний раз насладился памятью о своей силе. Можно сказать, что это – жест, который смерть делает в отношении тех, чей дух безупречен.

Я испытывал непреодолимое беспокойство и продолжал говорить только затем, чтобы смягчить его. Я спросил дона Хуана, знал ли он воинов, которые умерли, и известно ли ему, как последний танец повлиял на процесс их умирания.

– Прекрати, – сухо ответил он. – Смерть – это слишком серьезно и фундаментально. Умереть – не просто подрыгать ногами и задубеть.

– А я тоже буду танцевать своей смерти?

– Непременно. Ты охотишься за личной силой, хотя пока что и не живешь как воин. Сегодня солнце дало тебе знак. Все лучшее, что ты сделаешь в своей жизни, будет сделано в конце дня. Очевидно, тебе не по нраву юное сияние раннего света. Путешествия по утрам тебя не привлекают. Но умирающее солнце – старое,

желтое и спелое – твое. Ты не любишь жару, ты любишь сияние. И поэтому твой последний танец будет совершен на этой вершине в конце дня. И в танце этом будет твой рассказ о борьбе, о битвах, в которых ты победил, и о тех, которые проиграл, о тех радостях и том смятении, которое ты испытал, сталкиваясь с личной силой. Твой танец поведаст о тех секретах и чудесах, которые ты накопил, и твоя смерть будет сидеть здесь и смотреть на тебя. Так же, как сегодня, умирающее солнце осветит тебя, но не обожжет. Будет дуть мягкий приятный ветер, и вершина холма задрожит. А когда танец твой подойдет к концу, ты согласишься на солнце, согласишься в последний раз, потому что больше ты не увидишь его никогда – ни наяву, ни в сновидении. А потом смерть укажет на юг. В безбрежность.

Глава 14. Походка силы

Суббота, 8 апреля 1962

– Смерть – это личность, дон Хуан? – спросил я, усаживаясь на крыльце.

Во взгляде дона Хуана отразилось замешательство. Он держал сумку с продуктами, которые я ему привез. Осторожно поставив ее на землю, он сел напротив меня. Я почувствовал воодушевление и объяснил, что меня интересует, является ли смерть личностью, или выглядит как некое существо, когда наблюдает за воином во время его последнего танца.

– Какая разница? – спросил дон Хуан.

Я сказал, что меня впечатлил этот образ. Поэтому мне интересно, каким образом дон Хуан к нему пришел. Откуда он знает, что это именно так.

– Все очень просто, – ответил дон Хуан. – Человек знания видит, и поэтому знает, что последний свидетель – смерть.

– Ты имеешь в виду, что сам видел последний танец воина?

– Нет. Человек не может быть его свидетелем. Только смерть. Но я видел собственную смерть. Она наблюдала за мной, и я танцевал перед ней, как будто умирая. В конце моего танца смерть не указала ни в каком направлении, а избранное место не задрожало, со мной прощаясь. То есть мое время на земле еще не было исчерпано, и я не умер. Просто тогда, когда это происходило, я обладал ограниченной силой, поэтому не мог понять предначертаний моей смерти. И я верил в то, что умираю.

– Она была похожа на личность?

– Смешной ты человек. Полагаешь, что, задавая вопросы, сможешь все понять. Я не думаю, что это тебе удастся, но кто я

такой, чтобы говорить наверняка? Смерть не похожа на личность. Скорее, она – присутствие. Можно сказать, что смерть – ничто. И в то же время смерть – это все. И то, и другое утверждения – верны. Смерть становится тем, что ты хочешь в ней увидеть. Мне легко иметь дело с людьми. Поэтому для меня смерть – это личность. Кроме того, я склонен к таинственности. Поэтому смерть является мне с пустыми глазницами. Я могу смотреть сквозь них, как сквозь два окна. И в то же время они двигаются, как обычные глаза. Поэтому я могу сказать, что смерть пустыми глазницами смотрит на воина, исполняющего свой последний танец на земле.

– Но все это – именно так только для тебя, дон Хуан, или для любого воина?

– Для любого воина, исполняющего танец силы, это именно так. И в то же время не так. Смерть является свидетелем последнего танца воина, но то, как каждый воин видит свою смерть, его личное дело. Она может быть чем угодно – птицей, светом, человеком, кустом, камнем, туманом или присутствием чего-то неизвестного.

Образы смерти, созданные доном Хуаном, растревожили меня. Я не мог подобрать подходящих слов для вопросов и запнулся. Дон Хуан с улыбкой смотрел на меня, убеждая продолжать расспросы. Я спросил, зависит ли то, в каком виде воин воспринимает смерть, от его воспитания. В качестве примера я привел индейцев юма и индейцев яки. Сам я полагал, что именно культурой определяется то, как человек видит свою смерть.

– Не важно как был воспитан человек, – сказал он. – Все, чтобы он не делал, определяется его личной силой. Человек – это лишь общее количество его личной силы. И именно этим количеством определяется то, как он живет и как он умирает.

– Что такое личная сила?

– Личная сила – это чувство. Что-то вроде ощущения удачи или счастья. Можно назвать ее настроением. Личная сила есть нечто, обретаемое человеком в независимости от его происхождения. Я уже говорил, что воин – это охотник за силой. И я учу тебя тому, как на нее охотиться и как ее накапливать. И ты столкнулся с общей для

всех нас проблемой – проблемой убежденности. Тебе необходимо верить в то, что личной силой можно пользоваться и что ее возможно накапливать. Но убежденности в том, что все это – именно так, у тебя до сих пор нет.

Я сказал, что он все же своего добился, и что ему удалось убедить меня настолько, насколько это вообще возможно. Он засмеялся:

– Это – не та убежденность, которую я имею в виду. Два-три раза он мягко ударил меня кулаком по плечу и со смешком добавил:

– Меня не нужно ублажать, ты же знаешь.

Я почувствовал, что должен заверить его в своей абсолютной серьезности.

– Не сомневаюсь, – сказал он. – Но под убежденностью подразумевается способность к самостоятельным действиям. Чтобы прийти к этому, тебе предстоит приложить еще немало усилий. Должно быть сделано еще очень много. Ты еще только начал.

Он немного помолчал. На лице его отразилась безмятежность.

– Ты иногда до смешного напоминаешь мне меня самого, – продолжал он. – Я тоже не хотел становиться на путь воина. Я считал, что вся эта работа бесполезна. Если нам все равно предстоит умереть, какая разница – умереть воином или нет. Но я ошибался. Однако к этому заключению я должен был прийти самостоятельно. Только когда ты осознал, что неправ и что разница действительно очень велика, ты можешь сказать, что убежден. И дальше может продолжать самостоятельно. И даже самостоятельно стать человеком знания.

Я спросил, кого он называет человеком знания. Он ответил:

– Человек знания это тот, кто честно следовал трудностям обучения, – сказал он. – Кто без спешки и нерешительности прошел настолько далеко, насколько смог, в раскрытии секретов личной силы.

Потом дон Хуан сказал, что это – не тема для обсуждения. Он сказал, что единственное, чем я должен интересоваться, – это представлением о накоплении личной силы.

– Но я не понимаю! – возразил я. – Мне действительно непонятно, к чему ты ведешь.

– Охота за силой – дело очень своеобразное. Сначала это должно быть идеей, затем, шаг за шагом, это должно быть настроено, а затем – победа! Случилось!

– Как это происходит?

Дон Хуан встал и потянулся. Как обычно, все его суставы захрустели.

– Идем, – сказал он. – Впереди – далекий путь.

– Но я о многом хочу еще тебя спросить, – попытался задержать его я.

– Мы идем к месту силы, – сказал он, входя в дом. – Почему бы тебе не приберечь вопросы до того времени, когда мы туда придем? Там у нас, вероятно, будет возможность поговорить.

Я думал, что мы поедем на машине, поэтому встал и направился к ней. Но дон Хуан позвал меня в дом и велел взять сетку с флягами. Пока я собирал сетку, он вышел и стоял, ожидая меня, на краю зарослей чапарала за домом.

– Нужно торопиться, – сказал он.

Около трех часов дня добрались до западных отрогов гор Сьерра Мадре. День стоял теплый, но во второй его половине задул прохладный ветер. Дон Хуан сел на камень и пригласил меня сделать то же самое.

– Чем мы займемся здесь на этот раз, дон Хуан?

– Ты прекрасно знаешь – мы здесь, чтобы охотиться за силой.

– Да, я знаю. Но что конкретно мы будем делать?

– Ты знаешь, что я не имею ни малейшего представления.

– Ты хочешь сказать, что никогда не имеешь никакого плана действий?

– Охота за силой – очень странная штука, – сказал он. – Ее невозможно планировать наперед. И это делает ее особенно захватывающей. Но действует воин так, словно у него есть план. Потому что доверяет своей личной силе. Он знает на уровне факта, что она направит его действия в наиболее правильное русло.

Я отметил, что его утверждения в некотором смысле противоречивы. Если воин уже обладает личной силой, к чему ему еще на нее охотиться.

Дон Хуан с притворным отвращением поднял брови.

– Ты охотишься за личной силой, – объяснил он, – а я воин, который ею уже обладает. Ты спросил, есть ли у меня план, а я ответил, что доверяю своей личной силе, и что она направит меня, поэтому никакой план мне не нужен.

Немного посидев молча, мы отправились дальше. Склоны были очень крутыми. Подъем давался мне с трудом. Я устал. А выносливости дона Хуана, казалось, не было предела. Он не бежал и не торопился. Он шел ровно и неумоимо. Я заметил, что он совсем не потел. Он не вспотел даже после подъема на особенно высокий и почти отвесный склон. Когда я взобрался наверх, он уже сидел там, ожидая меня. Я сел рядом, чувствуя, что сердце вот-вот выскочит из груди. Я лег на спину, и пот буквально ручьями заструился у меня со лба.

Дон Хуан рассмеялся и принялся катать меня по земле туда-сюда. Это помогло мне восстановить дыхание.

Я сказал, что его тренированность буквально внушает мне благоговение.

– Я все время стараюсь привлечь к ней твое внимание, – сказал он.

– Ты совсем не стар, дон Хуан.

– Конечно, нет. И все время стараюсь, чтобы ты это заметил.

– Как ты это делаешь?

– Я ничего не делаю. Мое тело хорошо себя чувствует только и всего. Я очень хорошо с собой обращаюсь, и поэтому у меня нет причин чувствовать, что я устал или что мне не по себе. Секрет заключается не в том, что ты с собой делаешь, а пожалуй в том, чего не делаешь.

Я ждал разъяснений. Он вроде бы отдавал себе отчет в моей неспособности понять это его заявление. Он понимающе улыбнулся и встал.

– Это – место силы, – сообщил он, – Найди площадку для стоянки на этой вершине.

Я принялся протестовать. Я хотел, чтобы он объяснил, чего мне не следует делать со своим телом. Он оборвал меня повелительным жестом и мягко произнес:

– Кончай пустую болтовню. В этот раз для разнообразия просто действуй. Не важно, сколько времени потребуется тебе на поиски подходящего для отдыха места. Это может занять у тебя всю ночь. Не имеет значения также то, найдешь ты его или нет. Важно то, что ты будешь пытаться его найти.

Я отложил письменные принадлежности и встал. Дон Хуан напомнил мне, как он обычно делал, когда просил найти место для отдыха, что нужно смотреть, ни на чем не фокусируя взгляда и прищурившись так, чтобы изображение было размытым.

Я начал ходить по вершине холма, просматривая землю полуприкрытыми глазами. Дон Хуан шел в полутора-двух метрах справа от меня и на пару шагов позади.

Сперва я обошел вершину по периметру, намереваясь постепенно по спирали приблизиться к ее центру. Но как только я замкнул периметр, дон Хуан меня остановил.

Он сказал, что я иду на поводу у своего пристрастия к распорядкам (установившимся практикам). Он добавил, что мне, конечно, удастся систематически покрыть всю площадь вершины, но при таком тупом методе я буду не в состоянии воспринять подходящее место. И еще он добавил, что отлично знает, где оно находится, поэтому никакие импровизации с моей стороны не пройдут.

– Как же мне быть? – спросил я.

Дон Хуан заставил меня сесть. Потом сорвал с нескольких кустов по одному листу и дал листья мне. Он сказал, что я должен лечь на спину, расстегнуть ремень и положить листья на кожу в области пупка. Он следил за каждым моим движением и велел обеими руками прижать листья к телу. Затем велел закрыть глаза, предупредив, что если я хочу получить совершенный результат, то не должен ни отпускать листья, ни открывать глаза, ни пытаться сесть, когда он приведет мое тело в положение силы.

Он схватил меня за правую подмышку и резко крутнул. У меня возникло непреодолимое желание посмотреть сквозь полуприкрытые веки, но дон Хуан прикрыл мне глаза ладонью. Он приказал мне сосредоточиться только на ощущении тепла, которое будет исходить от листьев.

Я немного полежал неподвижно. От листьев начало идти странное тепло. Сначала я почувствовал его ладонями. Потом тепло растеклось по животу, и, в конце концов, залило все тело. Через несколько минут ступни буквально горели. Все это напомнило мне случаи, когда я болел с высокой температурой.

Я сообщил дону Хуану о неприятных ощущениях и о том, что хочу снять ботинки. Он сказал, что собирается помочь мне встать, и что я не должен открывать глаза до тех пор, пока он не скажет. А перестать прижимать листья к животу можно будет только после того, как я найду подходящее место.

Когда я уже стоял на ногах, он прошептал мне на ухо, чтобы я открыл глаза и начинал идти, но не по какому-либо плану, а позволив силе тянуть и направлять меня.

Я принялся бесцельно ходить. Жар вызывал дискомфортное ощущение. Я решил, что у меня – высокая температура, и принялся гадать, как дону Хуану удалось этого добиться.

Дон Хуан шел за мной. Вдруг он издал крик, который почти парализовал меня. Он со смехом объяснил, что резкие звуки отпугивают неприятных духов. Я прищурился и около получаса ходил туда-сюда. За это время дискомфорт сменился качеством приятного тепла. Расхаживая вверх-вниз по холму у вершины, я ощутил легкость. Но в то же время я был разочарован. Я ожидал, что обнаружу какой-либо визуальный феномен, но на периферии моего поля зрения ничего не происходило – не было ни необычных цветов, ни сверкания, ни темных масс.

Наконец я устал прищуриваться, и открыл глаза. Я стоял перед небольшим выступом из песчаника. Это был один из скальных выходов на вершине холма. Остальная поверхность была покрыта землей и утыкана редкими кустиками. Похоже, растительность здесь когда-то сгорела и еще не вполне восстановилась. По какой-то непонятной причине песчаниковый выступ показался мне красивым. Я долго стоял перед ним, а потом просто на него сел.

– Хорошо! Хорошо! – сказал дон Хуан, похлопав меня по спине.

Он велел мне аккуратно вытащить листья из-под одежды и положить их на камень.

Как только я убрал от кожи листья, тело начало остывать. Я пощупал пульс. Вроде нормальный.

Дон Хуан засмеялся и, обратившись ко мне «доктор Карлос», спросил, не хочу ли я подсчитать и его пульс. Он сказал, что-то, что я чувствовал, было силой листьев, которая меня очистила и дала возможность выполнить задачу.

Со всей искренностью я принялся его уверять, что ничего особенного не делал, а сел на это место просто потому, что устал, и еще потому, что мне понравился цвет песчаника.

Дон Хуан ничего не сказал. Он стоял в паре метров от меня. Вдруг он отпрыгнул и с невероятной ловкостью отбежал к высокому гребню из камней поодаль, по пути перемахивая через кусты.

Я встревожился:

– Что случилось?

– Будешь следить, в каком направлении ветер понесет твои листья. А сейчас быстро их пересчитай и половину опять прижми к животу. Ветер идет.

Я насчитал двадцать штук. Едва я успел засунуть десять под рубашку, как сильный порыв ветра понес остальные на запад. Я смотрел, как они летят, скрываясь в бесформенной зеленой массе кустарника, и не мог отделаться от жуткого ощущения, что их целенаправленно сметает туда какое-то совершенно реальное существо.

Вернулся дон Хуан и сел слева от меня лицом на юг.

Мы долго сидели, не произнося ни слова. Я не знал, что сказать. Я чувствовал, что измотан до крайности. Я хотел закрыть глаза. Но не решился. Дон Хуан, должно быть, заметил мое состояние. Он велел мне лечь, положить ладони на живот поверх листьев и попытаться почувствовать себя подвешенным на ложе из «струн», которое он сделал для меня на «месте моего предрасположения». Я закрыл глаза, и память о том мире и полноте, которые я испытал, когда спал на вершине другого холма, наводнила меня. Хотелось выяснить, смогу ли я действительно ощутить, что взвешен в пространстве. Но я уснул.

Я проснулся перед закатом. Сон освежил меня и восстановил силы. Дон Хуан тоже спал. Он открыл глаза одновременно со мной. Было ветрено, но холода я не чувствовал. От листьев исходило

тепло, словно на животе у меня горела печка или работал какой-то электрообогреватель.

Я осмотрелся. Место, выбранное мною для отдыха, находилось как бы в небольшой ложбине. На выступе можно было сидеть, как на длинном диване, спинкой которого служила довольно высокая каменная стенка. Я обнаружил, что, прежде чем лечь спать, дон Хуан принес мои письменные принадлежности и положил их мне под голову.

– Ты правильно определил место, – с улыбкой произнес он. – И произошло все именно так, как я говорил. Сила направила тебя к нему без каких-либо планомерных действий с твоей стороны.

– Что это были за листья? – спросил я.

Тепло, которое от них исходило, было для меня явлением загадочным и крайне любопытным. Я спал на ветру без одеяла, без толстой одежды, и мне было хорошо и удобно.

– Это были просто листья, – ответил дон Хуан.

– Ты хочешь сказать, что я могу нарвать любых листьев с какого угодно куста и их действие будет таким же?

– Нет. Я не хочу сказать, что ты можешь сделать это сам. Ты не обладаешь личной силой. Я хочу сказать, что такой эффект могут произвести любые листья в случае, если даст их тебе человек, обладающий силой. Сегодня тебе помогли не листья. Сегодня тебе помогла сила.

– Твоя сила, дон Хуан?

– Думаю, ты можешь сказать, что моя. Но на самом деле это не совсем точно. Сила не принадлежит никому. Она никогда не бывает ни моей, ни твоей, ни чьей бы то ни было еще. Некоторые из нас умеют собирать ее, и затем она может быть передана кому-нибудь еще. Видишь ли, ключевой момент в использовании накопленной силы заключается в том, что ее можно применять только для помощи кому-то другому в накоплении силы.

Я спросил, означает ли это, что его сила ограничена только помощью другим. Дон Хуан терпеливо объяснил, что сам для себя он может пользоваться своей личной силой как ему заблагорассудится, в любых делах, в любом направлении. Но когда дело доходит до прямой передачи силы другому человеку, положение изменяется. Переданная сила бесполезна, если человек, ее получивший, не использует ее для своего собственного поиска личной силы.

– Все, что совершает человек, зависит от его личной силы, – продолжал дон Хуан. – Поэтому тому, кто ею не обладает, свершения человека могущественного кажутся невероятными. Сила требуется уже для того, чтобы представить себе, чем сила является. Это и есть то, что я пытаюсь тебе все время сказать. Но я знаю, что ты не понимаешь, и не потому, что не хочешь, а потому, что у тебя очень мало личной силы.

– Что же мне делать, дон Хуан?

– Ничего. Просто продолжай в том же духе. Сила найдет дорогу.

Он встал и повернулся кругом, внимательно осмотрев окрестности. Тело его описало полный круг одновременно с поворотом взгляда. Дон Хуан напомнил мне фигурку святого из старинных механических часов, которая делает полный оборот одним равномерным непрерывным движением.

Разинув рот, я смотрел на него в безмолвном изумлении. Он попытался скрыть улыбку, выдававшую, что он в полной мере сознает впечатление, произведенное на меня этим его маневром.

– Сегодня ты будешь охотиться за силой в темноте дня, – проговорил он и сел.

– Что?..

– Ночью ты отправишься в эти неизведанные холмы. Ночью они перестают быть холмами.

– А чем становятся?

– Чем-то другим. Чем-то, о чем ты не можешь даже думать, потому что никогда не был свидетелем их существования.

– Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан? Вечно ты пугаешь меня своими мистическими разговорами.

Он засмеялся и слегка пнул мою икру.

– Мир – это тайна, – в очередной раз сообщил он. – И он вовсе не таков, каким ты его себе рисуешь.

Он на минутку словно задумался, ритмично покачивая головой, а потом улыбнулся и добавил:

– Впрочем, таким, каким его рисуешь себе ты, он тоже является. Но это – далеко не все. В нем присутствует еще очень и очень многое. И ты все время с этим сталкиваешься. А сегодня ночью, возможно, добавишь еще один кусочек.

От его тона мурашки побежали по моему телу.

– Что ты планируешь делать? – спросил я.

– Я ничего не планирую. Все решает та же самая сила, которая позволила тебе найти это место.

Дон Хуан встал и указал куда-то вдаль. Я решил, что он хочет, чтобы я встал и взглянул туда. Я попытался вскочить на ноги, но не успел их выпрямить: дон Хуан с огромной силой толкнул меня вниз.

– Я не просил тебя делать то же, что и я, – сурово произнес он.

Потом смягчился и добавил:

– Тебе предстоит тяжелая ночь. Тебе потребуется вся личная сила, которую ты способен собрать. Так что сиди, где сидишь, и побереги себя для ночи.

Он объяснил, что ни на что не указывал, а просто удостоверился в том, что определенные вещи находятся там.

Потом он сказал, что все нормально, и велел сидеть спокойно и чем-нибудь заняться, потому что до наступления полной темноты еще много времени, которое я могу использовать, например, для работы над записями. Он улыбнулся, и его улыбка меня успокоила. Мне тоже захотелось улыбнуться.

– Но что мы будем делать, дон Хуан?

Он покачал головой с подчеркнутым недоверием:

– Пиши! – скомандовал он.

И повернулся ко мне спиной.

Ничего другого мне не оставалось. Я работал над своими заметками, пока не стало слишком темно, чтобы писать.

В течение всего времени, пока я работал, дон Хуан сидел в одной и той же позе. Казалось, он полностью поглощен наблюдением за чем-то, находившемся на западе. Но едва я прекратил писать, он повернулся ко мне и шутливо сообщил, что существует только три способа заставить меня заткнуться: дать чего-нибудь поесть, заставить писать или уложить спать.

Он достал из своего рюкзака небольшой сверток и церемонно его развернул. В свертке было сушеное мясо. Один кусок он дал мне, второй взял сам и принялся жевать. Как бы, между прочим, он в очередной раз сообщил мне, что это – пища силы, которая в данном случае необходима и мне, и ему. Я слишком сильно хотел есть для того, чтобы задумываться о возможности наличия в сушеном мясе психотропных веществ. Мы молча жевали, пока не съели все мясо. К тому времени совсем стемнело.

Дон Хуан встал и потянулся. Мне он предложил сделать то же самое. Он сказал, что растягивание всего тела после сна, сидения и ходьбы – очень хорошая практика. Я последовал его совету, и некоторые листья, находившиеся у меня под рубашкой, соскользнули мне в штаны. Я раздумывал о том, следует ли мне поместить их обратно, но он сказал забыть о них, поскольку в них больше не было нужды, и позволить им падать самим по себе.

Потом дон Хуан подошел ко мне вплотную и прошептал в правое ухо:

– Иди за мной. Держись как можно ближе. И копируй каждое мое действие.

Он сказал также, что на том месте, где мы стоим, мы в безопасности, потому что оно, образно говоря, находится как раз на границе ночи.

– Здесь – не ночь, – он топнул по камню, на котором мы стояли.
– Ночь – там.

И он указал в темноту, нас окружавшую.

Потом он проверил, хорошо ли в сетке закреплены фляги и мой блокнот, мягко объяснив, что воин всегда проверяет, все ли в порядке. Не потому, что верит в то, что выживет в предстоящем испытании, но потому, что это – неотъемлемая часть его безупречного поведения.

Вместо того чтобы принести мне облегчение, его приготовления породили во мне уверенность в том, что моя гибель приближается. Захотелось плакать. Я был уверен, что дон Хуан полностью осознает действие своих слов.

– Верь своей личной силе, – сказал он мне на ухо. – Это – единственное, что есть у человека в этом таинственном мире.

Он слегка подтолкнул меня, и мы двинулись. Он шел на пару шагов впереди. Я шел следом, взглядом уткнувшись в землю. Почему-то я не решался смотреть по сторонам. Фокусируя взгляд на земле, я чувствовал странное спокойствие. Это меня почти загнипотизировало.

Скоро дон Хуан остановился. Он прошептал, что абсолютная тьма – рядом, и что он пройдет вперед. Но о своем местоположении будет давать мне знать, имитируя крик особой маленькой совы. Он напомнил мне, что я уже знаю – его имитация этого звука начинается хрипло и к концу становится мягкой и мелодичной, как

крик настоящей совы. И предупредил, чтобы я ни в коем случае не спутал его крик с другими совиными криками, потому что это — смертельно опасно.

К тому моменту, когда дон Хуан закончил меня инструктировать, я был практически в панике. Я вцепился в его локоть железной хваткой. Две-три минуты у меня ушло на то, чтобы вернуть себе дар речи. Нервные судороги пробежали по мышцам живота, не давая мне внятно говорить.

Спокойно и мягко дон Хуан сказал, чтобы я взял себя в руки, потому что темнота, как и ветер, была для меня совершенно неизвестной сущностью и могла обмануть меня, если я не буду с ней осторожным. Чтобы иметь с ней дело, необходимо быть совершенно спокойным.

— Ты должен «отпустить» себя. Тогда твоя личная сила сможет слиться с силой ночи, — проговорил он мне на ухо.

Он еще раз повторил, что пойдет вперед, и на меня снова накатила волна иррационального страха.

— Но это же безумие! — запротестовал я.

Дон Хуан не разозлился и не проявил нетерпения. Он спокойно засмеялся и что-то сказал мне на ухо. Я не совсем понял.

— Что ты сказал? — спросил я, клацая зубами.

Дон Хуан закрыл мне рот рукой и прошептал, что воин действует так, словно знает в точности, что делает, тогда, как в действительности не знает ничего. Затем он три или четыре раза повторил одно утверждение, как если бы хотел, чтобы я запомнил его. Он сказал;

— Воин безупречен, если он доверяет своей личной силе, независимо от того, мала она или огромна.

Немного погодя он спросил, все ли со мной в порядке. Я кивнул, и он шагнул во тьму, исчезнув почти мгновенно и совершенно беззвучно.

Я попытался осмотреться. Казалось, я находился в месте с густой растительностью. Я смог различить только темную массу кустов или низкорослых деревьев. Я сосредоточился на звуках, но не заметил ничего особенного. Шум ветра заглушал все звуки, кроме редких пронзительных вскрикиваний больших сов и посвистывания других птиц.

Я ждал, буквально превратившись во внимание. И тут раздался хриплый длинный крик маленькой совы. Я был уверен, что кричит дон Хуан. Звук донесся откуда-то сзади. Я развернулся и пошел в его направлении. Двигался я очень медленно, чувствуя, сколь непреодолимо препятствует мне тьма.

Я шел примерно десять минут. Вдруг прямо передо мной как из-под земли выросла темная масса. Я вскрикнул и упал на пятую точку. В ушах зазвенело. Испуг был так велик, что у меня перехватило дыхание. Чтобы вздохнуть, пришлось открыть рот.

– Вставай? – мягко сказал дон Хуан. – Я не хотел тебя напугать. Я просто вышел навстречу.

Он сказал, что наблюдал за моей корявой походкой. Я напомнил ему хромую старую даму на грязной улице после дождя, которая брезгливо на цыпочках обходит лужи. Он, видимо, живо представил себе эту картинку и рассмеялся.

Затем он показал мне способ передвижения в темноте – способ, который он называл «походкой силы». Сначала он слегка склонился вперед и заставил меня потрогать его спину и колени, чтобы я понял, в каком положении находится его тело. Туловище было слегка наклонено вперед, но позвоночник оставался прямым. Ноги были чуть согнуты в коленях.

Он медленно прошелся передо мной, чтобы я увидел: при каждом шаге колено его поднимается почти до груди. А затем он буквально побежал таким способом, быстро скрывшись из виду.

Через несколько секунд дон Хуан вернулся. Я не мог понять, как ему удается бегать в темноте.

– Походка силы специально предназначена для того, чтобы бегать ночью, – прошептал он мне на ухо.

Он предложил мне попробовать. Я сказал ему, что непременно сломаю себе ноги, попав в какую-нибудь трещину или налетев на камень. Но дон Хуан твердил, что «походка силы» совершенно безопасна.

Я заявил, что он, должно быть, знает каждый камень и каждую ямку в этих холмах и поэтому может избегать ловушек. Иначе его действия для меня непостижимы.

Дон Хуан сжал ладонями мою голову и с силой прошептал:

– Это – ночь! И это – сила!

Он отпустил мою голову и мягко добавил, что ночью мир совсем не такой, как днем, и что его способность бежать во тьме никак не связана с тем, что он знает эти холмы. Он сказал, что ключом к этому, было позволить своей личной силе вытекать свободно, чтобы она, таким образом, могла слиться с силой ночи. А как только эта сила возьмет верх, отступить будет уже невозможно. И он очень серьезно предложил мне задуматься на минутку о том, что происходит. Это рассеет мои сомнения. Для человека его возраста попытка бегать по этим холмам в это время суток – верный способ покончить с собой. Если, конечно, его не ведет сила ночи.

– Смотри! – сказал дон Хуан, умчался куда-то в темноту и вернулся обратно.

Способ его передвижения выглядел настолько необычно, что я не поверил собственным глазам. Некоторое время он словно бежал на месте. То, каким образом он поднимал ноги, напомнило мне разминку спринтера перед забегом.

Затем дон Хуан велел следовать за ним. Я попробовал, очень скованно и неловко. С предельной тщательностью я пытался

высматривать место, на которое станет нога, но оценить расстояние было невозможно. Дон Хуан вернулся и гарцевал рядом. Он прошептал, что нужно отрешиться от себя, отдавшись силе ночи, и верить той крохотной личной силе, которой я обладаю. Иначе я никогда не смогу двигаться свободно. Тьма препятствует мне только потому, что я во всем, что делаю, полагаюсь на зрение, не зная, что другой способ движения заключается в том, чтобы предоставить силе возможность вести меня.

Я несколько раз попробовал, но безуспешно. Я просто, не мог себя «отпустить», не мог преодолеть боязнь покалечить ноги. Тогда дон Хуан приказал мне бежать на месте, стараясь почувствовать себя так, словно я бегу, используя «походку силы».

Потом он сказал, что побежит вперед, а мне велел оставаться и ждать условного сигнала – крика маленькой совы. И растаял во тьме прежде, чем я успел что-либо произнести. В течение часа я бегал на месте с подогнутыми коленями и наклоненным туловищем, иногда закрывая глаза. Напряжение понемногу прошло, и к концу этого часа я уже чувствовал себя вполне нормально. И тут раздался крик дон Хуана.

Я побежал метров пять в том направлении, откуда слышался крик, стараясь, как предлагал дон Хуан, «отрешиться от себя». Однако налетел на куст. Это происшествие мигом возродило все мои страхи и мою неуверенность.

Дон Хуан ждал меня. Он немного подправил положение моего тела, заставив слегка согнуть к ладоням мизинцы, безымянные и средние пальцы, и выпрямить указательные и большие. Потом он сказал, что, по его мнению, я просто потворствую своему чувству собственной неполноценности, потому что отлично знаю: как бы ни была темна ночь, я увижу все наилучшим образом, если не буду ни на чем фокусировать взгляд, а просто буду сканировать землю прямо перед собой. «Походка силы» аналогична методике поиска благоприятного места в том смысле, что и то, и другое требует чувства отрешенности, чувства веры. При передвижении «походкой силы» глаза должны быть неотрывно прикованы к земле прямо перед бегущим. Любой, даже мимолетный взгляд куда-нибудь в

сторону нарушает поток движения. Дон Хуан объяснил, что наклон туловища как раз и призван привести глаза в положение, удобное для того, чтобы смотреть в землю. А колени нужно поднимать так высоко, чтобы шаги были очень короткими. Тогда бег безопасен. Дон Хуан предупредил, что мне предстоит спотыкаться и оступаться еще не раз. Но с практикой придет уверенность, и я смогу бегать настолько же быстро и так же легко, как днем.

В течение нескольких часов я пытался копировать его движения и старался привести себя в то настроение, которое он мне рекомендовал. Он очень терпеливо либо бежал прямо передо мной, либо недалеко убегал и возвращался ко мне. Таким образом, я мог рассмотреть, как он двигался. Он даже подталкивал меня, заставляя пробегать несколько метров. Затем он убежал и позвал меня серией совиных криков. Каким-то необъяснимым образом мне удалось двигаться с неожиданным уровнем самоконтроля. Насколько я понимал, ничего такого, что давало бы мне основание испытывать подобное ощущение, я не совершал. Но мое тело, казалось, знало о вещах, не думая о них. Мне, например, не было по-настоящему видно выступающих передо мной камней, но мое тело всегда ставило ногу на выступы и никогда в трещины. Не считая тех нескольких случаев, когда я отвлекался. Для того чтобы неотрывно смотреть в землю перед собой, требовалось полное сосредоточение. Как предупреждал дон Хуан, малейшая попытка взглянуть в сторону влекла за собой нарушение потока.

Дона Хуана я нашел после долгих поисков. Он сидел возле каких-то темных силуэтов. Мне показалось, что это – деревья. Он подошел и сказал, что у меня хорошо получается, но пора закругляться, потому что он уже довольно долго пользуется своим криком-сигналом, и крик этот вполне могли научиться имитировать другие.

Я был полностью согласен с тем, что закругляться действительно пора, потому что мои попытки измотали меня почти до бесчувствия. Я ощутил облегчение и спросил, кому может понадобиться имитировать его крик.

– Силам, союзникам, духам... Кто знает? – ответил он шепотом.

Он объяснил, что эти «сущности ночи» обычно издают очень мелодичные звуки. Им очень трудно изобразить хриплые человеческие голоса или свисты птиц. Он советовал каждый раз, когда я услышу подобный звук, остановиться и вспомнить его слова, так как иногда бывает необходимо разобраться. Очень убедительным тоном он сказал, что я вполне освоил «походку силы». Теперь, чтобы в совершенстве овладеть этим способом бега, мне нужен лишь небольшой толчок, который я вполне могу получить, когда мы с ним в очередной раз выберемся ночью в горы. Он похлопал меня по плечу и объявил, что он, пожалуй, готов отправиться домой.

– Давай будем отсюда выбираться, – сказал он и побежал.

– Эй-эй! Постой! Подожди! – диким голосом завопил я.

– Давай пойдем!

Дон Хуан остановился и снял шляпу.

– Вот тебе раз! – растерянно проговорил он. – В крутой оборот мы угодили. Я ведь не могу идти в темноте. Ты ведь знаешь. Я себе все ноги переломаяю. Я могу только бежать!

Я чувствовал, что он ехидно улыбается, хотя и не видел его лица.

Доверительным тоном он добавил, что слишком стар для ходьбы, да и мне не помешает немного потренироваться в беге «походкой силы». И случай как раз подходящий.

– И потом, если мы не воспользуемся «походкой силы», нас просто скосят, как траву, – шепнул он мне на ухо.

– Кто?

– В ночи присутствует нечто, действующее на людей, – прошептал он тоном, от которого по телу моему побежали мурашки.

Он сказал, что мне вовсе не обязательно за ним поспевать, поскольку он периодически будет подавать мне сигнал – четыре крика маленькой совы подряд. Так что я смогу без труда за ним следовать.

Я предложил остаться среди холмов до утра, и возвращаться, когда будет светло. Очень драматическим тоном он ответил, что это равносильно самоубийству. Даже если мы останемся в живых, ночь вытянет из нас личную силу до такой степени, что мы станем жертвами первой же опасности днем.

– Не будем тратить времени, – сказал он с ноткой настойчивости в голосе. – Давай отсюда выбираться.

Он заверил меня в том, что попытается бежать как можно тише и что ни в коем случае нельзя издавать ни звука, даже дышать следует как можно тише. Потом он показал мне основное направление движения и побежал. Довольно медленно. Он почти шел «походкой силы». Но, несмотря на это, мне не удавалось за ним угнаться, и в скором времени он растворился во тьме впереди меня.

Оставшись наедине с собой, я обнаружил, что, сам того не замечая, набрал весьма высокий темп. Это меня поразило. Я решил попытаться, как можно дольше его сохранять. Тут немного справа раздался сигнал – четыре совиных крика подряд.

Еще через несколько минут я опять услышал крик совы, теперь уже намного правее. Я повернул на сорок пять градусов вправо, и начал двигаться в новом направлении, надеясь, что остальные три крика этой серии позволят мне его уточнить.

Новый крик раздался почти в направлении того места, откуда мы начали бежать. Я остановился и прислушался. Совсем недалеко от меня послышался резкий звук, словно ударились друг о друга два камня. Я напряг слух. Послышалась целая серия тихих-тихий постукиваний. Потом раздался еще один крик совы, и я понял, что имел в виду дон Хуан, когда меня предупреждал. Этот звук был очень мелодичным. Он определенно звучал дольше и был мягче, чем настоящий крик совы.

У меня возникло странное чувство испуга. Живот сжало, как будто какая-то сила потянула меня вниз из средней части тела. Я повернул на сто восемьдесят градусов и начал полубежать-полуидти в противоположном направлении.

Послышался далекий слабый крик совы. За ним последовали еще три. Это был дон Хуан. Я побежал в их направлении. Судя по звуку, он находился от меня на расстоянии метров четырехсот, не меньше. Если он будет продолжать нестись в том же темпе, я очень скоро останусь безнадежно один среди этих холмов. Мне было непонятно, почему дон Хуан побежал вперед вместо того, чтобы кругами бегать вокруг меня, если ему так уж необходимо выдерживать этот темп.

Я обратил внимание, что слева от меня вроде бы тоже что-то движется. Я почти видел нечто на периферии своего зрения. Я был готов удариться в панику, но в мозгу молнией мелькнула отрезвляющая мысль: я не могу ничего видеть в темноте. Я хотел было прямо взглянуть в том направлении, но не сделал этого, опасаясь потерять набранный темп.

Из размышлений меня вытряхнул крик совы, донесшийся слева. Я не повернул на него, потому что это был, вне всякого сомнения, самый приятный и мелодичный крик, какой мне доводилось когда-либо слышать. Однако он не испугал меня. В нем было что-то очень привлекательное или, пожалуй, притягивающее, или даже печальное.

Потом слева направо передо мной очень быстро промелькнуло темная масса. От неожиданности я поднял голову, остушился и с шумом налетел на какие-то кусты. Я упал на бок, и тут же в нескольких шагах слева от меня раздался мелодичный крик. Я встал, но прежде чем я успел двинуться дальше, раздался новый крик, более требовательный, чем первый, и неодолимо зовущий. Словно что-то требовало, чтобы я остановился и прислушался. Звук совиного крика был настолько протяжным и мягким, что все мои страхи прошли. Я уже почти остановился, как вдруг послышалась серия хриплых криков дона Хуана. Они, казалось, были ближе, чем в прошлый раз. Я подпрыгнул и побежал на них.

Через некоторое время слева в темноте снова появилось какое-то мелькание или пульсация. Это было нечто не столько видимое, сколько ощущаемое. Но в то же время я был почти уверен, что воспринимаю это нечто именно глазами. Двигалось оно быстрее, чем я, и снова промелькнуло слева направо, заставляя меня потерять равновесие. Но на этот раз я не упал, и это, как ни странно, вывело меня из состояния внутреннего равновесия. Я неожиданно разозлился, и эта неадекватность реакции повергла меня в панику. Я попытался повысить темп бега и хотел было крикнуть совой, чтобы дать дону Хуану знать, где я нахожусь. Но, вспомнив его предупреждение относительно молчания, не решился.

И тут мое внимание привлекло нечто ужасное. Слева от себя находилось что-то похожее на животное. Оно меня почти касалось. Я непроизвольно отпрыгнул и повернул направо. Я почти задохнулся от страха. Он охватил меня настолько сильно, что в моей голове не осталось никаких мыслей, и я бежал в темноте так быстро, как только мог. Казалось, что мой страх был телесным ощущением. Мое состояние было весьма необычным. В моей жизни страх всегда строился на некоторой интеллектуальной основе и был обусловлен угрожающими социальными ситуациями или опасным для меня поведением людей. На этот раз, однако, страх имел совершенно новые свойства. Он пришел из неизвестной мне части мира и поразил меня в неизвестную часть меня самого.

Я услышал крик совы очень близко и немного слева. Точно его тона я не расслышал, но мне показалось, что это – дон Хуан. Крик не был мелодичным. Я побежал медленнее. Еще крик. С хриплым призывом. Дон Хуан! Я побежал на звук немного быстрее. Третий крик раздался совсем рядом. Я различал перед собой темный массив то ли камней, то ли деревьев. Еще один крик. Я решил, что дон Хуан ждет меня, потому что мы находимся уже за пределами опасной зоны. Я подбежал почти вплотную к темной массе, когда пятый крик заставил меня замереть на месте. Я изо всех сил вглядывался в темную массу. Вдруг слева что-то зашуршало. Я повернулся и вовремя успел заметить какой-то черный предмет, который катился или скользил сбоку. Я судорожно вдохнул и отскочил. Раздалось чмокающий звук, словно кто-то чмокнул губами, а потом от темного массива то ли деревьев, то ли скал отделилось что-то большое,

черное и прямоугольное, похожее на трехметровой высоты дверной проем.

От неожиданности я вскрикнул. В течение секунды мой испуг был безграничным. Но секунду спустя я обнаружил себя ужасающе спокойным, пристально смотрящим на темную фигуру.

Насколько я мог отдавать себе отчет в своих реакциях, они были чем-то совершенно для меня новым. Что-то во мне тянуло меня к черному объекту, а что-то – наоборот, отчаянно сопротивлялось. Было так, словно я хочу как следует во всем разобраться, и в то же время – в истерике убежать прочь.

Я едва разобрал совиные крики дон Хуана. Казалось, он кричит где-то совсем близко и как-то странно: крики были продолжительнее и грубее, чем раньше, словно дон Хуан бежал ко мне навстречу.

Неожиданно для самого себя я вдруг обрел самоконтроль. Некоторое время я бежал в точности так, как предписывал дон Хуан.

– Дон Хуан! – выкрикнул я, налетев на него.

Он ладонью прикрыл мне рот и знаком велел бежать за ним. Мы двигались в очень удобном темпе и вскоре прибежали на тот выступ из песчаника, от которого стартовали.

Примерно час мы молча сидели на выступе. Начало светать. Открыв тыквенные фляги с провизией, мы поели. Дон Хуан сказал, что нам необходимо оставаться здесь до полудня, что мы совсем не будем спать, а будем разговаривать, как если бы не произошло ничего необычного.

Он попросил меня подробно рассказать обо всем, что со мной происходило после того, как он от меня убежал. Когда я закончил, он долго молчал. Казалось, он глубоко ушел в свои мысли.

– Выглядит не очень хорошо, – проговорил он, наконец. – Все, что произошло с тобой этой ночью, – очень серьезно. Настолько

серьезно, что тебе нельзя больше в одиночку ходить по ночам. Отныне сущности ночи не оставят тебя в покое.

– А что именно произошло со мной, дон Хуан?

– Ты столкнулся с некоторыми сущностями, обитающими в этом мире и воздействующими на людей. Ты о них ничего не знаешь, потому что никогда раньше с ними не сталкивался. Было бы правильнее назвать их сущностями гор, поскольку по большому счету они не относятся к ночи. Я называю их сущностями ночи лишь потому, что в темноте их легче воспринимать. Но они все время здесь, вокруг нас. Однако днем нам сложнее воспринять их просто потому, что дневной мир нам хорошо знаком, и поэтому хорошо знакомое преобладает. В темноте же, с другой стороны, мы более восприимчивы к этим сущностям ночи, потому что все является одинаково странным и очень немногие вещи преобладают.

– Они реальны, дон Хуан?

– Разумеется! Они настолько реальны, что обычно убивают людей, особенно тех, кто заблудился в диких местах, и не имеет личной силы.

– Но если ты знал, что они так опасны, почему же ты оставил меня одного?

– Существует только один способ учиться – это приняться за дело. Только лишь говорить о силе бесполезно. Если ты хочешь узнать, чем сила является, и если ты хочешь взяться за это серьезно, тебе нужно браться за все самостоятельно. Путь к знанию и силе очень труден и очень долг. Ты, наверное, заметил, что до сегодняшней ночи я тебя одного во тьму не отпускал. У тебя для этого не было силы. Теперь ты обладаешь достаточной силой для того, чтобы провести хорошую битву, но еще недостаточной для того, чтобы одному оставаться в темноте.

– А если я попытаюсь?

– Ты умрешь. Сущности ночи раздавят тебя как клопа.

– Получается, что мне теперь нельзя проводить ночь в одиночестве?

– В собственной постели – сколько угодно. Но не в горах.

– А на равнинах?

– Это касается только диких мест, где совсем нет людей, и в особенности – диких мест высоко в горах. Естественные места обитания сущностей ночи – скалы и ущелья. Поэтому с сегодняшнего дня тебе нельзя в одиночку ходить в горы. До тех пор, пока не накопишь достаточно личной силы.

– Но как мне накопить личную силу?

– Ты накопишь ее, если будешь жить так, как я советую. Мало-помалу ты закупоришь все свои места утечки. Тебе ни к чему задумываться об этом, потому что сила всегда находит путь. Возьми, к примеру, меня. Когда я начал учиться путям воина, я не знал, что накапливаю силу. Подобно тебе, я считал, что ничего особенного не делаю. Но это было не так. Сила имеет одно любопытное свойство: ее не замечаешь, когда она накапливается.

Я попросил объяснить, почему он решил, что мне опасно оставаться в темноте одному.

– Сущности ночи двигались слева от тебя. Это значит, что они старались слиться с твоей смертью. Особенно опасна та «дверь», которую ты видел. Это – отверстие, ты знаешь. И оно втягивало бы тебя до тех пор, пока бы ты в него не вошел. И это было бы твоим концом.

Как можно корректнее я заметил, что для меня странно то, что эти странные вещи случаются со мной только в его присутствии и что это выглядит так, словно он сам подстраивает все это. Тогда как, если я находился ночью в диких местах один, все было совершенно нормально, в рамках объяснимых событий. Ни теней, ни мистических звуков... Действительно, меня ничто никогда в таких случаях не пугало.

Дон Хуан мягко усмехнулся и сказал, что это служит лишь подтверждением его большой личной силы, которая позволяет ему призывать на помощь массу различных вещей.

Уж не намекает ли он на то, что позвал кого-то из знакомых людей в качестве помощников?

Дон Хуан вроде бы угадал ход моих мыслей, громко рассмеялся и сказал:

– Не ломай себе голову. Мои слова не имеют для тебя никакого смысла. Все по той же причине: у тебя слишком мало личной силы. Но больше, чем было в самом начале. Поэтому с тобой начали случаться разные вещи. У тебя уже была очень мощная встреча с туманом и молнией. И не важно, понимаешь ты, что именно происходило тогда с тобой, или нет. Важно то, что это запечатлелось в твоей памяти. Мост и все, что ты видел в ту ночь, непременно явится тебе еще раз. Когда у тебя будет достаточно личной силы.

– Дон Хуан, а какова будет цель такого повтора?

– Не знаю. Я – не ты. Это вопрос, на который, кроме тебя, не ответит никто. А мы с тобой очень разные. Кстати, именно по этой причине сегодня ночью я оставил тебя одного, хоть и знал, что это – смертельно опасно. Ты должен был сам испытать себя в столкновениях с этими сущностями. И крик совы я выбрал в качестве сигнала как раз потому, что совы являются вестниками сущностей ночи, и криком совы пользуются для выманивания этих существ. Этой ночью они стали для тебя опасными вовсе не потому, что они зловредны по природе, а потому что ты не был безупречен. В тебе есть нечто дешевое, и я знаю – что именно. Ты оказываешь мне снисхождение, ты потакаешь мне. И ты всю жизнь был точно так же снисходителен ко всем подряд. А это автоматически ставило тебя выше других. Но тебе отлично известно, что так не бывает. Ты – всего лишь человек, и жизнь твоя слишком коротка для того, чтобы охватить все чудеса и весь ужас этого изумительного непостижимого мира. Поэтому снисходительность твоя – дешевая, она делает тебя мелким и никчемным.

Мне хотелось протестовать. Дон Хуан опять попал в точку, как это было уже десятки раз. На какое-то время я даже разозлился. Но потом необходимость записывать отвлекла меня, и, как это обычно бывало, я успокоился.

– Однако мне, кажется, известно, как тебя от этого избавить, – продолжил дон Хуан после длинной паузы. – Я думаю, даже ты согласишься со мной, если сможешь вспомнить то, что сделал прошлой ночью. Ты побежал так быстро, как любой маг, только когда твой противник сделался невыносимым, и ты почувствовал, что это – вполне серьезно. Это известно нам обоим, и я думаю, что нашел тебе достойного противника.

– Дон Хуан, что ты собрался делать? Вместо ответа он встал и потянулся всем телом, растянув буквально каждую мышцу. Мне он велел сделать то же самое.

– В течение дня нужно многократно растягивать все тело. Чем чаще, тем лучше. Но только после достаточно продолжительных периодов непрерывной работы либо довольно длительного покоя или отдыха.

– Какого типа противника ты собираешься для меня найти, Дон Хуан? – не унимался я.

– К несчастью, только наши ближние могут стать достойными противниками. Да, только люди. Другие существа не обладают собственной волей, поэтому, чтобы с ними столкнуться, необходимо их выманивать. А люди – наоборот, неотступны и безжалостны.

Он замолчал, а потом отрывисто проговорил, повернувшись ко мне:

– Мы говорили достаточно долго. Прежде чем уйти отсюда, тебе необходимо сделать еще одну вещь, самую важную из всех. Сейчас, чтобы успокоить твой разум, я кое-что расскажу тебе о том, почему ты находишься здесь. Причина того, что ты продолжаешь приезжать ко мне, очень проста. При каждой нашей встрече твое тело учится определенным вещам. Даже вопреки твоему желанию. Так было с самого начала. И теперь твое тело постоянно нуждается в том, чтобы

научиться большему. Скажем так: твое тело знает, что его смерть неизбежна, хотя ты об этом никогда не задумываешься. И я рассказал твоему телу, что моя смерть так же неизбежна, и что прежде чем я умру, я хотел бы показать ему кое-что такое, чего сам ты ему дать не можешь. Ну, например, твоему телу нужен испуг. Ему нравится пугаться. Твоему телу нужна тьма, и ему нужен ветер. Теперь оно узнало походку силы и ждет не дождется случая, как следует испытать этот способ передвижения. То есть твое тело возвращается меня навестить, потому что я – его друг.

Дон Хуан молчал довольно долго, словно собираясь с мыслями.

– Я говорил тебе, что секрет сильного тела не в том, что ты для него делаешь, а в том, чего не делаешь, – проговорил он, наконец.

– И теперь пришло время не делать то, что ты всегда делаешь. Так что до нашего ухода сиди здесь и не-делай.

– Я не понимаю, дон Хуан.

Он забрал у меня блокнот, аккуратно закрыл его и перетянул резинкой, а потом запустил его, как диск, куда-то в чапараль. Блокнот скрылся в кустах.

Я был в шоке и начал было возмущаться, но он закрыл мне рот ладонью. Потом указал на большой густой куст и велел сосредоточиться на нем. Но не на самих листьях, а на их тенях. Он сказал, что бег во тьме не обязательно должен быть действием гонимого страхом человека. Это может быть самая естественная реакция ликующего тела, которое знает, как не-делать. Снова и снова дон Хуан шептал мне в правое ухо:

– Не-делать то, что ты знаешь, как делать, – ключ к силе.

В случае смотра на дерево, тем, что ты знаешь, является немедленная фокусировка на листе. Тени от листьев и промежутки между листвою никогда меня не интересовали. Последнее, что сказал дон Хуан, была инструкция начать фокусироваться на тенях листьев на одной ветке и постепенно перейти к такого рода созерцанию всего дерева, не давая глазам возвращаться обратно к

листьям, потому что первый сознательный шаг в накоплении личной силы — позволить телу «не-делать».

Наверное, причиной тому явилась моя усталость или нервное перевозбуждение, но я настолько погрузился в созерцание теней листьев, что к тому моменту, когда дон Хуан поднялся на ноги, я мог формировать тени в зрительно воспринимаемые массивы настолько же свободно, насколько обычно в массивы формируется листва. Эффект был поразительный. Я сказал дону Хуану, что хочу посидеть так еще. Он засмеялся и похлопал по моей шляпе:

— Я же говорил. Тело любит такие штучки.

Потом он сказал, что я должен позволить своей накопленной силе вести меня к блокноту, и легонько подтолкнул меня к чапаралю. Некоторое время я шел бездумно и бесцельно, а потом обнаружил, что стою перед блокнотом. Я решил, что подсознательно запомнил направление, в котором дон Хуан его метнул. Но дон Хуан объяснил случившееся иначе. Он сказал, что я вышел прямо на блокнот потому, что мое тело в течение нескольких часов пребывало погруженным в «неделание».

Глава 15. «Неделание»

Среда, 11 апреля 1962

Когда мы вернулись, дон Хуан посоветовал мне заняться моими записями, и делать это так, словно со мной ничего не случилось, не упоминая и даже не думая о том, что произошло ночью.

После однодневного отдыха дон Хуан сообщил мне, что нам необходимо на несколько дней уехать подальше от его дома, так как желательно отделить себя от «сущностей» некоторым расстоянием. Он сказал, что их воздействие на меня оказалось весьма глубоким, хотя я пока что этого не замечаю, так как тело мое еще недостаточно чувствительно. Однако если сейчас я не отправлюсь на свое «избранное место», чтобы очиститься и восстановиться, то очень скоро серьезно заболею.

Мы выехали перед рассветом и направились на север. Вечером, после изнурительной езды и очень быстрого перехода, ближе к вечеру мы добрались до вершины холма.

Как и в прошлый раз, дон Хуан выложил место, на котором я спал, ветками и листьями. Затем он дал мне горсть листьев, чтобы я положил их на кожу живота, и велел лечь и отдыхать. Для себя он подготовил второй пяточок на расстоянии полутора метров за моей головой и немного слева, на котором и улегся.

Буквально через считанные минуты я почувствовал очень приятное тепло и исключительное благополучие. Я ощущал себя словно взвешенным в воздухе в состоянии какого-то небывалого физического комфорта. Теперь я в полной мере мог согласиться с утверждением дон Хуана относительно того, что «постель из струн» поддерживает меня на плаву. Я поделился с доном Хуаном своим удивлением по поводу невероятного качества моих сенсорных ощущений. Дон Хуан спокойно сказал, что это нормально и что «постель» для того и делалась.

– Невероятно! Не могу поверить, что такое возможно! – изумленно воскликнул я.

Дон Хуан воспринял мои слова буквально и отчитал меня. Он сказал, что устал от того, что я веду себя как предельно важное существо, снова и снова требуя доказательств того, что мир непостижим и прекрасен.

Я попытался объяснить ему, что мои восклицания были чисто риторическими и не имели ровным счетом никакого значения. Он возразил, что в этом случае мне следовало бы выразиться как-нибудь по-другому. Казалось, он, в самом деле, серьезно раздражен. Я приподнялся на локтях и принялся было извиняться, но он рассмеялся и, передразнивая мою манеру говорить, предложил несколько забавных вариантов восклицания, которыми я мог бы воспользоваться. В конце концов я рассмеялся, настолько нарочито абсурдными были некоторые из них.

Дон Хуан мягко напомнил мне о том, что я должен полностью погрузиться в ощущение парения.

Успокаивающее чувство умиротворенности и полноты, которое я испытывал на этом таинственном месте, пробудило эмоции, скрытые где-то в глубинах моего существа. Я заговорил о своей жизни. Я покался, что никогда не уважал и не любил никого, даже самого себя, и что всегда чувствовал, что был от рождения порочен. Отсюда налет бравады и дерзости в моем отношении ко всем окружающим.

– Верно, – согласился дон Хуан. – Ты совсем себя не любишь.

Он усмехнулся и сообщил, что «видел» меня в то время, когда я говорил. Он посоветовал не сожалеть ни о чем когда-либо сделанном, потому что рассматривать свои действия как низкие, подлые, отвратительные или порочные – значит придавать себе неоправданную значительность.

Я нервно задвигался, и постель из веток и листьев зашуршала. Дон Хуан сказал, что если я хочу отдохнуть, то должен лежать абсолютно неподвижно, как он, а не ерзать и не приводить листья

своей подстилки в состояние возбуждения. Он сказал, что в своем видении натолкнулся на одно из моих настроений. Он, казалось, некоторое время старался подобрать подходящие слова, а потом сказал, что то настроение, о котором идет речь, было некоторым расположением духа, в которое я постоянно проваливался. Он описал его как дверцу ловушки. Она открывается в самые неожиданные моменты и меня заглатывает.

Я попросил уточнить. Он ответил, что невозможно уточнять то, что «видишь».

Прежде чем я успел произнести что-либо еще, он сказал, что мне нужно расслабиться, но не засыпать. И постараться, как можно дольше оставаться в полностью сознательном состоянии. Он объяснил, что «постель из струн» делается исключительно для того, чтобы воин мог войти в особое состояние умиротворенности и внутреннего благополучия.

Драматическим тоном дон Хуан заявил, что внутреннее благополучие – это состояние, которое нужно взлелеять и тщательно за ним ухаживать. Чтобы его искать, необходимо сначала с ним познакомиться.

– Ты никогда не испытывал состояния внутреннего благополучия, поэтому понятия не имеешь, что это такое, – сказал дон Хуан.

Я позволил себе с ним не согласиться. Но он стоял на своем, говоря, что внутреннее благополучие – это достижение, к которому человек должен намерено стремиться, искать его. Он сказал, что я знал лишь как искать чувство неразберихи, неблагополучия и смятения.

Дон Хуан насмешливо улыбнулся и заверил меня, что для того, чтобы совершить подвиг по превращению себя в несчастное и жалкое существо, я должен был работать исключительно напряженно, и что абсурдным здесь было то, что я никогда не осознавал, что точно так же я мог работать и для того, чтобы сделать себя целостным и сильным.

– Весь фокус в том, на что ориентироваться, – сказал он. – Мы либо сами делаем себя жалкими, либо делаем себя сильными. Объем работы, необходимой и в первом, и во втором случае – один и тот же.

Я закрыл глаза и снова расслабился, почувствовав, что плыву в пространстве. Я даже ощущал свое движение сквозь это пространство, словно я был листом. Ощущение было очень приятным. Однако оно напоминало мне чувство вращения в пространстве, которое я испытывал при головокружениях во время болезни. Я решил, что, наверное, съел что-нибудь не то.

Дон Хуан что-то говорил. Но я не слышал и не особенно напрягался, чтобы услышать. Я пытался перебирать в памяти все, что в тот день ел. Но делал это как-то незаинтересованно. Похоже, для меня это не имело значения.

– Следи за тем, как изменяется солнечный свет, – проговорил дон Хуан.

Чистое звучание его голоса напомнило мне воду – текущую и теплую.

Небо на западе было совершенно безоблачным, а солнечный свет очень эффектным. То, что дон Хуан указал мне на него, делало желтоватое сияние вечера действительно фантастическим.

– Позволь этому сиянию зажечь тебя, – сказал дон Хуан.

– Сегодня, до того, как зайдет солнце, ты должен быть абсолютно спокоен и восстановлен, потому что завтра или послезавтра тебе предстоит учиться неделанию.

– Неделанию чего? – спросил я.

– Сейчас это не важно. Подожди, пока мы доберемся вон до тех лавовых гор.

Он указал на далекие темные и грозные остроконечные пики на севере.

Четверг, 12 апреля 1962

Вечером мы добрались до пустынного плоскогорья, на котором возвышались горы вулканического происхождения. На расстоянии темно-коричневые лавовые горы производили почти зловещее впечатление. Очень низко стоявшее над горизонтом солнце освещало западные склоны застывшей лавы, окрашивая их темно-коричневую поверхность в ослепляющую массу желтых отражений.

Я не мог отвести глаз от этого поистине гипнотизирующего зрелища.

К началу сумерек показались подножия гор. Растительности в высокогорной пустыне почти не было, до самого горизонта повсюду торчали только кактусы и какая-то высокая трава, росшая пучками.

Дон Хуан остановился и сел, аккуратно прислонив к камню тыквенные фляги с провизией. Он сказал, что на этом месте мы устроимся на ночлег. Мы находились на возвышенности. Оттуда, где я стоял, окружающая местность просматривалась довольно далеко во всех направлениях.

День был облачный, и все быстро погружалось в сумерки. Я увлекся созерцанием того, с какой скоростью малиново-пурпурные облака на западе становились равномерно-серыми.

Дон Хуан встал и пошел в сторону кактусов. Когда он вернулся, массив лавовых гор уже превратился в однородный темный силуэт. Дон Хуан сел рядом со мной и обратил мое внимание на что-то, что показалось мне естественным образованием на склонах лавовых гор на северо-востоке от того места, где мы сидели. Это было пятно, значительно более светлое, чем фон. В сумерках горный массив был одноцветным темно-коричневым, а пятно — желтовато-коричневым или темно-бежевым. Я не мог понять, что это такое. Я смотрел на него долго и неотрывно. Казалось, оно шевелилось, я бы даже сказал, что оно пульсировало. Прищурив глаза, я увидел, что оно как трепещет, как будто на ветру.

— Смотри неотрывно! — приказал дон Хуан.

В какой-то момент, после того как я какое-то время удерживал на нем свой пристальный взгляд, я вдруг почувствовал, что весь горный массив двинулся на меня. Этому сопутствовало странное возбуждение под ложечкой. Дискомфорт стал настолько острым, что я встал.

– Сядь! – рявкнул дон Хуан, но я уже стоял на ногах.

Когда я поднялся, перспектива несколько изменилась. Пятно сползло вниз по склону горного массива. Я снова сел, не сводя глаз. Пятно поднялось. Я смотрел на него еще несколько секунд, а потом все стало на свои места. Я осознал, что пятно находится не в горах, а рядом, что это – всего-навсего кусок желтовато-зеленой ткани, висящей на высоком кактусе прямо напротив меня.

Я громко рассмеялся и объяснил дон Хуану, что оптический обман возник из-за сумеречного освещения.

Он встал, подошел к кактусу, снял с него ткань, сложил ее и засунул в сумку.

– Зачем ты это сделал? – спросил я.

– Затем, что эта тряпка обладает силой, – как ни в чем не бывало, ответил он. – В какое-то мгновение у тебя получалось хорошо, и неизвестно, что было бы дальше, если бы ты не встал.

Пятница. 13 апреля 1962

Мы двинулись к горам, едва начало светлеть небо на востоке. Оказалось, до них на удивление далеко. Около полудня мы вошли в один из каньонов. В неглубоких озерцах там была вода. Мы присели отдохнуть в тени нависающего выступа.

Горы оказались сложенными гигантскими глыбами застывшего потока вулканической лавы. За тысячелетия отвердевшая лава выветрилась, превратившись в пористый коричневый камень.

Растительности на скалах не было, если не считать отдельных чахлых кустиков, торчавших из трещин.

Я взглянул вверх на почти вертикальные стены каньона, высота которых достигала многих десятков метров, и под ложечкой у меня возникло странное ощущение. У меня возникло чувство, что стены каньона наползают на меня и вот-вот сомкнутся. Солнце стояло практически в зените, чуть отклонившись к юго-западу.

– Стой вот здесь, – велел дон Хуан и развернул меня лицом в сторону солнца.

Потом он сказал, чтобы я неподвижно смотрел на стены каньона над собой.

Зрелище меня потрясло. Огромная высота потока лавы поражала воображение. Какими же должны были быть масштабы извержения, чтобы образовалось такое? Я несколько раз прошелся взглядом вверх-вниз по стенам каньона и полностью погрузился в созерцание богатейшей цветовой гаммы камня. Там были вкрапления всех мыслимых оттенков. Все камни были покрыты пятнами светло-серого лишайника. Я взглянул прямо вверх и заметил, что, попадая на сверкающие вкрапления застывшей лавы, солнечный свет производит совершенно удивительные отражения. Я пристально смотрел на ту область, где отражался солнечный свет. По мере того, как солнце перемещалось, интенсивность отражений падала, пока они совсем не потускнели. Я посмотрел через каньон и увидел другую область таких же удивительных преломлений света.

Я сказал дон Хуану, что происходит.

Потом я заметил еще одно пятно света, за ним – еще... В конце концов весь каньон покрылся огромными пятнами света.

У меня закружилась голова. Даже если я закрыл глаза, я все равно видел сверкающие огни. Я схватился за голову и попытался заползти под нависающий выступ. Но дон Хуан крепко схватил меня за руку и приказал продолжать созерцание стен и попытаться увидеть темные зоны в середине пятен света.

Я не хотел смотреть, мерцание раздражало глаза. Я сказал, что это похоже на то, как темный силуэт окна стоит перед глазами после того, как посмотришь сквозь него на залитую полуденным солнцем улицу.

Дон Хуан покачал, головой из стороны в сторону и начал посмеиваться. Он отпустил мою руку, и мы сели под нависающей скалой.

Я кратко записывал свои впечатления от окружающего пейзажа, когда дон Хуан после длительной паузы вдруг заговорил драматическим тоном:

– Я привел тебя сюда, чтобы обучить одной вещи, – сказал он и помолчал. – Тебе предстоит научиться неделанию. Сейчас мы можем об этом поговорить. Без объяснений у тебя ничего не получится. Я надеялся, что ты сразу сможешь ухватить неделание, без каких-либо разговоров. Я ошибся.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь, дон Хуан.

– Это неважно. Я расскажу тебе о чем-то таком, что является очень простым, но трудновыполнимым. Я расскажу тебе о неделании. Несмотря на тот факт, что рассказать о нем невозможно, поскольку неделание – это действие тела.

Он бросил на меня несколько пристальных коротких взглядов, а потом сказал, что мне нужно отнестись к его рассказу с максимальным вниманием.

Я закрыл блокнот, но, к моему удивлению, он потребовал, чтобы я все записал.

– Неделание – это очень трудно. И оно обладает такой силой, что тебе нельзя будет о нем упоминать, – продолжал он. – До тех пор, пока ты не остановишь мир. Только после этого тебе можно будет свободно разговаривать о неделании. Если тебе это еще будет нужно.

Дон Хуан посмотрел вокруг и ткнул пальцем в большой камень неподалеку от нас:

– Тот камень является камнем вследствие делания.

Мы переглянулись, и он улыбнулся. Я ждал объяснений, но он молчал. В конце концов, я вынужден был сказать, что не понял.

– Вот, это – делание! – воскликнул он.

– Извини, я не понял.

– И это – делание.

– О чем ты, дон Хуан?

– Делание – это то, что делает тот камень камнем, а куст кустом. Делание делает тебя тобой, а меня мной.

Я сказал, что его объяснение ничего не объясняет. Он засмеялся и почесал виски.

– В этом – проблема с разговорами. Они всегда создают путаницу. Начиная говорить о делании, вечно приходишь к чему-то другому. Лучше просто действовать. Взять, к примеру, скалу. Смотреть на нее – это делание. Видеть ее – неделание.

Я вынужден был признаться, что его слова лишены для меня какого-либо смысла.

– Ничего подобного! – воскликнул дон Хуан. – В них присутствует глубокий смысл. Но ты убежден, что его в них нет, потому что это – твое делание. Это – твой способ действия по отношению ко мне и к миру.

Он снова указал на скалу.

– Это скала является скалой вследствие всего того, что ты знаешь о том, как обращаться с ней. Я называю это деланием. Человек знания, например, знает, что скала является скалой только

вследствие делания. Поэтому если он хочет, чтобы она перестала быть скалой, все что ему нужно делать – это неделание. Понимаешь?

Я не понимал ничего. Он засмеялся и предпринял еще одну попытку:

– Мир есть мир потому, что ты знаешь делание, которое делает его таковым. Если бы ты не знал его делания, он был бы другим.

Он с любопытством принялся меня разглядывать. Я прекратил писать. Мне хотелось послушать. Он продолжал объяснять, что без определенного «делания» в том, что нас окружает, не было бы ничего знакомого.

Он наклонился и поднял маленький камушек. Взяв его между большим и указательным пальцами левой руки, он поднес камушек к самым моим глазам.

– Это – камушек, потому что ты знаешь делание, делающее его таковым.

– Что? – спросил я, совершенно сбитый с толку.

Дон Хуан улыбнулся, пытаясь скрыть ехидное удовлетворение.

– Не знаю, с чего это ты вдруг запутался, – сказал он.

– Ведь ты предрасположен к разговорам и должен сейчас чувствовать себя на седьмом небе.

Он загадочно взглянул на меня и три-четыре раза повел бровями. Потом снова указал на камушек, который по-прежнему держал у меня перед носом.

– Я говорю тебе, что ты превращаешь это в камушек, потому что знаешь вовлеченное в это делание. И теперь, чтобы остановить мир, ты должен остановить делание.

Я по-прежнему ничего не понимал. Дон Хуан, казалось, в полной мере отдавал себе в этом отчет. Он улыбнулся и покачал

головой. Потом взял хворостинку и провел ею по неровному краю камушка.

– В случае с этим маленьким камнем, – продолжал он, – первое, что делание с ним осуществляет, – это сжимает его до такого размера. Следовательно, тем, что надлежит сделать воину, если он хочет остановить мир, является увеличение маленького камушка или чего-либо другого посредством неделания.

Дон Хуан встал и положил камушек на крупный валун, а потом предложил подойти и хорошенько его изучить. Он велел внимательно разглядывать отверстия, впадины и трещины на камушке, стараясь рассмотреть все до мельчайших деталей. Он сказал, что, если мне удастся выделить все детали, то отверстия, углубления и трещинки исчезнут, и я пойму, что такое «неделание».

– Этот проклятый камушек сведет тебя сегодня с ума, – пообещал дон Хуан.

Наверное, на лице моем отразилось полнейшее недоумение. Он взглянул на меня и раскатисто захохотал. Потом он изобразил гнев, словно камушек его разозлил, и несколько раз стукнул по камушку шляпой.

Я потребовал, чтобы дон Хуан объяснил свое последнее утверждение. Я заявил, что когда он хочет, он может объяснить все что угодно в лучшем виде. Стоит лишь постараться.

Дон Хуан хитро взглянул на меня и покачал головой, словно признавая безнадежность ситуации.

– Безусловно, я могу объяснить все что угодно, – согласился он. – Но сможешь ли ты понять? Вот вопрос.

Я несколько опешил от такого его намека.

– Делание заставляет тебя разделять камушек и валун, – продолжил он. – Чтобы научиться неделанию, тебе, скажем так, нужно слить их воедино.

Он указал на небольшое пятнышко тени, которую камушек отбрасывал на валун и сказал, что это не тень, а клей, который связывает их вместе.

Потом он повернулся и пошел прочь, сказав, что вернется попозже, чтобы взглянуть, как я тут себя чувствую.

Я долго пристально разглядывал камушек. Сосредоточиться на мельчайших деталях отверстий на его поверхности мне так и не удалось, но крохотная тень, которую он отбрасывал на булыжник, стала явлением весьма интересным. Дон Хуан оказался прав. Она была подобна клею. Она двигалась. У меня возникло впечатление, что тень как бы выдавливается из-под камушка.

Когда дон Хуан вернулся, я поделился с ним результатами своих наблюдений.

– Неплохо для начала, – сказал он. – Глядя на тени, воин может рассказать о многих вещах.

Затем он предложил мне взять камушек и где-нибудь его захоронить.

– Зачем? – спросил я.

– Ты очень долго его созерцал. Теперь в нем есть частица тебя. Воин всегда старается повлиять на силу делания, обращая его в неделание. Оставить камушек лежать на этом месте, считая, что это – просто кусочек камня – это делание. Неделанием же будет продолжать действовать в его отношении так, как если бы он был далеко не просто камнем. В нашем случае этот камень долгое время был пропитан тобой, и сейчас он – это ты. А раз так, то ты не можешь оставить его лежащим здесь, а должен захоронить.

Однако если бы у тебя была личная сила, то неделанием было бы превратить этот камушек в предмет силы.

– Могу ли я сделать это сейчас?

– Сейчас твоя жизнь слишком разболтана для того, чтобы ты мог это совершить. Если бы ты мог видеть, тебе стало бы ясно, что твое воздействие на этот камушек было очень тяжелым. Оно превратило его в нечто настолько неприглядное, что невозможно придумать ничего лучше, чем вырыть ямку и захоронить камушек. Пусть земля поглотит всю эту тяжесть.

– Это все правда, дон Хуан?

– Если я отвечу «да» или «нет», я совершу деяние. Но поскольку ты учишься неделанию, я должен ответить, что не имеет никакого значения – правда это или нет. И в этом – преимущество воина по отношению к обычному человеку. Вопросы правды и лжи беспокоят обычного человека; ему важно знать, что правда, а что нет. Воину до этого равным счетом нет никакого дела. Обычный человек по-разному действует в отношении того, что считает правдой, и того, что считает ложью. Ему говорят о чем-то: «Это правда». И он действует с верой в то, что делает. Ему говорят: «Это неправда». И он не пытается действовать или не верит в то, что делает. Воин, с другой стороны, действует в обоих случаях. Если ему говорят о чем-то, что это правда, то он действует для того, чтобы совершать деяние. Если ему говорят, что это неправда, то он по-прежнему будет действовать, но уже для того, чтобы совершать неделание. Понимаешь о чем я?

– Нет, я совершенно не понимаю, что ты имеешь в виду.

Туманные изъяснения дон Хуана вызвали во мне всплеск раздражения. Я не видел в них абсолютно никакого смысла. Я заявил, что все это – сплошной бред, а он высмеял меня, сказав, что у меня отсутствует безупречность духа даже в том, что мне больше всего нравится, – в разговоре. Он поднял на смех мое владение языком, назвав его несовершенным и не отвечающим моим потребностям.

– Взятся быть одним большим сплошным языком – так уж будь языком-воином, – сказал он и покатылся со смеху.

Я был удручен. В ушах звенело. К голове прилил неприятный жар. От смущения я, наверное, даже покраснел.

Я встал, зашел в кусты и закопал камушек.

Когда я вернулся и сел, дон Хуан сказал:

– Я позволил себе немного тебя подразнить. Но все равно отлично знаю – ты ничего не поймешь, пока не поговоришь. Для тебя разговоры – это делание. Но для понимания того, что есть неделание, такое делание, как разговор, не подходит. Сейчас я покажу тебе простое упражнение. Оно поможет тебе понять, что такое неделание. И, поскольку речь идет о неделании, не имеет никакого значения, попробуешь ты выполнить это упражнение сейчас или через десять лет.

Он заставил меня лечь на спину, взял мою правую руку и согнул в локте под прямым углом. Кисть ее он развернул ладонью вперед, а пальцы согнул к ладони, придав кисти такое положение, словно я держусь за ручку дверного замка. Потом он начал двигать мою руку круговым движением вперед-назад, как будто вращая рукоять колодезного колеса.

Дон Хуан объяснил, что воин выполняет это движение каждый раз, когда хочет вытолкнуть что-либо из своего тела. Например, болезнь или непрощенное чувство. Идея упражнения состояла в том, чтобы тянуть и толкать воображаемую противодействующую силу до тех пор, пока не появится ощущение чего-то тяжелого и плотного, препятствующего свободному движению руки. «Неделание» здесь заключалось в повторении движения до возникновения ощущения рукой тяжелого тела, вопреки тому факту, что абсолютно невозможно поверить в то, что ты чувствуешь это.

Я начал двигать рукой, и очень скоро кисть сделалась холодной, как лед. Вокруг нее я почувствовал что-то мягкое, словно она двигалась в плотной вязкой жидкости.

Неожиданно дон Хуан схватил меня за руку и остановил движение. Все мое тело вздрогнуло, словно некая невидимая сила встряхнула его изнутри. Дон Хуан придиричиво осмотрел меня. Я сел. Он обошел вокруг меня, а потом опять уселся на свое место.

– Достаточно, – сказал он. – Будешь делать это упражнение потом, когда у тебя накопится побольше личной силы.

– Я что-то сделал не так?

– Все так. Просто неделание – для очень сильных воинов. У тебя еще недостаточно личной силы, чтобы браться за практику такого рода. Сейчас ты можешь только нагрести в себя рукой какую-нибудь жуткую пакость. Поэтому тренируйся очень-очень постепенно, понемногу. Кисть не должна остывать. Если она остается теплой, ты сможешь действительно ощутить ею линии мира.

Он замолчал, как бы предоставляя мне возможность спросить о линиях мира. Но я не успел. Он начал рассказывать о существовании бесчисленного количества линий, которые связывают нас с вещами. Он сказал, что с помощью упражнения в «неделании», которому он только что меня обучил, любой человек может ощутить линию, исходящую из движущейся кисти. Эту линию можно забросить куда угодно или дотронуться ею до чего-либо. Дон Хуан сказал, что это – не более чем упражнение, потому что линии, формируемые рукой, недостаточно прочны и не имеют реальной ценности на практике.

– Для формирования более прочных линий человек знания использует другие части тела.

– Какие, дон Хуан?

– Самые прочные линии, создаваемые человеком знания, исходят из середины тела. Но такие же он может создавать глазами.

– Эти линии реальны?

– Конечно.

– Их можно увидеть? Или дотронуться до них?

– Скажем так: их можно почувствовать. Самое сложное на пути воина – осознать, что мир есть чувство. Когда человек не-делает, он чувствует мир. Он чувствует мир посредством линий мира.

Он замолчал, с любопытством меня изучая. Он приподнял брови, выпучил глаза и мигнул. Это напомнило мне птицу. Почти мгновенно я ощутил неудобство и подташнивание, словно что-то оказало давление на мой живот.

– Понимаешь, что я имею в виду? – спросил дон Хуан и отвел глаза.

Я отметил, что меня тошнило, а он сказал, что знает об этом, причем сказал таким тоном, как будто иначе и быть не могло. Он объяснил, что пытался глазами сделать так, чтобы я почувствовал линии мира. Но я не мог согласиться с утверждением, что это он заставил мое самочувствие измениться. Я высказал сомнения по этому поводу. Он никак на меня не воздействовал физически. Поэтому то, что именно он вызвал у меня тошноту, казалось мне, мягко говоря, крайне маловероятным.

– Неделание – очень просто, но одновременно и очень сложно, – сказал он. – И дело тут не в понимании, а во владении им. Конечно, окончательным достижением человека знания является видение. Но оно приходит лишь после того, как посредством неделания остановлен мир.

Я невольно улыбнулся, потому что не понял ничего.

– Когда делаешь что-то с людьми, – сказал он, – следует заботиться лишь о том, чтобы предоставить определенную возможность их телам. И с тобой я поступаю именно таким образом – я предоставляю твоему телу узнавать определенные вещи. А понимаешь ты или не понимаешь – кого это волнует?

– Но это же нечестно, дон Хуан! Я хочу все понять, иначе все мое общение с тобой превращается в пустую трату моего времени.

– Пустая трата его времени! – воскликнул он, пародируя меня.
– Ты определенно самодоволен.

Он встал и сказал, что нам нужно подняться на вершину лавового пика, вздымавшегося справа от нас.

Задача эта оказалась поистине головоломной. Самый настоящий альпинизм, с той лишь разницей, что у нас не было никакого снаряжения. Дон Хуан все время повторял, чтобы я не смотрел вниз, а пару раз даже подтягивал меня вверх, когда я, не удержавшись, начинал сползать в пропасть. Меня ужасно угнетало то, что такой глубокий старик, как дон Хуан, должен мне помогать. Я сказал ему, что нахожусь в отвратительной форме, так как слишком ленив для того, чтобы каким-то образом тренироваться. Он ответил, что по достижении некоторого уровня личной силы надобность в физических упражнениях и обычной тренировке отпадает, поскольку единственное, что требуется для поддержания безупречной формы, – это вовлечь себя в неделание.

Когда мы добрались до вершины, я упал на камень в полном изнеможении. Меня почти тошнило от слабости. Дон Хуан ногой покатал меня туда-сюда, как он уже однажды делал. Постепенно это движение привело меня в чувство. Но я нервничал, словно ожидая внезапного появления чего-то. Несколько раз я непроизвольно оглядывался. Дон Хуан ничего не говорил, но когда я смотрел по сторонам, он смотрел туда же, куда и я.

– Тени – это своеобразные вещи, – сказал он неожиданно. – Ты, должно быть, заметил, что одна из них следует за нами.

– Я не заметил ничего подобного, – запротестовал я громким голосом.

Дон Хуан сказал, что мое тело заметило преследователя, несмотря на мое упрямое сопротивление. Он заверил меня в том, что ничего необычного в этом нет, и быть преследуемым тенью – дело вполне нормальное.

– Это – просто сила, – сказал он. – Тут, в этих горах, таких существ полным-полно. Они подобны тем сущностям, которые напугали тебя тогда ночью.

Я поинтересовался, действительно ли я могу сам воспринимать это существо. Дон Хуан ответил, что днем я могу только ощущать его присутствие.

Я попросил объяснить, почему он называет это существо тенью. Ведь его не видно, и оно явно не похоже на тень от камня. Он ответил, что и то, и другое имеют сходные очертания, поэтому и то, и другое – тени.

Он указал на высокий вытянутый валун, стоявший вертикально прямо перед нами.

– Взгляни на тень этого валуна. Тень – это валун, но она – не валун. Наблюдать валун с тем, чтобы узнать, что такое валун – это делание. Наблюдать его тень – это неделание. Тени подобны дверям. Дверям в неделание. Человек знания, например, может сказать о самых сокровенных чувствах людей, глядя на их тени.

– В их тенях присутствует какое-то движение? – спросил я.

– Можно сказать, что в них присутствует движение, можно также сказать, что в них видны линии мира, или можно сказать, что из них исходят чувства.

– Но как из тени могут исходить чувства, дон Хуан?

– Считать, что тени суть всего лишь тени – это делание, – объяснил он. – Но это глупо. Подумай сам: если во всем, что есть в мире, присутствует огромное количество чего-то еще, то вполне очевидно, что тени не являются исключением. В конце концов, только наше делание делает их тенями.

Мы долго молчали. Я не знал, что сказать.

– Приближается конец дня, – проговорил дон Хуан, взглянув на небо. – Ты должен воспользоваться этим сверкающим солнечным светом для того, чтобы выполнить еще одно последнее упражнение.

Он подвел меня к двум вертикальным, параллельно стоящим, размером с человека заостренным каменным выступам. Расстояние

между ними составляло примерно полтора метра. Дон Хуан остановился метрах в девяти от них, лицом к востоку. Он показал, где должен был стоять я. Потом он велел мне смотреть на параллельные друг другу тени этих скал. Он сказал, что мне следует свести глаза. Так же, как я это делал, когда сканировал землю, выбирая место для отдыха. Но, в отличие от несфокусированного взгляда при созерцании земли в случае поиска места, сейчас нужно было сохранить максимальную четкость изображения. Задача заключалась в том, чтобы, сводя глаза, дать одной тени наложиться на другую. Дон Хуан объяснил, что с помощью этого можно уловить особое, исходящее от теней чувство. Я сказал, что объяснения его весьма туманны, но он заявил, что описать то, что он имеет в виду, действительно невозможно.

Я попытался выполнить упражнение. Тщетно. Я не отступал. В конце концов, разболелась голова. Но дон Хуана моя неудача ни в малейшей степени не обескуражила. Он взобрался на куполообразную скалу и крикнул, чтобы я поискал два небольших продолговатых камня. Руками он показал мне, какой они должны быть величины.

Я нашел два подходящих камня и отнес их ему. Дон Хуан воткнул их в трещину на расстоянии тридцати сантиметров друг от друга. Меня он поставил над ними, лицом к западу, и велел мне повторить упражнение с тенями этих камней.

На этот раз все было иначе. Почти сразу же мне удалось свести глаза и воспринять эти две отдельные тени так, как если бы они слились в одну. Я отметил, что смотрение без сведения изображений придавало сформированной тени невероятную глубину и своего рода прозрачность. Я ошеломленно пристально смотрел на нее. Каждая выемка в той области, где были сфокусированы мои глаза, была ясно различимой, а составная тень, наложенная на это, была подобна неопишимо прозрачной пленке.

Моргать не хотелось. Я боялся потерять изображение, фиксация которого, как я чувствовал, была такой непрочной. Но, в конце концов, жжение в глазах сделалось невыносимым, и я моргнул. Однако изображение никуда не делось. Более того, оно

даже стало более четким, видимо, вследствие смачивания роговицы. Я обнаружил, что как бы смотрю с неизмеримой высоты на совершенно новый, доселе невиданный мир. Я также заметил, что могу просматривать окрестности тени, не теряя фокусировки визуального восприятия. Затем, на мгновение, я утратил ощущение, что смотрю на поверхность камня. Я спустился в странный бесконечный мир, простиравшийся за все мыслимые и немыслимые пределы. Но это необычайное восприятие продолжалось лишь миг, а потом все вдруг разом выключилось. Я поднял глаза. Дон Хуан стоял прямо передо мной, заслонив спиной солнечный свет, падавший на камни.

Я описал ему свое необычное ощущение. Он объяснил, что вынужден был все это прервать, поскольку увидел, что я уже почти затерялся там. Дон Хуан сказал, что тенденция потворствовать себе вполне естественна для нас, когда речь идет об ощущениях такого рода, и что, потакая себе, я почти превратил «неделание» в старое знакомое «делание». Еще он сказал, что мне нужно было поддерживать изображение, не поддаваясь ему, потому что привычка поддаваться – это путь делания.

Я пожаловался на то, что не был готов. Дону Хуану следовало предварительно объяснить мне, чего можно ожидать и как действовать. Но он ответил, что не мог заранее знать, удастся мне слить тени воедино или нет.

Я вынужден был признаться, что теперь «неделание» стало для меня еще более загадочным, чем прежде. Дон Хуан сказал, что я и так должен быть вполне удовлетворен. Мне с первого раза удалось очень многое выполнить правильно. Уменьшая мир, я увеличил его и, несмотря на то, что до ощущения линий мира мне было еще далеко, я правильно использовал тень от камней в качестве двери в «неделание».

Утверждение о том, что «уменьшая мир, я увеличил его», бесконечно меня заинтересовало. Детали пористой поверхности камня, на небольшом участке которого был сфокусирован мой взгляд, воспринимались настолько живо и вырисовывались с такой точностью, что поверхность куполообразной скалы превратилась для

меня в бескрайний мир. И в то же время это было уменьшенное изображение камня. Когда дон Хуан заслонил свет, и я обнаружил, что смотрю самым обычным образом, мельчайшие подробности изображения стали неясными, крохотные отверстия в пористой поверхности камня увеличились, коричневый цвет застывшей лавы сделался матовым, и все утратило сияющую прозрачность, превращавшую камень в реальный мир.

Дон Хуан взял оба камня и аккуратно опустил их в глубокую трещину, а потом сел, скрестив ноги, на том месте, где стояли камни, лицом к западу. Он похлопал ладонью по камню слева от себя и предложил мне сесть.

Мы долго сидели молча. Затем так же молча поели. И только после захода солнца дон Хуан неожиданно спросил, как у меня обстоят дела со «сновидением».

Я ответил, что раньше все шло хорошо и просто, но что к этому моменту я перестал находить во сне свои руки.

– Когда ты начинал, ты пользовался моей личной силой. Поэтому сперва все шло хорошо и просто, – объяснил дон Хуан, – Теперь ты пуст. Но тебе не следует оставлять попыток. До тех пор, пока ты не накопишь достаточно собственной силы. Видишь ли, сновидение – это неделание снов. По мере того, как ты будешь прогрессировать в неделании, ты будешь прогрессировать также в сновидении. Весь фокус состоит в том, чтобы не прекращать поиски рук во сне, даже если не веришь в то, что это имеет какой-либо смысл. В самом деле, я же тебе говорил: воину нет нужды верить, потому что когда он действует без веры, он практикует неделание.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

– Мне больше нечего сказать о сновидении, – продолжал он. – Все, что бы я ни сказал, будет неделанием. Но если ты непосредственно возьмешься за неделание, то ты сам будешь знать, что делать в сновидениях. Однако сейчас важно находить руки, и я уверен, что у тебя получится.

– Я не знаю, дон Хуан. Я в себя не верю.

– Веришь ты в кого бы то ни было или нет – не имеет значения. Дело не в этом. Дело в том, что это – борьба война. И ты будешь продолжать бороться. Если не под воздействием своей собственной силы, то под нажимом достойного противника, или с помощью каких-нибудь союзников, вроде того, который уже преследует тебя.

Непроизвольно я резко дернул правой рукой. Дон Хуан сказал, что мое тело знает гораздо больше, чем я подозреваю, поскольку сила, нас преследующая, находится справа от меня. Очень тихо он сообщил мне, что уже дважды за сегодняшний день союзник подходил ко мне так близко, что приходилось вмешиваться и останавливать его.

– Днем дверями в неделание являются тени, – сказал дон Хуан. – Однако ночью, во тьме, мало что остается от делания. И все, включая союзников, становится тенями. Я уже рассказывал тебе об этом, когда учил походке силы.

Я громко рассмеялся и испугался собственного смеха.

– Все, чему я тебя до сих пор учил, – это аспекты неделания, – продолжал он. – Воин применяет неделание ко всему в мире, но рассказать тебе об этом больше, чем рассказал сегодня, я не могу. Ты должен позволить своему телу самостоятельно открыть силу и чувство неделания.

У меня начался еще один приступ нервного смеха.

– С твоей стороны глупо презирать тайны мира лишь потому, что ты знаешь делание презрения, – сказал он с очень серьезным выражением лица.

Я заверил его, что никогда никого и ничего не презирал, но что я просто нервничаю гораздо сильнее и чувствую себя гораздо более невежественным, чем он полагает.

– Со мной всегда так было, – сказал я. – Но я хочу измениться, однако не знаю как. Я такой бестолковый.

– Я уже знаю, что ты считаешь себя испорченным, – произнес дон Хуан. – И это – твоё делание. Теперь, для того, чтобы повлиять на это делание, я порекомендую тебе научиться другому деланию. С этого момента в течение восьми дней тебе следует себя обманывать. Вместо того чтобы говорить себе, что ты испорчен, порочен и бестолков, ты будешь убеждать себя в том, что ты – полная этому противоположность. Зная, что это – ложь и что ты абсолютно безнадёжен.

– Но какой смысл в этом самообмане, дон Хуан?

– Это может зацепить тебя за другое делание, и затем ты, возможно, осознаешь, что оба эти делания – ложь, что они нереальны, и привязывать себя к какому-либо из них – пустая трата времени, и что единственной реальной вещью является то существо в тебе, которое умрет. Прибытие к этому существу является неделанием собственной личности⁸.

⁸ Self – собственная личность, сам, «я», эго.

Глава 16. Кольцо силы

Суббота, 14 апреля 1962

Дон Хуан взвесил на руке наши тыквенные фляги с провизией и сказал, что пора возвращаться домой, поскольку запасы на исходе. Как бы, между прочим, я заметил, что добраться до его дома мы сможем не раньше, чем через пару дней. Он сказал, что собирается не к себе домой, в Сонору, а в один приграничный городок, где у него есть дела.

Я думал, что мы отправимся вниз по каньону, но дон Хуан повел меня по высокому вулканическому плато на северо-запад. Примерно через час мы пришли в глубокое ущелье, которое заканчивалось в том месте, где два пика почти соприкасались. Там был склон, очень странный склон. Он поднимался почти до верха гряды и выглядел как косой вогнутый мост между двумя пиками.

Дон Хуан указал мне участок на поверхности склона:

– Смотри туда неотрывно. Солнце почти в нужном месте.

Он объяснил, что свет полуденного солнца может помочь мне в плане «неделания». Затем он велел мне сделать следующее: ослабить ремень и все тугие и облегающие детали одежды, сесть, скрестив ноги, и напряженно созерцать то место, которое он мне указал.

Облаков на небе было очень мало, а на западе – вообще ни одного. Стояла жара, и лучи солнца падали на отвердевшую лаву. Я внимательно созерцал.

Прошло довольно много времени. Наконец я не выдержал и спросил:

– Собственно говоря, а что именно я созерцаю? То есть – что предполагается увидеть?

Дон Хуан нетерпеливым жестом велел мне замолчать.

Я устал. Хотелось спать, и я прикрыл глаза. Они чесались, и я потерял их. Но руки были липкими и мокрыми. От пота глаза начало жечь. Я посмотрел сквозь полуопущенные веки на лавовые пики, и вдруг вся гора вспыхнула.

Я сказал дону Хуану, что, когда глаза мои прищурены, я вижу окружающие горы как хитросплетение световых волокон.

Дон Хуан велел мне дышать как можно реже и мельче, чтобы сохранить видение световых волокон и не смотреть на это пристально, а непринужденно смотреть в точку на горизонте над самым склоном. Я так и сделал. Я увидел бесконечную даль, покрытую паутиной света. Картина была довольно устойчивой.

Очень мягко дон Хуан велел мне попытаться выделить в поле световых волокон темные пятна. Как только я выделяю такое пятно, я должен открыть глаза и посмотреть, в каком месте склона оно расположено.

Я не воспринимал никаких темных областей. Я прищурил глаза, несколько раз широко открыл их и снова прищурил. Дон Хуан подошел ко мне и указал на область справа от меня, а потом – еще на одну, прямо передо мной. Я попытался немного изменить позу. Мне казалось, что, изменив перспективу, я увижу предполагаемые темные области, на которые указывал дон Хуан. Но он дернул меня за рукав и сурово приказал не двигаться и проявить терпение.

Я прищурил глаза и опять увидел паутину световых волокон. Некоторое время я смотрел на нее, а потом открыл глаза шире. В это мгновение послышался гул – его легко можно было принять за гудение пролетавшего вдалеке реактивного самолета – а потом широко открытыми глазами я увидел, что все горы передо мной превратились в поле, составленное крохотными бесчисленными точками света. словно множество сверкающих вкраплений в отвердевшей лаве вдруг разом отразило свет солнца в мою сторону. Потом солнечный свет потускнел и как бы выключился, а горы снова

превратились в массу однородного коричневого камня. Одновременно подул ветер, и стало прохладно.

Я решил, что солнце скрылось за облаком, и попытался было оглянуться, чтобы убедиться в этом. Но дон Хуан схватил меня сзади за голову и не дал ее повернуть. Он сказал, что, обернувшись, я могу увидеть одну из сущностей гор – того союзника, который за нами увязался, а сил у меня явно недостаточно, чтобы выдержать напряжение зрелища такого рода. Затем он многозначительно добавил, что гул, который я слышал, – это особый способ, которым союзник извещает о своем присутствии.

Затем дон Хуан встал и объявил, что нам предстоит взобраться вверх по склону.

– Куда мы направляемся? – спросил я.

Он указал в сторону одной из областей, выделенных им ранее в качестве темных пятен. Он объяснил, что «неделание» позволило ему определить это место как возможный центр силы или, что тоже вполне вероятно, как место, на котором находится предмет силы.

После очень трудного восхождения мы, наконец, туда добрались. Дон Хуан некоторое время неподвижно стоял в двух метрах передо мной. Я двинулся было, чтобы шагнуть к нему, но он рукой сделал мне знак стоять на месте. Казалось, он пытался сориентироваться. Я видел, как двигается его затылок, когда он осматривал склон сверху вниз и обратно. Потом он уверенным шагом подошел к небольшому карнизу, сел и рукой смахнул с него песок. Затем пальцем провел канавку вокруг небольшого камня, торчавшего из земли, и велел мне его выкопать.

Когда я добыл камень, он приказал тут же засунуть его за пазуху, потому что камень этот – предмет силы и принадлежит он теперь мне. Дон Хуан сказал, что отдает его мне на хранение, и что я должен отполировать его и заботиться о нем.

Сразу после этого мы начали спускаться в каньон, а через пару часов были уже на пустынном плоскогорье у подножья лавовых гор. Дон Хуан в хорошем темпе шел метрах в трех впереди меня. Мы

двигались на юг, пока солнце не опустилось совсем низко. За сплошной пеленой облаков мы не видели заката, однако подождали, пока солнце наверняка не скрылось за горизонтом. Потом мы отправились дальше, но теперь дон Хуан изменил направление и вел меня на юго-восток. Мы поднялись на холм, и я заметил четырех человек, которые приближались к нам с юга.

Я взглянул на дону Хуана. За все время наших с ним совместных путешествий мы ни разу не встречали ни единого человека. Я не знал, как вести себя в подобных случаях, но дон Хуан, казалось, ничуть не был обеспокоен. Он продолжал идти, как шел, словно ничего не произошло.

Те четверо приближались к нам с юга. Они явно никуда не спешили и шли медленно, почему-то петляя по пустыне. Когда мы подошли к ним поближе, я рассмотрел, что это – четверо молодых индейцев. Они узнали дону Хуана. Он заговорил с ними по-испански. Они отвечали очень вежливо и мягко и явно относились к дону Хуану с огромным почтением. Из них лишь один заговорил со мной. Я шепотом спросил у дону Хуана, можно ли мне с ними разговаривать. Он кивнул.

Когда мы с ними разговорились, оказалось, что они очень приветливы и общительны, в особенности – тот, который заговорил со мной первым. Они рассказали мне, что ищут кристаллы кварца, обладающие силой, и что бродят в окрестностях лавовых гор уже много дней, но удача так ни разу и не улыбнулась им.

Дон Хуан осмотрелся и указал на каменистый участок пустыни метрах в двухстах от того места, где мы стояли.

– Там есть хорошее место для ночевки, – сказал он и направился туда.

Мы пошли за ним следом.

Место, куда он нас привел, было очень неровным и лишенным какой бы то ни было растительности. Все уселись на камни. Дон Хуан сказал, что вернется обратно в чапараль, чтобы набрать хвороста на костер. Я поднялся было, чтобы ему помочь, но он

шепнул мне на ухо, что намерен сложить особый костер специально для этих смелых юношей, и я ничем не могу ему в этом помочь.

Юноши расселись вокруг меня тесной кучкой, причем один из них сел со мной спина к спине. Я почувствовал по этому поводу некоторое смущение.

Вернулся дон Хуан с охапкой хвороста. Он похвалил юношей за осторожность и предусмотрительность. Мне он объяснил, что все четверо – ученики мага, и что есть такое правило: во время охоты за предметами силы необходимо располагаться кольцом, в центре которого два человека должны сесть спина к спине.

Один из юношей спросил, доводилось ли мне самому когда-либо находить кристаллы. Я ответил, что дон Хуан никогда не давал мне задания их искать.

Дон Хуан выбрал место рядом с большим валуном и принялся сооружать костер. Ни один из юношей не пошевелился, чтобы помочь ему. Но все четверо с пристальным вниманием наблюдали за каждым его жестом. Когда огонь разгорелся, дон Хуан сел, прислонившись спиной к валуну. Костер находился от него по правую руку.

Юноши определенно знали, что происходит. Но я не имел ни малейшего понятия о том, что следует делать при встрече с учениками мага.

Я наблюдал за юношами. Они расположились правильным полукругом, лицом к дону Хуану. Я обратил внимание на то, что дон Хуан сидит лицом ко мне, а юноши – по бокам от меня, двое – справа, двое – слева.

Дон Хуан заговорил. Он рассказал им о том, что я был в лавовых горах, где учился «неделанию», и что нас преследовал союзник. Начало показалось мне весьма драматичным. И я не ошибся. Все юноши изменили позу, сев на ступню левой ноги.

До этого я не обращал внимания на их позы, считая, что они сидят так же, как и я – скрестив ноги. Мельком взглянув на дона

Хуана, я обнаружил, что он тоже сидит, подогнув левую ногу. Он сделал еле заметный жест подбородком, указывая на мою позу. Я непроизвольно подогнул под себя левую ногу.

Дон Хуан говорил мне однажды, что такую позу маг принимает, когда обстоятельства складываются каким-то непредвиденным образом. Однако меня эта поза всегда очень сильно утомляла. Я чувствовал, что просидеть в ней все время, пока он не закончит говорить, будет довольно трудно. Дон Хуан, казалось, отлично осознавал всю невыгодность положения, в котором я находился, и потому был краток. Он объяснил юношам, что кристаллы кварца на этом плоскогорье можно найти только в некоторых особых местах. Найдя кристаллы, нужно убедить их согласиться покинуть свое место. Для этого существуют специальные приемы. Если это удастся сделать, то кристаллы сливаются с человеком, и сила их превосходит все мыслимые пределы.

Дон Хуан сказал, что кристаллы обычно собраны в гроздь. Тот, кто нашел такую гроздь, имеет право выбрать из нее пять самых больших и красивых кристаллов и отделить их от основания. Его задача – обработать и отполировать их, заострив и придав им размеры и форму, соответствующие пальцам его правой руки. Затем он сказал нам, что кристаллы были оружием, используемым в колдовстве, что их обычно метали с целью убить и что они пронзали тело врага, а затем возвращались в руку владельца, как если бы никогда не покидали ее.

Затем дон Хуан рассказал, что в оружие кристаллы превращает дух, и объяснил, как его искать. Прежде всего нужно выбрать место, подходящее для того, чтобы выманить духа. Это место следует искать на вершине холма, взмахивая из стороны в сторону рукой с обращенной вниз ладонью до тех пор, пока ладонь не ощутит тепло. На том месте, над которым рука начала нагреваться, нужно развести костер. Дон Хуан объяснил, что костер привлечет союзника, и тот обнаружит себя серией последовательных звуков. Человек, который ищет союзника, должен отправиться в том направлении, откуда эти звуки донесутся, и идти до тех пор, пока союзник не появится прямо перед ним.

Затем необходимо вступить с союзником в борьбу и одолеть его, прижав к земле. Именно в этот момент можно заставить союзника прикоснуться к кристаллам, чтобы наполнить их силой.

Дон Хуан предупредил, что в лавовых горах обитает множество духов другого типа, которые не относятся к союзникам. Они не шумят и появляются только в виде мелькающих теней, которые никакой силой не обладают.

Дон Хуан сказал, что внимание союзника можно привлечь ярко раскрашенным пером или хорошо отполированными кристаллами кварца, но, в конце концов, годится любой предмет, поскольку значение имеет не то, чтобы найти предметы, а то, чтобы найти силу, которая бы наполнила их силой.

– Какой смысл таскать с собой красиво отполированный кристалл, если не можешь найти союзника, чтобы тот наполнил твой кристалл силой? – сказал дон Хуан. – Однако если у тебя нет кристаллов, а ты нашел и поборол союзника, ты можешь подсунуть ему что угодно, лишь бы он прикоснулся. Подсунь ему хоть собственный член, если под рукой не окажется ничего более подходящего.

Юноши сдержанно засмеялись. Самый смелый из них, тот, который первым заговорил со мной, смеялся громче всех.

Я заметил, что дон Хуан расслабился и снова сидит со скрещенными ногами. Все юноши сделали то же самое. Я хотел непринужденно пересесть в более удобную позу, но в колене то ли что-то защемило, то ли судорога свела какую-то мелкую мышцу, и мне пришлось встать и несколько минут побегать на месте.

Дон Хуан не преминул пройтись по этому поводу. Он сказал, что я, видать, давно не тренировался в преклонении колен, поскольку не заходил в церковь с тех пор, как с ним снюхался.

Это замечание вызвало оживление. Все четверо начали нервно посмеиваться, некоторые при этом закрыли лица ладонями.

– А теперь, парни, я вам кое-что покажу, – сообщил дон Хуан, когда смех прекратился.

Я решил, что он собирается показать нам некоторые из предметов силы, которые всегда носил в своей сумке. Я думал, что юноши сейчас подойдут и сгрудятся вокруг него, но они синхронно наклонились слегка вперед, подтянули левую ногу и сели в мистическую позу, столь неблагоприятно отражавшуюся на моем колене.

Я тоже подтянул ногу, стараясь при этом выглядеть как можно естественнее. Я обнаружил, что если не садиться на ступню, а оставаться как бы в полуколенопреклоненном положении, то колено болит не так сильно.

Дон Хуан встал и зашел за валун.

Должно быть, пока я разбирался со своими коленями, он подбросил в огонь хвороста, потому что там что-то затрещало, и языки пламени выросли, чуть ли не вдвое. Это каким-то образом накалило обстановку. Вдруг дон Хуан вышел из-за валуна и встал на том месте, где перед этим сидел. Я был ошарашен. На голове у него красовалась настоящая пиратская треуголка с круглым верхом и торчащими по бокам сложенными полями. Одет он был в длинный сюртук с фалдами, застегнутый на одну-единственную блестящую пуговицу, и у него была деревянная нога!

Вид у него был на редкость дурацкий, я даже про себя рассмеялся. Интересно, откуда он все это взял здесь, в дикой пустыне? Наверное, заранее припрятал за камнем. Я подумал, что ему бы еще черную повязку на глаз да попугая на плечо – и будет точь-в-точь вылитый пират из детской книжки.

Дон Хуан медленно обвел всех взглядом слева направо. Потом посмотрел вверх и уставился во тьму за нашими спинами. Немного постояв, он снова начал обходить валун и скрылся за ним.

Я не заметил, как он шел. Чтобы изобразить человека на деревянной ноге, ему, конечно, пришлось согнуть ногу в коленке, и когда он повернулся спиной, я должен был бы это заметить. Но я,

видимо, был настолько впечатлен всей этой мистификацией, что не обратил внимания на детали.

Как только дон Хуан повернулся и пошел вокруг валуна, огонь утратил яркость. Я отдал должное точности расчета дона Хуана. Это же надо было так четко вычислить, сколько будет гореть свежесброшенный хворост, и организовать выход в строгом соответствии с поведением огня!

На четырех молодых индейцев изменения интенсивности пламени произвели очень сильное впечатление – по их телам даже пробежала нервная дрожь. Когда огонь уменьшился, все четверо вернулись в позу со скрещенными ногами.

Я надеялся, что дон Хуан вот-вот выйдет из-за валуна и займет свое место, но он не появлялся. Я с нетерпением ожидал. Его все не было. Молодые люди сидели с бесстрастными лицами. Дона Хуана не было.

А я никак не мог понять, чего он этим представлением хотел добиться. После долгого ожидания я обратился к юноше, сидевшему справа от меня, и спросил, не усмотрел ли он какого-либо скрытого значения в тех странных атрибутах, которые надел на себя дон Хуан, – смешной шляпе и длинном сюртуке с фалдами, – а также в том, что он вышел на деревянной ноге.

Юноша взглянул на меня с довольно смешным выражением озадаченности на лице. Казалось, что-то его смутило. Я спросил то же самое у другого юноши, который сидел рядом с первым и внимательно на меня смотрел.

Они переглянулись с видом полнейшего недоумения. Я сказал, что в этой шляпе и в сюртуке дон Хуан на своей деревяшке превратился в форменного пирата.

К этому времени все четверо уже придвинулись ко мне и сидели совсем рядом. Они мягко посмеивались и нервно ежились. Казалось, они хотят что-то сказать, но не знают, как начать. Наконец, самый решительный из них заговорил. Он сказал, что на доне Хуане не было шляпы и сюртука, и уж наверняка – никакой

деревяшки. А была на нем черная сутана с капюшоном, как у монаха, и сутана эта ниспадала до самой земли.

– Нет! – негромко воскликнул другой юноша. – Не было никакой сутаны.

– Это верно, – согласились остальные.

Тот, который первым со мной заговорил, смотрел на меня с недоверием.

Я сказал, что нам нужно тщательно и спокойно во всем разобраться, и что я уверен – дон Хуан специально не появляется, давая нам на это время.

Молодой человек, сидевший вторым справа от меня, сообщил, что дон Хуан был одет в лохмотья. На нем было поношенное пончо или какая-то похожая индейская одежда и обвисшее сомбреро. В руках он держал корзину, в которой лежали какие-то странные предметы. Что именно было в корзине, юноша сказать не мог. Он добавил только, что дон Хуан был похож не на нищего бродягу, но скорее на человека, возвращающегося из далекого путешествия с какими-то непонятными вещами.

Юноша, видевший дону Хуана в черной сутане, заявил, что у того в руках не было ничего, а волосы были длинными и спутанными, словно это был страшный дикарь, только что убивший монаха и надевший его сутану. Даже монашеское одеяние не могло скрыть его дикости.

Молодой человек, сидевший слева от меня, мягко усмехнулся и сказал, что все это – очень странная мистика, потому что дон Хуан был одет, как солидный господин, только что сошедший с лошади. На нем были кожаные краги для верховой езды, большие шпоры, в руках – плеть, которой он постукивал по левой ладони, на голове – чиуауанская шляпа с конической тульей, а за поясом – два автоматических пистолета сорок пятого калибра. Дон Хуан выглядел точь-в-точь как преуспевающий ранчero.

Юноша, сидевший вторым слева от меня, застенчиво засмеялся и не захотел рассказать, что видел он. Я пытался было его упрощивать, но остальным, похоже, это было неинтересно. Казалось, он слишком застенчив, чтобы поддерживать беседу.

Дон Хуан вышел из-за валуна, когда огонь уже почти совсем погас.

– Нам лучше оставить этих молодых людей с их деланиями, – сказал он. – Попрощайся с ними.

И он пошел прочь. Медленно, чтобы дать мне возможность попрощаться. На них он даже не взглянул.

Молодые люди обняли меня.

Пламя угасло, но мерцающие угли еще давали немного света. Темная фигура дон Хуана маячила в нескольких шагах. Индейцы расселись в кружок и замерли иссиня-черными силуэтами на фоне окружающей тьмы.

И в этот миг все происшедшее как-то разом вдруг на меня подействовало. Холодок пробежал по позвоночнику. Я поспешил догнать дон Хуана. Тоном настоящего требования он сказал, что мне не следует оглядываться на индейцев, потому что они уже превратились в кольцо теней.

Животом я ощутил какую-то внешнюю силу, словно невидимая рука сдавила меня. Я непроизвольно вскрикнул. Дон Хуан шепнул, что в этих краях так много силы, что мне легко будет воспользоваться «походкой силы».

Мы бежали несколько часов. Пять раз я упал. Дон Хуан громко отсчитывал все мои падения. Потом он остановился.

– Сядь, забейся в щель между камнями, свернись калачиком и закрой руками живот, – шепнул он мне на ухо.

Воскресенье, 15 апреля 1962 года

Утром мы отправились в путь, едва стало достаточно светло для того, чтобы идти. Дон Хуан привел меня к месту, где я оставил машину. Я был голоден, но чувствовал себя свежим и хорошо отдохнувшим.

Мы позавтракали галетами и запили их минеральной водой, которая была у меня в машине. Я хотел задать дону Хуану несколько вопросов, не дававших мне покоя, но он приставил палец к губам.

В полдень мы были уже в приграничном городке, где дон Хуан намеревался со мной расстаться. Мы зашли в ресторан пообедать. Зал был пуст. Мы сели за столик у окна, выходявшего на людную, заполненную транспортом главную улицу городка.

Дон Хуан вроде бы расслабился, глаза его задорно поблескивали. Я почувствовал воодушевление и забросал его вопросами. В основном мне хотелось знать о его маскировке.

– Просто я показал тебе частичку своего неделания, – сказал он, и глаза его как бы вспыхнули.

– Но все мы видели тебя по-разному, – сказал я, – Как ты это сделал?

– Все очень просто, – ответил он. – Это была лишь маскировка, поскольку все, что мы делаем, в известном смысле, лишь маскировка. Все, что мы делаем, как я уже говорил тебе, это вопрос делания. Человек знания может зацепиться за делание любого человека и явить тому разного рода мистику. Но на самом деле это – не мистика вовсе. Вернее, мистика, но лишь для того, кто увяз в делании. Те четверо, как и ты, пока еще не осознали, что такое неделание, поэтому одурачить вас – проще простого.

– Но каким образом ты нас одурачил?

– Для тебя мое объяснение будет полной бессмыслицей. Пока что у тебя нет никакой возможности это понять.

– А ты попробуй. Ну, пожалуйста, дон Хуан...

– Скажем так: когда человек рождается, он приносит с собой маленькое кольцо силы. Это кольцо почти мгновенно начинает использоваться. Таким образом, каждый из нас уже с рождения зацеплен, и наши кольца силы сцеплены с кольцами силы всех окружающих. Другими словами, наши кольца силы зацеплены за делание мира для того, чтобы создавать мир.

– Приведи пример, может быть тогда я пойму, – попросил я.

– Например, кольца силы – твое и мое – в данный конкретный момент зацеплены за делание этой комнаты. Мы ее создаем. Наши кольца силы в данный момент сплетают⁹ к существованию эту самую комнату.

– Постой, постой, – перебил я. – Эта комната существует сама по себе. Я не создаю ее, у меня нет с ней ничего общего.

Мое возражение, достаточно основательное с моей точки зрения, не произвело на дона Хуана никакого впечатления. Он очень спокойно повторил, что эта комната была вызвана к существованию и удерживалась на месте вследствие силы кольца силы каждого.

– Видишь ли, – продолжал он, – каждый из нас знает делание комнат, поскольку значительную часть своей жизни мы так или иначе проводим в комнатах. А человек знания развивает другое кольцо силы. Я назвал бы его кольцом неделания, потому что оно зацеплено за неделание. Поэтому с помощью этого кольца он может сплестать другой мир.

Девушка-официантка принесла то, что мы заказывали. На лице ее было написано подозрение. Дон Хуан шепнул, чтобы я

⁹ To spin – прясть, сушить, плести (о пауке); крутить(ся), вертеть(ся).

заплатил сразу, потому что она сомневается в моей платежеспособности.

– Она не верит тебе, но ее вины в этом нет, – сказал он и разразился хохотом. – После нашей прогулки ты на черта похож.

Я заплатил по счету и дал чаевые, после чего официантка ушла. Я уставился на дон Хуана, пытаюсь снова ухватить нить нашей беседы. Он пришел мне на помощь:

– Твоя проблема заключается в том, что ты еще не развил дополнительного кольца силы, и тело твое не знает неделания.

Я не понял. Мое сознание было замкнуто на довольно прозаическом вопросе: мне только хотелось знать, надевал он пиратский костюм или не надевал. Я спросил.

Дон Хуан не ответил. Вместо этого он забился в приступе хохота. Я умолял его все мне объяснить.

– Да я же объяснил! Только что все объяснил!

– То есть ты хочешь сказать, что не переодевался?

– Я только зацепил свое кольцо силы за твое собственное делание. А все остальное сделал ты сам, как и остальные.

– Невероятно!

– Нас всех обучили соглашаться по поводу делания, – мягко произнес он. – Ты даже понятия не имеешь, какую мощь, какую силу несет в себе это соглашение. Но, к счастью, неделание настолько же чудотворно и могущественно.

Я ощутил, как по животу пробежала неконтролируемая волна напряжения. Между тем, что я видел вчера, и его объяснением лежала такая пропасть, преодолеть которую я был не в силах. И, как всегда, в качестве последнего средства защиты я избрал сомнения и неверие. В сознании возник вопрос: а что, если дон Хуан все подстроил, предварительно договорившись с той четверкой?

Я сменил тему и спросил его о четырех учениках мага:

– Ты говорил, что они были тенями, да?

– Да.

– Это были союзники?

– Нет, это были ученики одного моего хорошего знакомого.

– Почему же ты сказал, что они – тени?

– Потому что в тот миг к ним прикоснулась сила неделания. А поскольку они не так тупы, как ты, они сдвинули себя в нечто, совершенно отличное от всего, что тебе известно. И я не хотел, чтобы ты это видел. Это только травмировало бы тебя.

Вопросов у меня больше не было. И я не был голоден. Дон Хуан ел с большим аппетитом, и настроение у него было отличное. Но я чувствовал себя подавленным. Неожиданно я ощутил какую-то всепоглощающую усталость. Я осознал, что путь дона Хуана для меня недоступен. У меня нет качеств, необходимых для того, чтобы стать магом.

– Вероятно, тебе поможет еще одна встреча с Мескалитом, – сказал дон Хуан.

Я заверил его, что вот об этом уж как раз я и не думал. Более того, мне не хотелось даже допускать мысли о возможности такого шага.

– Для того, чтобы позволить твоему телу извлечь пользу из всего того, чему ты научился, с тобой должны произойти очень жесткие вещи, – сказал он.

Я отважился предположить, что поскольку не был индейцем, я не совсем подходил для такой необычной жизни, какой являлась жизнь мага.

– Возможно, если бы я выпутался из всех своих обязательств, то мог бы действовать в твоём мире несколько лучше. Или если бы

отправился с тобой в дикие места и жил бы там, – сказал я. – А сейчас я одной ногой стою в одном мире, второй – в другом, и в итоге от меня нет никакого проку ни здесь, ни там.

Дон Хуан долго на меня смотрел.

– Это – твой мир, – произнес он, кивнув на людную улицу за окном. – Ты – человек этого мира. И там, в этом мире – твои охотничьи угодья. Невозможно уйти от делания своего мира. И воину остается только одно – превратить свой мир в свои охотничьи угодья. Воин – охотник, и как охотник он знает: мир создан для того, чтобы его использовали. И воин использует каждую частицу мира. Воин подобен пирату – он берет все, что хочет, и использует так, как считает нужным, и по этому поводу не испытывает никаких сомнений в своей правоте. Но, в отличие от пирата, воин не чувствует себя оскорбленным и не возражает, если кто-то или что-то берет и использует его самого.

Глава 17. Достойный противник

Вторник, 11 декабря 1962

Мои ловушки были совершенны. Я устанавливал их по всем правилам. Я видел кроликов, белок и других грызунов, а также птиц. Но за целый день так никого и не поймал.

Рано утром, прежде чем мы вышли из его дома, дон Хуан сказал мне, что сегодня мне следует ожидать «подарка силы». В мои ловушки должно было попасть некое особенное, исключительное животное, мясо которого я смогу засушить в качестве «мяса силы».

Теперь же дон Хуан пребывал в задумчивости. По поводу моих охотничьих манипуляций и неудач он не сказал ни слова и не дал мне ни единого совета. В конце концов, он медленно произнес:

– Некто вмешивается в твою охоту.

– Кто? – спросил я с неподдельным изумлением.

Он взглянул на меня, улыбнулся и недоверчиво покачал головой:

– Ты ведешь себя так, словно не знаешь – кто. А ведь ты знал об этом весь день.

Я собрался было возразить, но потом понял, что это ни к чему. Я знал, что на вопрос «кто?», он, в конце концов, ответит: «Ла Каталина». И если это было тем, что, по его словам, я должен знать, то он прав. Я действительно знал – кто.

– Мы можем поступить двояко, – сказал он. – Либо сейчас же отправиться домой, либо дождаться сумерек и в сумерках ее изловить.

Он явно ждал моего решения. Я хотел уйти и начал сматывать бечевку, которой что-то в этот момент привязывал. Но сказать ему о своем решении не успел. Дон Хуан опередил меня, резко приказав:

– Сядь! Уйти – проще, и это, пожалуй, самое трезвое решение, которое мы можем сейчас принять. Но сегодняшний случай – особый, и поэтому мне кажется, что мы должны остаться. Это представление устроено специально для тебя.

– Что ты имеешь в виду?

– Некто мешает тебе, тебе в частности, и это делает все это твоим личным шоу. Я знаю кто, и ты это то же знаешь.

– Ты меня пугаешь, – сказал я.

– Не я, – со смехом отвечал он. – Тебя пугает та женщина, которая крадется там.

Он замолчал, как бы ожидая, какой эффект произведут на меня его слова. Пришлось признать, что я – в ужасе.

Чуть больше месяца назад у меня было жуткое столкновение с колдуньей по прозвищу Ла Каталина. Рискуя жизнью, я тогда напал на нее. Дело в том, что дону Хуану удалось убедить меня, что она охотится за ним и вот-вот лишит его жизни, и что он не в состоянии защититься самостоятельно. После того, как я попытался на нее напасть, дон Хуан открыл мне, что она никогда не представляла для него сколько-нибудь реальной опасности. Вся же эта затея была организована им специально, чтобы меня перехитрить. Но не в качестве коварного розыгрыша, а в качестве ловушки, чтобы заманить меня.

Метод его был воспринят мною как крайне неэтичный. Я был буквально взбешен.

В ответ на мою бурную реакцию дон Хуан принялся напевать мексиканские песенки. Он так комично пародировал популярных исполнителей, что в конце я хохотал, как ребенок. До этого я понятия не имел о богатстве его репертуара идиотских шлягеров.

– Давай-ка я тебе кое-что расскажу, – сказал он, наконец, по поводу всей этой истории с колдуньей. – Если нас не обмануть, мы никогда не будем учиться. То же самое было со мной. То же происходит с каждым. В том и состоит искусство бенефактора, чтобы загнать нас в угол, из которого нет другого выхода. Бенефактор может лишь показывать путь и обманывать. Я обманывал тебя раньше. Помнишь, каким способом я зацепил твой охотничий дух? Ты сам сказал мне, что охота заставляет тебя забыть об изучении растений. Ради того, чтобы стать охотником, ты был готов на многое, на что никогда не согласился бы ради изучения растений. А теперь, чтобы выжить, тебе придется сделать гораздо больше.

Он пристально взглянул на меня и рассмеялся.

– Это все – безумие, – сказал я. – В конце концов, ведь мы же разумные существа.

– Ты – разумное, а я нет.

– И ты – тоже, – настаивал я. – Ты – чуть ли не самый разумный человек из всех, с кем мне доводилось иметь дело.

– Ладно, не будем спорить. Я – разумен. И что?

Я вовлек его в спор о том, зачем было нам – двум разумным людям – вести себя в отношении этой колдуньи столь идиотским и безумным образом.

– Ты – разумен, верно, – яростно заявил он. – И поэтому полагаешь, что очень много знаешь о мире. Но так ли это? Много ли ты знаешь о нем на самом деле? Ведь ты видел только действия людей. И весь твой опыт ограничен лишь тем, что люди делали по отношению к тебе и друг другу. Ты не знаешь ничего об этом таинственном, неизвестном мире.

Он жестом показал мне идти к машине. Мы сели в нее и поехали в небольшой мексиканский городок неподалеку.

Я не спрашивал, куда мы едем. Он велел поставить машину перед рестораном. Потом мы обошли автостанцию и универмаг. Дон

Хуан шел справа от меня, показывая дорогу. Вдруг я осознал, что кто-то идет со мной бок о бок слева. Но, прежде чем я успел повернуться и взглянуть, дон Хуан резко наклонился, словно хотел что-то поднять с земли, а когда я споткнулся об него и начал падать, подхватил меня подмышку и поволок к машине. Он не отпускал меня, даже когда я возился с ключами и открывал дверь. Потом мягко впихнул меня в машину и только после этого сел в нее сам.

– Поезжай медленно и остановись перед магазином, – сказал он.

Когда я остановил машину, дон Хуан кивнул головой. Я посмотрел туда, куда он указывал, и увидел, что Ла Каталина стоит на том месте, где он схватил меня за руку. Я непроизвольно отпрянул. Женщина сделала пару шагов в направлении машины и остановилась с вызывающим видом. Я внимательно оглядел ее и пришел к выводу, что она красива. У нее была очень темная кожа и полное тело, но она казалась сильной и мускулистой. Она выглядела очень сильной. Круглое скуластое лицо и две длинные черные косы. Но больше всего меня поразила ее молодость. Ей было от силы лет тридцать.

– Пусть подойдет поближе, если хочет, – шепнул дон Хуан.

Она сделала три-четыре шага по направлению к машине и остановилась метрах в трех от нас. Мы смотрели друг на друга. В этот миг я почувствовал, что в ней нет ничего угрожающего. Я улыбнулся и помахал ей рукой. Она хихикнула в ладошку, словно застенчивая девчонка. Мне почему-то было приятно. Я повернулся к дону Хуану, чтобы поделиться с ним своими соображениями относительно ее внешности и поведения, но он, до полусмерти меня, напугав, яростно крикнул:

– Вот черт, да не поворачивайся же ты к ней спиной!

Я мгновенно повернулся обратно и взглянул на нее. За это время она подошла еще на два шага и стояла совсем рядом, почти в метре от дверцы машины. Она улыбалась, показывая белые и очень чистые зубы. Однако в этой улыбке было что-то мистически жуткое. Это была не дружелюбная улыбка, а скорее какая-то сдержанная

ухмылка. Ла Каталина улыбалась одними губами. Ее большие черные глаза смотрели холодно и неподвижно.

По моему телу пробежали мурашки. Дон Хуан принялся ритмично смеяться. Постояв еще немного, Ла Каталина, пятась, начала отступать, пока не затерялась в толпе.

Мы поехали прочь, и по пути дон Хуан размышлял о том, что если я не подтяну, не уплотню свою жизнь и не буду учиться, то Ла Каталина раздавит меня как беспомощного клопа.

– Она и есть тот достойный противник, которого я обещал для тебя найти, – сказал он в заключение.

Дон Хуан сказал, что нужно дождаться знака. Тогда будет ясно, что нам делать с женщиной, вмешавшейся в мою охоту.

– Если покажется ворона или послышится карканье, мы будем знать наверняка, что нужно ждать. И где именно ждать, – сказал он и медленно обвел взглядом окружающий пейзаж.

– Здесь мы ждать не будем, – шепотом сообщил он.

Мы пошли на восток. Было уже довольно темно. Вдруг откуда-то сзади из-за высоких кустов вылетели две вороны, пролетели над нами и скрылись за холмом. Дон Хуан сказал, что нас интересует именно этот холм.

Когда мы подошли к холму, дон Хуан обошел его вокруг и выбрал место у подножия, на юго-восточной стороне. Он очистил от хвороста, листьев и прочего мусора круглый пяточок диаметром около двух метров. Я пытался помогать, но дон Хуан с силой отодвинул меня решительным движением руки. Он прижал палец к губам, призывая к молчанию. Закончив готовить место, он втянул меня в центр круга, поставил лицом на юг и спиной к холму и шепнул на ухо, чтобы я повторял его движения. Потом он принялся как бы пританцовывать, ударяя подошвой правой ступни по земле. Серии из семи ровных ударов перемежались короткими сериями из трех быстрых постукиваний.

Я попробовал приспособиться к его ритму, и после нескольких неуклюжих попыток мне более или менее удалось воспроизвести его топанье.

– Для чего это? – спросил я.

Он сказал, что я стучу, как кролик. В конце концов, тот, кто ко мне подбирается, будет привлечен шумом и появится, чтобы взглянуть на то, что происходит.

Когда я полностью перенял его ритм, дон Хуан прекратил топать, велел мне продолжать, и стал дирижировать рукой, чтобы я не сбился с ритма.

Время от времени он внимательно прислушивался, слегка склонив голову набок и как бы пытаюсь разобраться в шумах, доносившихся из чапарала. В какой-то момент он сделал мне знак остановиться и застыл в позе полной готовности, словно собирался прыгнуть на неизвестного и невидимого врага.

Потом он дал мне знак продолжать топать. Через некоторое время снова остановил. Каждый раз, когда я останавливался, он прислушивался с таким сосредоточением, что, казалось, каждая клетка его тела готова была взорваться от напряжения.

Я осмотрелся. Нас окружала темная масса кустарника, холмов и скал. Облака на темно-синем небе уже не были видны. Весь мир казался скоплением однородной массы темных размытых силуэтов.

Я услышал далекий жуткий крик какого-то животного – то ли койота, то ли ночной птицы. Он прозвучал настолько неожиданно, что я даже не обратил на него внимания. Но дон Хуан слегка вздрогнул всем телом. Он подошел и встал рядом, и я почувствовал, что его тело слегка вибрирует.

– Вот и она, – прошептал он. – Топай и будь готов. Она идет.

Я принялся яростно топать. Дон Хуан наступил мне на ногу и знаком, неистово велел мне расслабиться и топать ритмично.

– Не отпугни ее, – прошептал он. – Успокойся и не теряй своих шариков.

Дон Хуан снова принялся отсчитывать ритм взмахами руки. После того, как он остановил меня вторично, я снова услышал тот же крик, но теперь уже заметно ближе. Теперь он был похож на крик птицы, пролетавшей над холмом.

Дон Хуан опять велел мне топать. Когда он остановил меня, слева послышался шорох, словно какой-то тяжелый зверь ходил в кустах по сухой траве. Медведь! Нет, медведи в пустыне не водятся... Я схватил дону Хуана за руку, он улыбнулся и снова поднес палец к губам, призывая к молчанию. Я всматривался во тьму слева от себя, но дон Хуан знаком велел мне этого не делать. Он несколько раз показал на небо над моей головой, а потом велел повернуться кругом и пальцем указал на какую-то точку на холме. Я уставился туда и вдруг, как в ночном кошмаре, оттуда на меня метнулась тень. Я вскрикнул и упал на спину. Мгновение я видел черный силуэт на фоне темно-синего неба. Потом он поплыл по воздуху и приземлился в кустах позади нас. Я услышал треск, словно тяжелое тело проламывалось сквозь кусты, а потом раздался жуткий крик.

Дон Хуан поднялся и повел меня сквозь тьму к тому месту, где остались мои ловушки. Он заставил меня снять и разобрать их, а потом разбросал их детали. Все это он делал без единого слова. Мы молчали всю дорогу до его дома.

– Что ты хочешь от меня услышать? – спросил дон Хуан в ответ на мои настойчивые просьбы объяснить события, свидетелем которых я стал несколько часов назад.

– Что это было? – спросил я.

– Вот черт, ну ты же прекрасно знаешь, кто это был! – воскликнул он. – И не надо замыливать себе глаза нейтральным вопросом «что это было?». Кто это был – вот что важно.

У меня уже было некое подобие объяснения, которое в принципе вполне меня устраивало. Фигура надо мной была очень

похожа на воздушного змея, которого выпустил на холме и тянул за веревочку кто-то, прятаящийся за нами в кустах. Видимо тот, в кустах, в конце быстро потянул змея к себе, отсюда и впечатление, что силуэт пролетел над нами и скрылся в чапарале метрах в пятнадцати-двадцати за нашей спиной.

Дон Хуан внимательно выслушал мое объяснение, а потом долго хохотал, пока по щекам не потекли слезы.

– Слушай, хватит тебе топтаться вокруг да около. Давай ближе к сути. По-твоему, это была не женщина?

Мне пришлось признать, что, упав и взглянув вверх, я заметил силуэт женщины в длинной юбке, пролетающий надо мной в замедленном прыжке. Потом что-то словно дернуло этот силуэт вперед, и он с большой скоростью рухнул в кусты. Именно такой характер движения силуэта создал у меня впечатление, что это был воздушный змей.

Дон Хуан отказался дальше обсуждать происшествие.

Утром следующего дня дон Хуан ушел по каким-то своим загадочным делам, а я сел в машину и отправился в соседний поселок навестить своих знакомых индейцев яки.

Среда, 12 декабря

Как только я приехал в поселок яки, тамошний лавочник-мексиканец сказал мне, что в выездной лавке из Сьюдад Обрегона взял напрокат проигрыватель и два десятка пластинок для «фиесты», которую планировал устроить вечером в честь Девы Гваделупской. Он уже всем рассказал, что достал все через Хулио – продавца выездной лавки, который дважды в месяц приезжал в поселок собирать очередные взносы за дешевую одежду, которую он иногда умудрялся продавать индейцам в рассрочку.

Хулио привез проигрыватель после полудня и подключил его к генератору, от которого питалась электросеть лавки. Он убедился в

том, что все работает, потом включил максимальную громкость, напомнил лавочнику, чтобы тот не трогал никаких кнопок и принялся раскладывать пластинки.

– Я знаю, сколько царапин на каждой из них, – сказал Хулио лавочнику.

– Скажи это моей дочке.

– Отвечаешь ты, а не твоя дочка.

– Это все равно. Кроме нее, к пластинкам никто не притронется.

Хулио сказал, что его мало волнует, будет притрагиваться к пластинкам только она или кто-то еще, потому что платить за поврежденные пластинки все равно придется лавочнику. Тот начал спорить с Хулио. Хулио покраснел. Время от времени он обращался к большой группе индейцев, собравшихся перед лавкой. Он разводил руками, изображая отчаяние, делал расстроенное лицо и соответствующим образом гримасничал. В конце концов, он потребовал залог. Это вызвало новый каскад препирательств о том, сколько платить за поврежденную пластинку. Хулио авторитетно заявлял, что платить нужно полную цену, как за новую. Лавочник злился все сильнее и начал собирать свой удлинитель. Похоже было, что он склонен был отменить все мероприятие и собирался отключить проигрыватель. Своим клиентам, собравшимся перед лавкой, он дал понять, что сделал все, от него зависящее, и если соглашение не достигнуто, то лишь из-за неговорчивости Хулио. Похоже было, что вечеринка провалилась, еще не начавшись.

Блас – старый индеец, в доме которого я остановился, – вслух принялся униженно жаловаться на бедственное положение индейцев яки, которые не могут позволить себе даже отпраздновать свой самый почитаемый религиозный праздник – день Девы Гваделупской.

Я хотел было вмешаться и предложить свою помощь, но Блас меня остановил. Он сказал, что если я внесу залог, то лавочник собственноручно перебьет все пластинки.

– Подонок редкостный, – объяснил Блас. – Путь платит. Обдирает нас, как липку, почему бы ему не заплатить?

После долгой дискуссии, в которой все присутствовавшие, как это ни странно, выступали на стороне Хулио, лавочник добился-таки обоюдоприемлемого решения. Он не внес залог, но согласился принять на себя ответственность за пластинки и проигрыватель.

Хулио сел на мотоцикл и, оставляя за собой пыльный шлейф, укатил клиентам, жившим в домиках, разбросанных по пустыне вдалеке от поселка. Блас объяснил, что Хулио спешит потому, что хочет добраться до них раньше, чем те успеют прийти лавку и пропить все свои денежки в честь праздника. Едва он это сказал, как из-за лавки вышла группа индейцев. Блас взглянул на них и засмеялся. Смеялись и все остальные.

Блас объяснил, что эти индейцы – те самые клиенты Хулио. Они ждали, спрятавшись за лавкой, пока он уедет.

Вечеринка началась относительно рано. Дочь лавочника поставила пластинку и опустила иглу. Послышался жуткий скрежет высокочастотное шипение, а потом – дребезжание гитар, скрипучие голоса труб.

Вечеринка заключалась в прокручивании пластинок на полную громкость. Четыре молодых мексиканца танцевали с двумя дочерьми лавочника тремя другими женщинами-мексиканками. Яки не танцевали, зато с явным удовольствием следили каждым движением танцующих. Казалось, для наслаждения им не нужно ничего другого – просто сидеть и, наблюдая за танцующими, прихлебывать дешевую текилу.

Я заказал выпивку для каждого, с кем был знаком. Чтобы не вызвать ничьих обид, я сновал между индейцами, разговаривал с ними и предлагал выпивку. Все шло хорошо, пока они не подзарядились достаточно и не обратили внимание, что сам я не пью. Тогда они все разом на меня обозлились, словно осознав, что я их не уважаю и не принадлежу к их среде. Они надулись и молча сидели, время от времени ехидно на меня поглядывая.

До мексиканцев, которые напились уже примерно до такой же степени, в тот же самый момент дошло, что я не только не пью, но и не танцую. Эти тоже обозлились. Однако вели они себя увереннее и агрессивнее, чем индейцы. Один из парней схватил меня за рукав, подтянул к самому проигрывателю, налил полную кружку и потребовал, чтобы я выпил все залпом, доказав тем самым, что я – «macho».

Я попытался их утихомирить, выдавив из себя идиотский смешок, призванный означать, что все это мне нравится. Я сказал, что лучше сперва потанцую, а выпью потом. Один из парней назвал песню. Девушка принялась рыться в груди пластинок. Она тоже была заметно навеселе, несмотря на то, что женщины вроде бы открыто не пили, и с попаданием пластинки на диск у нее возникли осложнения.

Молодой парень сказал, что выбранная ей пластинка вовсе не твист.

Девушка снова принялась неуклюже перебирать пластинки непослушными пальцами. Все сгрудились вокруг проигрывателя и приняли деятельное участие в поисках подходящей музыки. Я воспользовался моментом и сбежал с освещенной площадки в темноту за лавкой.

Я стоял метрах в тридцати от них в темноте среди кустов, пытаюсь сообразить, как быть дальше. Я устал и склонялся к тому, что пора садиться в машину и отправляться домой. Я направился к дому Бласа, где стояла машина, прикинув, что если ехать медленно, то никто не заметит, что я уезжаю.

Возле проигрывателя все еще продолжались поиски пластинки: слышно было, как шипят динамики. Потом грянул твист. Я рассмеялся, представив себе, как они оглянулись и обнаружили, что меня и след простыл.

На дороге показались темные силуэты нескольких человек, направлявшихся в сторону лавки. Разминувшись со мной, они пробормотали: «Buenas noches». Я узнал их и сообщил, что вечеринка удалась на славу.

Подходя к крутому повороту дороги, я встретил еще двоих. Их я не знал, но на всякий случай все равно поздоровался. Здесь, на дороге, визг проигрывателя был слышен так же хорошо, как перед лавкой. Была темная беззвездная ночь, но света фонарей возле лавки было достаточно, чтобы видеть дорогу. До дома Бласа было уже совсем недалеко, и я прибавил шагу. На повороте дороги с левой стороны я заметил темный силуэт сидевшего на корточках человека. Сначала я подумал, что это – кто-то, ушедший с вечеринки раньше меня. Человек сидел так, словно испражнялся на обочине. Это показалось мне странным. Жители поселка обычно ходили в кусты. Я решил, что человек, кем бы он ни был, должно быть пьян.

Проходя мимо, я сказал: «Buenas noches». Ответом мне послужил жуткий хриплый совершенно нечеловеческий вой. Волосы мои самым натуральным образом встали дыбом. Секунду я был парализован. А потом пошел дальше, шагая все быстрее и быстрее. Темный силуэт приподнялся. Это была женщина. Согнувшись и наклонившись вперед, она прошла несколько метров, а потом прыгнула. Я побежал. Женщина подобно гигантской птице прыгала рядом, отталкиваясь от земли обеими ногами и не отставая от меня. Когда я уже подбегал к дому Бласа, она бросилась мне наперерез, почти до меня дотронувшись.

Я перескочил через неглубокую сухую канаву и ввалился в дом, толкнув плечом хлипкую дверь.

Блас был дома. Я рассказал ему о случившемся, но он не придавал этому значения.

– Здорово тебя разыграли! – прокомментировал он мой рассказ, – Индейцы любят выделять всякие такие фокусы с иностранцами.

Вечерняя история настолько выбила меня из колеи, что наутро вместо того, чтобы отправиться домой, я поехал напрямик к дону Хуану.

Его дома не оказалось. Появился он только ближе к вечеру. Я не дал ему сказать ни слова и выложил все, не забыв упомянуть и комментарий Бласа. Возможно, это было лишь игрой воображения, но мне показалось, что дон Хуан обеспокоен.

– То, что сказал Блас, ерунда, – очень серьезно произнес он. – Бласу ничего не известно о битвах между магами. Ты должен был понять, что происходит нечто серьезное, уже в тот момент, когда заметил, что тень – слева от тебя. Но в любом случае бежать было нельзя.

– А что же мне было делать? Стоять на месте?

– Да. Встречаясь с противником, который не является обычным человеческим существом, воин должен принять свою стойку. Это – единственное, что в таком случае делает его неуязвимым.

– О чем ты говоришь, дон Хуан?

– Я говорю о том, что это было твое третье столкновение с достойным противником. Она всюду преследует тебя, выжидая момент, когда ты проявишь слабость. В этот раз ты почти оказался у нее в руках.

На меня нахлынула волна раздражения. Я обвинил его в том, что он подергает меня бессмысленной опасностью. Я сказал, что он ведет жестокую игру.

– Это было бы жестоко в отношении обычного человека, – возразил он. – Но человек перестает быть обычным, едва вступив на путь воина. И, кроме того, я нашел тебе достойного противника вовсе не затем, чтобы с тобой поиграть или тебе досадить. Достойным противник подстегнет тебя. Под влиянием такого достойного противника, как Ла Каталина, ты можешь научиться использовать все то, чему я тебя научил. У тебя нет другого выбора.

Мы немного помолчали. От его слов у меня возникло тяжелое мрачное предчувствие.

Потом дон Хуан попросил меня как можно точнее воспроизвести крик, который я слышал после того, как произнес: «Buenas noches».

Я попытался, и получившийся жуткий вой испугал меня самого. Дону Хуану моя интерпретация показалась, видимо, смешной. Он хохотал без удержу.

После этого он предложил мне восстановить всю последовательность событий: расстояние, которое я пробежал; расстояние, на котором женщина была от меня, когда я ее заметил; расстояние, бывшее между нами, когда я подбегал к дому и момент, в который она начала прыгать.

– Ни одна жирная индианка не способна так скакать, – сказал дон Хуан, выслушав все подробности. – Ни одна из них столько даже просто не пробежит.

Он заставил меня попрыгать. Мне удавалось за каждый прыжок покрывать не больше полутора метров. А та женщина, если я не ошибся, прыгала, самое малое, – на три метра с лишним!

– Я думаю, ты уже понял, что с этой самой минуты должен постоянно быть в тонусе и держаться настороже, – очень серьезно сказал дон Хуан. – Она пыталась хлопнуть тебя по левому плечу в момент твоей слабости, когда ты невнимателен.

– Что мне делать? – спросил я.

– Жаловаться бессмысленно. С этого момента самым важным для тебя является твоя жизненная стратегия.

Я не мог сосредоточиться на том, что он говорил, и записывал чисто автоматически. После длительного молчания он спросил, не ощущаю ли я боли за ушами или в затылочной части шеи. Я ответил, что не ощущаю, а он сказал, что боль в любом из этих мест означала бы, что я действовал неуклюже и Ла Каталина сумела причинить мне вред.

– Впрочем, все твои действия вчера вечером были неуклюжи, – заявил он. – Прежде всего, ты отправился на вечеринку, чтобы убить время. Как будто есть время на то, чтобы его убивать. Это тебя ослабило.

– Мне что, нельзя ходить на вечеринки?

– Нет, я этого не имел в виду. Тебе можно ходить, куда угодно, но при этом ты должен принимать за это действие полную

ответственность. Воин живет стратегически. И на вечеринку или что-то в этом роде он отправляется лишь в том случае, если того требует его стратегия. А это само собой означает, что он находится в состоянии абсолютного самоконтроля и совершает все те действия, которые считает необходимыми.

Дон Хуан пристально посмотрел на меня, потом закрыл лицо руками и мягко усмехнулся.

– Ты попал в ужасно крутой оборот, – сказал он. – На твоём пути оказался достойный противник, и впервые в жизни ты не можешь позволить себе разгильдяйства. На этот раз тебе придется освоить совершенно новое для тебя делание – делание стратегии. Подумай о том, что если ты выживешь в схватке с Ла Каталиной, то настанет день, когда тебе нужно будет поблагодарить ее за то, что она заставила тебя изменить твоё делание.

– Как ужасно ты это преподносишь! – воскликнул я. – Я что если я не выживу?

– Воин никогда не потворствует таким мыслям, – сказал он. – Когда ему необходимо действовать, взаимодействуя с окружающими людьми, воин следует деланию стратегии. А в этом делании нет ни побед, ни поражений. В этом делании есть только действия. На той вечеринке, например, ты был шутком, и не потому, что для твоих целей следовало им быть, а потому, что ты отдал себя на милость людей. У тебя совершенно отсутствовал контроль, поэтому, в конце концов, ты был вынужден от них убегать.

– Что же мне следовало делать?

– Не ходить туда вообще, а если идти, то только для того, чтобы совершить какой-то особенный поступок. После дурацкой ситуации с пьяными мексиканцами ты был ослаблен. И Ла Каталина не преминула этим воспользоваться. Потому она и устроилась у тебя пути. Твое тело почувствовало, что тут что-то не так, но ты все равно с ней заговорил. И это было ужасно. Во время столкновения с противником ты не должен произносить ни слова. А потом ты повернулся к ней спиной. И это было еще хуже. А вслед за этим ты побежал. И вот хуже этого ты уже ничего не мог сделать. Если бы на месте этой ведьмы оказался настоящий магический воин, он уложил бы тебя на месте уже в тот момент, когда ты повернулся и побежал.

Единственная защита мага – не двигаться с места и исполнять свой танец.

– О каком танце ты говоришь? – спросил я.

Он ответил, что «кроличий бой», которому он меня научил на днях – первое движение танца воина. Того самого танца, который воин оттачивает и развивает всю свою жизнь, а потом исполняет во время своей последней остановки на этой Земле.

Я испытал момент странной уравновешенности, и мне в голову пришла серия мыслей. С одной стороны, я не мог не признавать реальности всего, что происходило во время моей первой стычки с Ла Каталиной, и, безусловно, существовала возможность того, что она меня действительно преследует. Но, с другой стороны, я не мог понять, каким образом она это делает, и потому у меня возникло подозрение, что дон Хуан просто меня разыгрывает и сам производит многие из тех жутких эффектов, которые я наблюдал.

Вдруг дон Хуан посмотрел на небо и сообщил, что теперь – самое время съездить взглянуть на ведьму. Он заверил меня, что это почти совсем не опасно, поскольку мы всего лишь просто проедем мимо ее дома.

– Тебе нужно убедиться в том, как она выглядит, – сказал он. – Тогда, так или иначе, в твоей голове не останется никаких сомнений.

Руки мои начали обильно потеть, и мне пришлось несколько раз вытереть их полотенцем. Мы сели в машину. Дон Хуан велел мне ехать сначала по трассе, а затем свернуть на широкую немощеную дорогу. Я вел машину по самой ее середине, потому что тяжелые грузовики и тракторы выдавили в земле довольно глубокие колеи, и моя машина оказалась слишком низкой для того, чтобы ехать по правой или левой стороне. Мы медленно продвигались вперед, окруженные густым облаком пыли. Грубый гравий, которым когда-то были засыпаны выбоины, во время дождей смешался с грязью, и теперь сухие комья из камней и глины с грохотом колотили по металлическому днищу автомобиля.

Когда мы подъехали к небольшому мостику, дон Хуан велел притормозить. Возле моста сидели четверо индейцев. Они приветливо нам помахали. Я не был уверен, что знаком с ними. Мы проехали мост, и дорога слегка повернула.

– Вот ее дом, – шепнул мне дон Хуан, указывая глазами на белый дом за высокой бамбуковой изгородью.

Он велел мне развернуться, остановиться напротив дома и наблюдать, ожидая, пока подозрения колдуньи не разыграются настолько, что она решится выглянуть на улицу.

Мы простояли там минут, наверное, десять. Мне это время показалось бесконечностью. Дон Хуан не произносил ни слова. Он неподвижно сидел и смотрел на дом.

– Вот она, – сказал он, и тело его неожиданно подпрыгнуло.

Я заметил внутри дома зловещий темный силуэт женщины.

Еще через несколько минут она вышла из темноты комнаты и остановилась в дверях, глядя на нас. Мы некоторое время смотрели на нее, а потом дон Хуан велел мне ехать. Я буквально потерял дар речи. Я мог поклясться, что это была та самая женщина, которая скакала за мной по темной дороге.

Примерно через полчаса, когда мы уже ехали по шоссе, дон Хуан заговорил.

– Ну, что скажешь? – спросил он. – Ты узнал ее фигуру?

Я долго колебался, прежде чем ответить. Я боялся окончательности, которая неизбежно была сопряжена с утвердительным ответом. Я тщательно сформулировал фразу и сказал, что, пожалуй, было слишком темно, чтобы судить наверняка.

Он засмеялся и погладил меня по голове.

– Она это была. Она, правда?

Он не дал мне возможность ответить. Он приставил палец к губам, а потом прошептал, что говорить бессмысленно, и что выжить в противостоянии с Ла Каталиной я смогу только воспользовавшись всем тем, чему он меня научил.

Часть 2

Путешествие в Икстлан

Глава 18. Кольцо силы магов

В мае 1971 года я приехал к дону Хуану в последний раз. Я ехал к нему с тем же настроением, с которым ездил все десять лет своего ученичества. Можно сказать, что мне просто приятно было проводить время в его обществе. Именно за этим я и ехал.

Оказалось, что у дона Хуана гостит его друг – индеец из племени масатек, которого я называл доном Хенаро. Когда я приезжал к дону Хуану полгода назад, дон Хенаро тоже у него гостил. Я прикидывал, стоит ли спросить, уезжал ли он домой или так и жил здесь все это время. Но дон Хенаро опередил меня, объяснив, что настолько любит северную пустыню, что вернулся как раз вовремя, чтобы повидать меня. Оба они засмеялись, словно им был известен некий секрет.

– Я приехал только ради тебя, – сказал дон Хенаро.

– Это правда, – эхом отозвался дон Хуан.

Я напомнил дону Хенаро, что в мой последний приезд его попытки помочь мне остановить мир, ужаснули меня. Это было моим дружеским способом дать ему понять, что я его боялся. Он неконтролируемо засмеялся, трясаясь всем телом и дрыгая ногами, как ребенок. Дон Хуан тоже засмеялся, избегая смотреть на меня.

– Ты больше не будешь пытаться мне помогать, правда, дон Хенаро? – спросил я.

Они хохотали до судорог. Дон Хенаро сперва катался по земле, а потом улегся на живот и поплыл по полу. Увидев это, я понял, что

пропал. В этот момент тело мое каким-то образом ощутило, что конец близок. Я не знал, какой именно конец и чего, но, вследствие своей личной склонности к драматизации и, памятуя предыдущий опыт общения с доном Хенаро, я вообразил, что конец этот вполне может быть концом моей жизни.

Когда я приезжал сюда в прошлый раз, дон Хенаро предпринял попытку столкнуть меня на грань «остановки мира». Действия его были настолько эксцентричны и безусловно непостижимы, а их воздействие на меня оказалось настолько прямолинейным и жестким, что дон Хуан сам велел мне уехать. Демонстрации «силы», к которым прибегнул тогда дон Хенаро, были такими поразительными и до такой степени сбили меня с толку, что заставили меня совершенно по-другому взглянуть на себя. Я отправился домой, просмотрел все заметки, которые делал с самого начала моего ученичества, и совершенно новое чувство установилось во мне, хотя до того момента, как я увидел дона Хенаро, плывущего по полу, я и не до конца осознавал его.

Плавание это было вполне в стиле всех прочих странных и приводящих в смятение действий, которые дон Хенаро совершал у меня на глазах. В этот раз он начал с того, что улегся на пол лицом вниз. Сперва он хохотал, причем до того самозабвенно, что тело его дергалось, словно в судорогах, потом он принялся дрыгать ногами и, наконец, движения его ног сделались согласованными, к ним подключились гребковые движения рук, после чего дон Хенаро заскользил по полу, словно лежал на доске с колесиками из шарикоподшипников. Несколько раз он менял направление, лавируя между мной и доном Хуаном на площадке перед домом.

Это было уже не первое клоунское представление, которое разыгрывал в моем присутствии дон Хенаро. После каждого такого случая дон Хуан утверждал, что я был на грани «видения». То, что мне так и не удавалось «видеть», было следствием моих попыток объяснить каждое действие дона Хенаро с рациональных позиций. В этот раз я был начеку, и, увидев, что он поплыл, не стал пытаться объяснить или понять происходящее, а просто стоял и смотрел. Но избежать состояния ошеломленности мне все же не удалось. Он самым натуральным образом скользил на животе и груди. По мере

того, как я смотрел на него, мои глаза начали сходиться, и я почувствовал волну беспокойства. Я был убежден, что если не буду объяснять происходящее, то непременно «увиджу». Эта мысль наполнила меня сильнейшей тревогой. Мое нервное ожидание было так велико, что каким-то образом я опять вернулся к исходной точке, снова глядя на это с рациональным стремлением разобраться.

Должно быть, дон Хуан все это время за мной наблюдал. Он неожиданно хлопнул меня по спине. Я автоматически повернул голову в его сторону и на мгновение потерял из виду дона Хенаро. Когда я снова на него взглянул, он стоял совсем рядом, слегка склонив голову и почти положив подбородок мне на правое плечо. Моей запоздалой реакцией был испуг: секунду я смотрел не него, а потом отскочил назад.

Выражение притворного удивления на его лице было настолько комичным, что я истерически захохотал. Однако я осознавал, что смех мой несколько необычен. Тело встряхивали судорожные нервные спазмы, исходящие откуда-то из центра живота. Дон Хенаро дотронулся до моего живота ладонью, и волнообразные спазмы прекратились.

– Ах, наш маленький Карлос так впечатлителен! – воскликнул привередливо.

А потом добавил, пародируя наставления дона Хуана:

– Разве тебе не известно, что воин никогда не смеется таким образом?

Он изобразил дона Хуана настолько точно, что я захохотал еще сильнее.

Потом они вдвоем куда-то ушли и вернулись часа через два, в середине дня.

Они уселись площадке перед домом и сидели, не произнося ни слова. Они казались сонными, усталыми, почти рассеянными. Они долго сидели так неподвижно. Однако, похоже, им было очень удобно, и они были расслаблены. Дон Хуан словно спал, слегка

приоткрыв рот, но большие пальцы его, сложенных на коленях, рук непрерывно ритмично шевелились.

Я немного забеспокоился и на некоторое время поменял позу, в которой сидел. Но потом почувствовал успокаивающую безмятежность. Должно быть, даже задремал. Разбудил меня смешок дона Хуана. Я открыл глаза. Оба они пристально на меня смотрели.

– Если ты не разговариваешь, ты засыпаешь, – сказал дон Хуан со смехом.

– Боюсь, что да, – согласился я.

Дон Хенаро улегся на спину и принялся дрыгать ногами в воздухе. Я решил было, что он собрался выкинуть еще какой-либо из своих номеров, но он тут же вернулся в положение со скрещенными ногами.

– Есть нечто, что к настоящему моменту ты должен осознавать, – сообщил мне дон Хуан. – Я называю это кубическим сантиметром удачи. Время от времени он выскакивает перед носом каждого из нас, независимо от того, воины мы или нет. Различие между обычным человеком и воином заключается в том, что воин осознает это, и одна из его задач – в том, чтобы быть настороже, осознанно ожидая. Поэтому, когда неожиданно появляется его кубический сантиметр, он обладает необходимой скоростью, ловкостью для того, чтобы выхватить его. Удача, везение, личная сила – не имеет значения, как ты называешь это, – является совершенно особенным положением дел. Это похоже на очень маленькую веточку, которая появляется перед нами и приглашает нас сорвать ее. Но обычно мы слишком заняты делами или слишком озабочены чем-то, или попросту слишком тупы и ленивы для того, чтобы осознать, что это наш кубический сантиметр удачи. Воин же все время собран и находится в состоянии полной готовности, у него есть прыжок, находчивость необходимая для того, чтобы быстро схватить его.

– По-настоящему ли собрана твоя жизнь? – спросил дон Хенаро.

– Полагаю, что да, – ответил я убежденно.

– Думаешь, что сможешь выдернуть свой кубический сантиметр удачи? – с выражением некоторого недоверия спросил дон Хуан.

– Мне кажется, что я постоянно делаю это, – сказал я.

– Я думаю, что ты бдителен лишь в отношении тех вещей, которые знаешь, – заявил дон Хуан.

– Может быть, это – самообман, но у меня есть уверенность, что в последнее время я гораздо четче осознаю происходящее, чем когда-либо в своей жизни, – сказал я.

Я действительно так думал.

Дон Хенаро одобрительно кивнул.

– Маленький Карлос действительно собран и абсолютно бдителен, – мягко произнес он, как бы беседуя с самим собой.

Я чувствовал, что они ублажают меня. Наверное, мое заявление о якобы присущей мне собранности вызвало у них раздражение.

– Я не собирался хвастаться, – сказал я.

Дон Хенаро поднял брови и раздул ноздри. Взглянув на мой блокнот, он сделал вид, что пишет.

– Думаю, Карлос очень собран. Собраннее, чем когда-либо, – сказал дон Хуан, обращаясь к дону Хенаро.

– Может, даже слишком, – отозвался дон Хенаро.

– Очень может быть, – признал дон Хуан.

Я не знал, что можно вставить в их диалог, и потому молчал.

– Помнишь тот случай, когда я заглушил мотор твоей машины? – спросил дон Хуан.

Вопрос был задан резко и довольно неожиданно и вроде бы не имел никакого отношения к тому, о чем шла речь. Дон Хуан имел в виду случай, когда я не мог завести машину до тех пор, пока он не разрешил мне это сделать.

Я заметил, что такое вряд ли забудешь.

– Но это было так, ерунда, – как бы между прочим, сообщил дон Хуан. – Мелочь. Верно, Хенаро?

– Верно, – с безразличным видом подтвердил тот.

– Что ты хочешь сказать? – сказал я, протестуя. – Да то, что ты тогда сделал, ни в какие рамки не укладывается. Это – нечто, выходящее за пределы моего понимания.

– Ну, это еще ни о чем не говорит, – парировал дон Хенаро.

Оба они громко засмеялись, а потом дон Хуан похлопал меня по спине.

– Хенаро способен на гораздо большее, чем просто заглушить двигатель твоего автомобиля, – продолжал он. – Верно, Хенаро?

– Верно, – ответил дон Хенаро, по-детски выпятив губы.

– На что именно? – спросил я, стараясь выглядеть спокойным.

– Хенаро может убрать всю твою машину целиком! – громко воскликнул дон Хуан, а потом добавил в том же тоне: – верно, Хенаро?

– Верно! – рявкнул дон Хенаро самым громким голосом, какой мне доводилось слышать.

От неожиданности я вздрогнул. По телу пробежали три-четыре нервных спазма.

– Что ты имеешь в виду? Что значит «убрать всю мою машину целиком»?

– Хенаро, что это значит? – переспросил дон Хуан.

– Это значит, что я сяду в машину, заведу мотор и уеду, – совершенно серьезно ответил дон Хенаро.

Правда, его серьезный вид был довольно неубедительным.

– Хенаро, убери прочь его машину! – шутливо повелел дон Хуан.

– Сделано! – ответил дон Хенаро, нахмурился и искоса посмотрел на меня.

Я заметил, что его брови, когда он нахмурился, вздрогнули, от чего в его пронзительном взгляде появилось что-то озорное.

– Ладно, – сказал дон Хуан. – Пошли, проверим.

– Да, – отозвался дон Хенаро, – Пошли, проверим.

Они очень медленно поднялись на ноги. Я на мгновение растерялся, не зная, что делать, но дон Хуан сделал мне знак встать и идти за ними.

Мы начали подниматься на небольшой холм перед самым домом дон Хуана. Они шли по бокам, дон Хуан – справа, дон Хенаро – слева, и метра на полтора-два впереди меня, всегда находясь в поле моего зрения.

– Давай проверим машину, – снова сказал дон Хенаро.

Дон Хуан сделал вид, что держит в руках клубок, и принялся наматывать на этот клубок невидимую нить. Дон Хенаро сделал то же самое и повторил:

– Давай проверим машину.

Они шли, слегка подпрыгивая, более широкими, чем обычно, шагами. Руками они при этом совершали такие движения, словно отмахивались и отбивались от каких-то невидимых предметов. Я

никогда не видел, чтобы дон Хуан таким образом кривлялся. Я чувствовал даже своего рода смущение, глядя на него.

Когда мы поднялись на вершину холма, я глянул вниз, туда, где метрах в сорока от нас должна была стоять машина. Внутри у меня все оборвалось. Машины не было! Я сбежал с холма. Машины нигде не было видно. Я был полностью сбит с толку.

Приехав рано утром, я поставил машину на этом самом месте. А полчаса назад приходил сюда, чтобы взять чистую пачку писчей бумаги. Я подумал, не оставить ли мне открытыми окна, потому что было очень жарко, но решил не делать этого из-за обилия насекомых, и оставил машину запертой, как обычно.

Я еще раз осмотрел все вокруг. Я не мог поверить в то, что моей машины нет. Я подошел к самому краю свободной от чапарала площадки. Дон Хуан и дон Хенаро ходили вслед за мной и в точности повторяли каждое мое движение, пристально вглядываясь вдаль, чтобы увидеть, нет ли в поле зрения машины. На меня вдруг нахлынул короткий приступ эйфории, сменившийся чувством приводящего в замешательство раздражения. Они, похоже, заметили это и принялись ходить вокруг меня, делая руками такие движения, словно месили тесто.

– Слушай, Хенаро, что же все-таки могло случиться с автомобилем? – кротко спросил дон Хуан.

– Как что? Я его угнал! – сказал дон Хенаро и с поразительным сходством изобразил движения человека, который переключает скорости и крутит руль.

Он согнул ноги, как будто сидел на сидении, и оставался в этом положении несколько секунд, удерживая его, очевидно, только с помощью мускулатуры ног. Потом он перенес вес тела на правую ногу, а левую вытянул, как бы нажимая на сцепление. Губами он издал звук работающего мотора и в довершение изобразил, что наткнулся на выбоину и подпрыгнул на сидении, не отрывая рук от руля.

Пантомима дона Хенаро в совершенстве изображала повадки незадачливого водителя-дилетанта и выглядела изумительно. Дон Хуан хохотал, пока не начал задыхаться. Я тоже хотел было присоединиться к их веселью, но не тут-то было. Я не мог расслабиться. Мне было не по себе от ощущения нависшей надо мной неведомой угрозы. Меня охватило совершенно беспрецедентное беспокойство. Я почувствовал, что завожусь, и принялся со злостью пинать мелкие камни. Закончилось это тем, что я окончательно взбесился и начал швырять камни в кусты в дикой неконтролируемой и неопишуемой ярости. Было такое ощущение, словно бешенство пришло извне и окутало меня. Потом раздражение исчезло так же внезапно, как появилось. Я глубоко вздохнул. Стало легче.

Я не решался взглянуть на дона Хуана. Буйное проявление приступа гнева смутило меня, но в то же время мне было смешно. Дон Хуан подошел ко мне и похлопал по спине. Дон Хенаро положил мне руку на плечо и сказал:

– Нормально, нормально! Побалуй себя. Теперь самое время заехать кулаком себе в нос, так, чтоб кровь пошла. Потом откроешь рот и булыжником вышибешь все зубы. Вот это кайф! А если и это не поможет, положишь яйца на камень, а вторым зарядишь по ним сверху!

Дон Хуан хихикнул. Я сказал, что вел себя плохо, осознал и стыжусь. Я сообщил им, что в меня словно что-то вселилось, но я не знаю, что. Дон Хуан заявил, что мне отлично известно, в чем дело, но я делаю вид, что ничего не знаю. И взбесился я именно от этого притворства.

Дон Хенаро вдруг в какой-то необычной для себя манере начал меня утешать, ласково похлопывая по спине.

– Это бывает с каждым из нас, – сказал дон Хуан.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан? – спросил дон Хенаро, пародируя мою манеру задавать вопросы.

Дон Хуан изрекать какую-то белиберду типа:

– Когда мир переворачивается вверх ногами, мы находимся в нормальном положении, но когда мир приобретает нормальное положение, мы становимся с ног на голову. Сейчас, когда и мы, и мир находимся в нормальном положении, мы думаем, что мы вверх ногами...

Дон Хуан говорил и говорил, неся какую-то околесицу, а дон Хенаро судорожно писал воображаемой ручкой в воображаемом блокноте, раздув ноздри и выпучив глаза, неподвижный взгляд которых был неотрывно прикован к лицу дон Хуана. Дон Хенаро изображал мои попытки писать, не глядя в блокнот. Я делал это, чтобы не нарушать естественного хода беседы. Пародистом, нужно признать, он был гениальным.

Неожиданно мне стало хорошо и легко. Я был почти счастлив. На миг я отпустил себя и рассмеялся. И тут же на меня накатила новая волна тревоги, недоумения и раздражения. Я подумал, что все это просто невозможно. В самом деле, ситуация казалась совершенно непостижимой с точки зрения здравого смысла и логического мышления, с помощью которого я привык судить о мире. Но объективность моего восприятия вынуждала признать: машина исчезла. Естественно, как и всякий раз, когда дон Хуан сталкивал меня с необъяснимыми феноменами, в голову пришла мысль, что меня попросту водят за нос при помощи самых обычных человеческих средств. Так было всегда – под воздействием стресса, мой разум повторял одну и ту же схему.

Я принялся подсчитывать, сколько помощников понадобилось бы дону Хуану и дону Хенаро для того, чтобы поднять мою машину и на руках унести куда-нибудь с глаз долой. Я был абсолютно уверен том, что запирали двери. Машина стояла на ручном тормозе. Она была на скорости, а рулевое колесо – заблокировано. Так что сдвинуть машину можно было, только оторвав колеса от земли. Для этого требовалось довольно много работников. Я был уверен, что дону Хуану и дону Хенаро не удалось бы собрать такое количество помощников в одном месте сразу. Оставалась еще одна версия: они подговорили кого-то открыть машину, замкнуть зажигание и угнать ее. Но для осуществления этого требовалась довольно высокая квалификация, которой не могло быть ни у кого из числа их

знакомых. Таким образом, само собой напрашивалось единственное правдоподобное объяснение: они меня гипнотизируют. Движения, которые они все время совершали, были для меня настолько новыми и выглядели так подозрительно, что это вывело меня на новый виток соображений рационального характера. Если они меня гипнотизируют, то я должен был находиться в состоянии обостренного осознания. На своем опыте с доном Хуаном я заметил, что в подобных состояниях я был не способен поддерживать последовательную ментальную регистрацию течения времени. Все эти, испытанные мной, состояния необычной реальности не имели последовательного порядка течения времени. Я заключил, что если буду оставаться бдительным, то наступит момент, когда я потеряю порядок последовательного течения времени. Например, я мог смотреть на гору, а в следующий осознаваемый миг – на долину, к которой стоял спиной. Когда и как я повернулся к ней лицом, я не помнил. Я подумал, что если что-то подобное происходит со мной сейчас, то происходящее с моей машиной можно было объяснить, возможно, как случай гипноза. Я решил, что единственное возможным в этой ситуации остается внимательно следить за происходящим, с предельной тщательностью фиксируя каждую деталь.

– Где мой автомобиль? – спросил я, обращаясь к ним обоим.

– Хенаро, где его автомобиль? – с исключительно серьезным видом переадресовал вопрос дон Хуан.

Дон Хенаро начал переворачивать мелкие булыжники и внимательно разглядывать то, что было под ними. Он лихорадочно обшаривал всю площадку, на которой я оставил машину. Он перевернул все камни до единого. Время от времени он изображал раздражение и злобно швырял очередной камень в кусты.

Дон Хуан был в восторге. Он посмеивался, ухмылялся и даже вроде бы забыл о моем присутствии.

Дон Хенаро с притворным разочарованием запустил в кусты очередной камень. Остался только один камень, который он не перевернул – единственный относительно крупный валун на всей

площадке. Дон Хенаро, пыхтя и сопя, принялся его переворачивать. Но камень был слишком велик и глубоко врос в землю. Дон Хенаро старался изо всех сил, но тщетно. В конце концов, он сел на камень и, отливаясь потом, попросил дона Хуана помочь.

Дон Хуан повернулся ко мне и с лучезарной улыбкой предложил:

– Пойдем – поможем Хенаро.

– А что он делает?

– Он ищет твою машину, – ответил дон Хуан так, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся.

– Ради Бога, дон Хуан! Как он может найти ее под камнями? – протестовал я.

– Ради Бога! Почему нет? – отозвался дон Хенаро и они оба разразились неудержимым хохотом.

Камень не поддавался. Дон Хуан предложил сходить к дому и поискать какую-нибудь толстую жердь, которая могла бы послужить рычагом.

По пути к дому я заявил, что они занимаются каким-то абсурдным делом, и что то, что они со мной делают, чем бы оно ни было – совершенно ни к чему.

Дон Хенаро уставился на меня.

С предельно серьезным выражением лица дон Хуан сообщил:

– Хенаро у нас – педант. Он очень тщателен и дотошен. Совсем как ты. Ведь ты же сам говорил, что во всем любишь доскональность. Вот и он не может ни одного камня оставить не перевернутым.

Дон Хенаро сказал, что ему, в самом деле, очень хочется быть на меня похожим, и тут дон Хуан попал в точку. Дон Хенаро взглянул на меня, безумно сверкнув глазами и раздув ноздри.

Дон Хуан хлопнул в ладоши и швырнул на землю шляпу. После долгих поисков вокруг дома, дон Хенаро нашел длинное толстое бревно – кусок балки, поддерживавшей когда-то крышу дома. Он взвалил бревно на плечо, и мы отправились обратно к тому месту, где была моя машина.

Когда мы поднимались на холм, меня осенило: нужно увидеть машину раньше, чем ее увидят они! Я рванул к вершине, но, взглянув вниз, обнаружил, что машина под холмом все равно отсутствует.

Дон Хуан и дон Хенаро, очевидно, поняли, что у меня на уме. Когда я побежал на холм, они с безумным хохотом ринулись следом за мной.

Спустившись с холма, они немедленно принялись за работу. Я некоторое время за ними наблюдал. Их действия были совершенно непостижимы. Они не просто делали вид, что работают, они самым настоящим образом трудились в поте лица, стараясь перевернуть валун, чтобы взглянуть, не находится ли под ним автомобиль. Я не выдержал и присоединился к ним. Они пыхтели, сопели и кричали, а дон Хенаро время от времени взывал койотом. Они обливались потом. Я обратил внимание на то, как сильны их тела. Особенно тело дона Хуана. По сравнению с ними я выглядел хлипким юношей.

В скором времени я уже обливался потом так же, как и они. Наконец, валун поддался и откатился в сторону. Дон Хенаро со сводящей с ума тщательностью обследовал каждый квадратный сантиметр открывшейся под валуном поверхности, что-то там поковырял и объявил:

– Нет. Автомобиль отсутствует.

От хохота они согнулись пополам, а дон Хуан не выдержал и рухнул на землю. Было похоже, что истерический смех сотрясает его тело самыми настоящими и довольно болезненными судорогами. Я нервно хихикнул.

– Итак, куда мы теперь направимся? – спросил дон Хенаро после длительной передышки.

Дон Хуан кивком головы указал направление.

– Куда мы идем? – спросил я.

– Как куда? Автомобиль твой искать! – без тени улыбки ответил дон Хуан.

Они снова встали по бокам, и повели меня в кусты. Пройдя всего лишь несколько метров, дон Хенаро знаком велел нам остановиться. Он на цыпочках подкрался к большому густому кусту, раздвинул ветки и заглянул внутрь, а потом сообщил, что машины там нет.

Мы прошли еще немного, и снова дон Хенаро подал нам знак застыть. Он изогнул спину, вытянув над головой руки с согнутыми наподобие когтей пальцами. Тело его приняло форму латинской буквы «S». Вдруг он прыгнул головой вперед и вцепился руками в длинную ветку с сухими листьями, лежавшую на земле. Потом он аккуратно поднял ее и, обследовав место, на котором она лежала, снова отметил, что автомобиль отсутствует.

Мы углублялись все дальше и дальше в чапараль. Дон Хенаро то и дело заглядывал в кусты, карабкался на низкие деревья паловёрд и высматривал в их листве машину, только лишь для того, чтобы заключить, что ее там не было.

Я же все это время старался как можно четче фиксировать в уме все, что видел и чего касался. Последовательность и упорядоченность моего восприятия мира ничем не отличались от нормальных. Я дотрагивался до камней, кустов, деревьев; изменял фокусировку глаз, то рассматривая ближний план, то переводя взгляд на дальний. Я по очереди закрывал и открывал глаза, проводя эксперименты по их отдельной фокусировке. Но никакой специфики, свойственной состояниям необычной реальности, не обнаружил. По всем признакам я шагал сквозь чапараль, как в обычной жизни, будучи в совершенно нормальном состоянии.

Потом дон Хенаро вдруг улегся на живот и велел нам сделать то же самое. Подбородок он положил на сложенные в замок кисти рук. Дон Хуан – тоже. Они внимательно разглядывали крохотные холмики на поверхности земли. Вдруг дон Хенаро быстрым взмахом руки что-то поймал. Затем он, как и дон Хуан, поспешно поднялся. Он знаком подозвал нас поближе. Потом начал медленно разжимать кулак. Когда ладонь до половины раскрылась, оттуда вылетело что-то довольно крупное и черное и быстро скрылось. Это произошло настолько быстро, и это черное было таким большим, что я отскочил и едва не свалился. Дон Хуан поддержал меня.

– Это был не автомобиль, – с сожалением констатировал дон Хенаро. – А была всего лишь проклятая муха. Простите!

Потом они принялись меня изучать. Они стояли прямо передо мной и довольно долго разглядывали меня уголками глаз.

– Это была муха, да? – спросил у меня дон Хенаро.

– Я думаю – да, – ответил я.

– А ты не думай, ты скажи, что видел, – приказал дон Хуан.

– Я видел что-то величиной с ворону. Оно вылетело у него из кулака, – я кивнул на дона Хенаро.

Я лишь говорил о том, что воспринял, и вовсе не собирался шутить. Но им, похоже, показалось, что ничего более смешного в тот день они не слышали. Они хохотали, корчились и подпрыгивали, пока не начали задыхаться.

– Я думаю, на сегодня с Карлоса достаточно, произнес дон Хуан охрипшим от смеха голосом.

Дон Хенаро сказал, что почти нашел машину, что он чувствует: становится все горячее, горячее... Дон Хуан предупредил, что мы забрались в очень уж пересеченную местность и что найти машину прямо здесь было бы весьма нежелательно. Дон Хенаро снял шляпу, привязал к ней за шейный шнурок длинную веревочку, которую

достал из сумки. Свой шерстяной пояс он прикрепил к желтой кисточке, прикрепленной к полям.

– Змея делаю... сообщил он.

Я следил за его действиями, зная наверняка, что он шутит. Я всегда считал себя крупным специалистом по части воздушных змеев. В детстве я изготовил массу змеев самых разнообразных конструкций, вплоть до самых замысловатых, поэтому видел, что поля шляпы слишком мягкие и не смогут сопротивляться потоку, тулья – слишком высока, и в ней будут образовываться завихрения. Так что змей, сделанный из шляпы, не полетит ни за что.

Думаешь, не полетит? – поинтересовался дон Хуан.

Знаю – не полетит.

Дон Хенаро оставил наши реплики без внимания. Он как раз заканчивал цеплять к своему шляпному змею длинную бечевку.

День стоял ветреный. Дон Хенаро побежал вниз по склону холма. Дон Хуан держал шляпу. Потом веревочка натянулась, и это чертово сооружение взмыло в небо.

– Смотри! Смотри на змея! – завопил дон Хенаро.

Змей пару раз нырнул, но продолжал держаться в воздухе.

– Не отрывай взгляд от змея, – твердо приказал дон Хуан.

У меня закружилась голова. Когда я глядел на змея, меня охватило воспоминание из другого времени. Это было так, как если бы я сам запускал змея, как делал это в ветреные дни среди холмов в своем родном городе.

На какое-то мгновение воспоминания затопили меня, и я утратил чувство времени.

Вдруг я услышал, как дон Хенаро что-то кричит, потом увидел, что змей, несколько раз подпрыгнув, упал туда, где стояла моя машина. Все произошло так быстро, что я не понял толком, что же

все-таки случилось. У меня кружилась голова, и внимание было рассеяно. Мой разум зацепился за очень сильно сбивающий с толку образ: то ли я видел, как шляпа дона Хенаро превратилась в автомобиль, то ли – как шляпа упала на него. Мне хотелось верить в последнее, в то, что дон Хенаро использовал свою шляпу, чтобы указать на машину. Не то, чтобы это действительно меняло дело – одно было настолько же ужасающим, как и другое, но все-таки мой разум зацепился за эту произвольную деталь, чтобы сохранить мое исходное ментальное равновесие.

– Не борись с этим, – услышал я голос дона Хуана.

Я чувствовал, что что-то внутри меня почти вышло на поверхность. Мысли и образы приходили неконтролируемыми волнами, как будто во сне. Я ошеломленно уставился на автомобиль. Он стоял на ровной каменистой площадке метрах в ста от меня. Все это выглядело так, словно кто-то только что взял его и аккуратно туда поставил. Я подбежал к машине и принялся внимательно ее осматривать.

– Вот черт! Да не пялься ты на свою машину! Останови мир!

Потом, как во сне, я услышал его вопль:

– Шляпа Хенаро! Шляпа Хенаро!

Я взглянул на них. Они смотрели прямо на меня. Глаза их были яростными. Резко разболелась голова. Заболел живот. Мне сделалось плохо.

Дон Хуан и дон Хенаро разглядывали меня с любопытством. Я сел на землю рядом с машиной, а потом, совершенно автоматически, отпер дверцу и впустил на заднее сиденье дона Хенаро. Дон Хуан уселся рядом с ним, вместо того, чтобы занять свое обычное место возле меня.

Как в тумане я поехал к дому дона Хуана. Я был сам не свой. Живот болел, тошнило ужасно, и все мое трезвомыслие от этого напрочь куда-то улетучилось. Я вел машину чисто автоматически.

Я слышал, как дон Хуан и дон Хенаро по-детски веселятся на заднем сидении. Потом услышал голос дон Хуана:

– Карлос, мы уже подъезжаем, да?

Тут я начал осознавать дорогу. Мы были возле самого дома.

– Уже почти приехали, – промямлил я.

Они взвыли от хохота. Они колотили в ладоши и хлопали себя по ляжкам.

Когда мы приехали, я автоматически выпрыгнул из машины и отворил перед ними дверь. Первым из машины степенно выбрался дон Хенаро. Он поздравил меня с тем, что назвал самой приятной и гладкой поездкой в его жизни. Дон Хуан сказал то же самое. Я не обращал внимания.

Я запер машину и, едва переставляя ноги, вполз в дом. Засыпая, я слышал раскатистый хохот обоих донов.

Глава 19. Остановка мира

На следующий день, едва проснувшись, я принялся расспрашивать дона Хуана. Он рубил дрова за домом. Дона Хенаро нигде не было видно. Дон Хуан сказал, что говорить не о чем. Я отметил, что мне удалось достичь отрешенности. Ведь когда дон Хенаро «плавал» по полу, я просто наблюдал за ним, не желая и не требуя никаких объяснений. Но такая моя сдержанность ни в малейшей степени не помогла мне понять, что же в действительности происходило. Потом, когда пропала машина, я автоматически включился в режим поиска логического объяснения. Но и это не помогло. Я сказал дону Хуану, что моя настойчивость в поиске объяснений не является чем-то произвольно изобретаемым мною для усложнения, но есть нечто очень глубоко во мне укоренившееся и потому пересиливающее любые иные побуждения.

– Это – как болезнь, – сказал я.

– Болезней нет. Есть лишь индальгирование, – спокойно ответил дон Хуан. – И, пытаясь все подряд объяснить, ты лишь потекаешь себе. Объяснения в твоём случае более не нужны.

Я настаивал, утверждая, что могу функционировать только при наличии условий упорядоченности и понимания. Я напомнил ему о тех глубочайших изменениях, которые мне удалось произвести в своём характере за годы нашего с ним общения, равно как и о том, что изменения эти стали возможны исключительно благодаря тому, что мне удавалось находить объяснения, доказывающие их необходимость.

Дон Хуан мягко засмеялся. Потом долго молчал.

– Ты очень умен, – произнес он наконец. – И каждый раз находишь способ возвратиться к исходной точке. Но теперь этому настал конец. Тебе некуда возвращаться. И я больше ничего не намерен тебе объяснять. То, что Хенаро сделал с тобой вчера, было

сделано с твоим телом, так что позволь телу самому решать, что есть что.

Дон Хуан говорил по-дружески, но в тоне его сквозила необычная отрешенность, и это заставило меня ощутить неодолимое одиночество. Я сказал дон Хуану, что чувствую печаль. Он улыбнулся, слегка сдавив пальцами мое плечо, и мягко произнес:

– Мы с тобой – существа, уделом которых является смерть. У нас больше нет времени на то, чтобы действовать так, как мы привыкли. Пришло время использовать все то неделание, которому я тебя обучил, и остановить мир.

Он еще раз сжал мою руку. Его прикосновение было твердым и дружеским. Оно словно говорило, что он по-прежнему остается моим другом, заботится и привязан ко мне; но в то же время оно вызвало у меня ощущение непоколебимой цели.

– Это мой жест по отношению к тебе, – сказал он. – Сегодня ты должен отправиться те дружелюбные горы самостоятельно.

И движением подбородка он указал на далекую горную цепь на юго-востоке.

Он сказал, что там мне предстоит оставаться до тех пор, пока мое тело не скажет мне возвращаться. И тогда я должен вернуться в его дом. Дон Хуан слегка подтолкнул меня к машине, тем самым давая понять, что больше не собирается ни что-либо мне объяснять, ни откладывать выполнение этого решения.

– Что я должен делать в горах? – спросил я.

Он не ответил, а только покачал головой и произнес:

– Довольно этого.

А потом указал пальцем на юго-восток и отрывисто произнес:

– Отправляйся туда.

Мы много раз ездили по этим дорогам. Я ехал сначала – на юг, потом – на восток. Там, где заканчивалась грунтовая дорога, я оставил машину и по знакомой тропе поднялся на высокое плато. У меня не было ни малейшего понятия относительно того, что делать дальше. Я начал петлять в поисках места для отдыха. Вдруг я обратил внимание на маленький участок слева. Видимо, химический состав верхнего слоя почвы там имел какую-то особенность. Однако когда посмотрел туда прямо, не обнаружил никаких отличий. Я остановился от него в нескольких футах и попытался «чувствовать», как всегда рекомендовал дон Хуан.

Я простоял неподвижно почти целый час. Мысли постепенно исчезали, и, наконец, внутренний разговор с самим собой полностью прекратился. Потом возникло раздражение. Оно, казалось, было в моем животе и становилось более острым, когда я поворачивался лицом прямо к тому участку, который пытался почувствовать. Появилось ощущение какого-то отталкивания, я почувствовал, что нужно уйти. Я пошел, осматривая землю сведенными глазами. Через некоторое время я наткнулся на большой плоский камень. Я остановился перед ним. В нем вроде бы не было ничего особенного, но почему-то он казался мне привлекательным. Ни какого-либо цвета, ни свечения. Но он мне нравился. Телу было хорошо и удобно. Я присел на камень и немного отдохнул.

Я бродил по плоскогорью и окружающим горам весь день, не зная, что делать, а в сумерках вернулся к плоскому камню. Я знал, что ночью буду на нем в безопасности.

На следующий день я зашел подальше в высокие горы на восток от плато. К вечеру я вышел на другое плато, еще более высокое, чем первое. Мне показалось, что я уже бывал в этих местах. Я осмотрелся, пытаюсь сориентироваться, но не узнал ни одной из окружавших меня вершин. Тщательно выбрав подходящее место, я присел отдохнуть на краю голой каменистой площадки. Там мне было тепло, и я чувствовал себя спокойно. Я попытался вытряхнуть из тыквенной фляги немного еды, но там было пусто. Тогда я решил попить из второй фляги. Но вода оказалась затхлой. Делать было нечего – нужно было возвращаться к дону Хуану. Я начал прикидывать, целесообразно ли отправляться в обратный путь

прямо сейчас. Я улегся на живот и положил подбородок на руки. Было как-то неудобно. Я принялся крутиться и, в конце концов, оказался лежащим лицом на запад. Солнце клонилось к горизонту. Глаза устали. Я посмотрел на землю и заметил большого черного жука. Он выполз из-за камня, толкая перед собой шарик навоза, вдвое превосходивший по размеру его самого. Я долго следил за жуком. Он игнорировал мое присутствие и упорно тащил свой груз через камни, корни, ямки, трещины, холмики. Насколько я понимал, жук не осознавал моего присутствия. Тут мне пришла в голову мысль, что я не могу быть уверен в том, что насекомое не осознает меня. Эта мысль повлекла за собой целую цепочку соображений относительно различий между миром жука и моим миром. Мы с жуком существовали в одном и том же мире, но вполне очевидно, что этот мир для нас не был одинаков. Я углубился в созерцание жука, восхищаясь огромной силой этого существа, позволявшей ему тащить свой груз по камням и трещинам.

Я наблюдал за жуком очень долго. А потом вдруг обратил внимание на безмолвие, царившее вокруг. Только ветер шелестел листьями чапарала. Я взглянул вверх и, непроизвольно повернув голову налево, краем глаза заметил бледную тень или какое-то мелькание на камне в полутора метрах от меня. Сперва я не обратил на нее внимания, но потом до меня дошло, что тень была слева. Я еще раз резко обернулся и четко воспринял тень на камне. Я ощутил, как тень каким-то диковинным образом скользнула по камню вниз и впилась в землю, подобно тому, как впитывается в промокашку чернильная клякса. По спине пробежал холодок. В голове мелькнула мысль, что смерть наблюдала за мной и за жуком.

Я искал насекомое взглядом, но его нигде не было видно. Наверно, пополз туда, куда направлялся, и бросил свою ношу в норку. Я прижался щекой к гладкой поверхности камня.

Жук вылез из глубокой трещины и замер в нескольких дюймах от моего лица. Некоторое время он, казалось, внимательно меня рассматривал. Я почувствовал, что, возможно подобно тому, как я осознал присутствие своей смерти, жук осознал мое присутствие. По телу пробежала дрожь. В конце концов, мы с жуком не так уж и отличаемся друг от друга. Смерть, как тень, отслеживает из-за

камня нас обоих. Я ощутил необычайный душевный подъем. Жук и я были на равных. Ни один из нас не был лучше другого. Нас уравнивала смерть.

Мой душевный подъем и радость настолько переполнили меня, что я заплакал. Дон Хуан прав. Он всегда был прав. Я живу в таинственном мире. И как любой другой, я – исключительно таинственное существо, и в то же время я – не важнее, чем жук. Тыльной стороной кисти я вытер глаза, и когда я тер их, то увидел человека или что-то, по форме напоминавшее силуэт человека. Справа, метрах в сорока. Я сел и попытался рассмотреть, кто это. Но мешало золотисто-желтое сияние, висевшего над самым горизонтом солнца. В этот момент послышался странный гул, похожий на далекое гудение реактивного самолета. Когда я сосредоточил свое внимание на этом звуке, он сделался громче и пронзительнее, постепенно перейдя в резкое металлическое жужжание, а потом смягчился и стал странным и гипнотически мелодичным, похожим на вибрации электрического тока. В воображении возник образ двух сближавшихся заряженных сфер или двух трущихся друг о друга заряженных металлических кубов, которые замирают, когда стороны их точно совпадают, издавая при этом глухой звук. Я еще раз напрягся, пытаюсь разглядеть человека, который словно прятался от меня. Но увидел только что-то темное среди кустов. Я прикрыл глаза от солнца рукой и понял, что там никого не было, только игра света и тени в ветвях чапарала.

Я отвел глаза и увидел койота. Он спокойно трусил по каменистому плато и был около того места, где я, как мне показалось, видел человека. До него было метров пятьдесят. Он бежал на юг, но потом остановился, повернулся и пошел ко мне. Я пару раз крикнул, надеясь его отпугнуть. Безрезультатно. Я забеспокоился. А вдруг он – бешеный? Койот приближался. Я даже подобрал несколько камней на случай, если он вздумает напасть. Когда койот был метрах в трех от меня, я заметил, что он нисколько не возбужден и даже наоборот – совершенно спокоен и ни капельки меня не боится. Он замедлил шаг и в полутора метрах от меня остановился. Мы молча смотрели друг на друга, а потом койот подошел еще ближе. Его карие глаза смотрели ясно и дружелюбно. Я сел на камень. Койот стоял совсем близко, почти касаясь меня. Я

был ошеломлен. Мне никогда не доводилось видеть дикого койота так близко. Единственное, что пришло мне в этот момент в голову – с ним поговорить. Я заговорил так, как разговаривают со знакомой собакой. А потом мне показалось, что койот отвечает. Я даже был абсолютно уверен: койот что-то сказал. Я был в недоумении, но времени на то, чтобы разбираться, у меня не было, потому что койот «заговорил» опять. Он не произносил слова в том виде, как человек. Это было скорее «чувством» того, что он говорит. Но это не было похоже на то чувство, которое возникает у человека, когда животное, кажется, общается с хозяином. Он на самом деле заговорил, он сформулировал вполне определенную мысль и выразил ее в виде чего-то, весьма напоминающего законченную фразу. Выглядело это примерно следующим образом:

– Ну что, как поживаешь, койотик? – спросил я.

Мне показалось, что я услышал ответ:

– Нормально. А ты?

Я оторопел. Койот повторил. Я от удивления вскочил на ноги. Койот не шевелился. Даже мой внезапный прыжок не произвел на него никакого впечатления, он по-прежнему дружелюбно смотрел на меня ясными глазами. Потом он улегся на живот, склонил голову набок и спросил:

– Почему ты боишься?

Я опустился на камень, и между нами состоялась беседа – самая невообразимая и странная, из всех, какие мне когда-либо доводилось вести. В конце он спросил:

– Что ты здесь делаешь?

Я ответил, что пришел в эти горы, чтобы «остановить мир».

Койот сказал:

– Qua bueno!

Тут я осознал, что это – какой-то двуязычный койот. Существительные и глаголы в его фразах были английскими, а союзы, междометия и некоторые другие части речи – испанскими. В голову пришло, что это – койот Чикано. Я засмеялся – уж очень абсурдной была вся ситуация в целом. Я хохотал все сильнее и довел себя почти до истерики. Вся тяжесть и несуразность происходящего вдруг разом обрушилась на меня, и разум мой пошатнулся. Койот встал на ноги. Глаза наши встретились. Я неподвижным взглядом смотрел ему прямо в глаза и чувствовал, что они словно притягивают меня. Вдруг койот засветился. От начал сиять. Словно в сознании всплыли события десятилетней давности, когда под действием пейота я наблюдал превращение обыкновенной собаки в дивное светящееся существо. Как будто койот пробудил во мне воспоминания, и образы прошлого возникли перед глазами и наложились на фигуру койота. Койот был текучим, жидким светящимся существом. Его свечение ослепляло. Я хотел прикрыть глаза руками, но не мог пошевелиться. Светящееся существо прикоснулось к какой-то неопределенной части меня, и мое тело ощутило настолько восхитительное, неописуемое тепло и благополучие, как если бы это прикосновение взорвало меня. Я был прикован к месту. Я не чувствовал своих стоп или ног, или других частей тела, но в тоже время что-то поддерживало меня в вертикальном положении.

Я не имею понятия, сколько я оставался в этом положении. И светящийся койот, и вершина холма, на которой я стоял, уже давно куда-то исчезли. Не было ни ощущений, ни мыслей. Все отключилось, и я свободно плыл.

Вдруг мое тело почувствовало удар, и его окутало что-то, что зажгло меня. Затем я осознал, что на меня падают лучи солнца. Я слабо различал далекие горы на западе. Солнце было уже над самым горизонтом. Я посмотрел прямо на него и увидел «линии мира». Я действительно воспринимал необычайное изобилие светящихся белых линий, пересекавших все вокруг меня. Я подумал было, что это солнечный свет так рассеивается ресницами. Я моргнул и взглянул еще раз. Линии были очень устойчивы и непрерывны. Они лежали на всем и проходили сквозь все. Я

повернулся, разглядывая новый удивительный мир. Картина линий устойчиво сохранялась, даже когда я не смотрел в сторону солнца.

В экстазе я стоял на вершине холма целую вечность. Может быть, объективно все событие продолжалось всего лишь несколько минут, в течение которых солнце опускалось к горизонту, но мне казалось, что прошла вечность. Я чувствовал, что из мира и из моего тела вытекало что-то теплое и успокаивающее.

Я знал, что раскрыл тайну. Все так просто. Поток неведомых ранее чувств переполнил меня. Никогда в жизни не испытывал я такой дивной эйфории, такой умиротворенности, такого всеохватывающего понимания. Но в то же время тайна, которую я постиг, была невыразимой, ее невозможно было облечь в слова. И даже в мысли. Однако мое тело знало ее.

Потом я либо заснул, либо потерял сознание. Придя в себя, я обнаружил, что лежу на камнях. Мир был таким, каким я привык его видеть. Темнело. Я отправился к машине.

Я приехал к дому дона Хуана на следующее утро. Я спросил, где дон Хенаро, и дон Хуан ответил, что тот отправился куда-то недалеко по своим делам. Я сразу же рассказал дону Хуану о том, что со мной приключилось. Он слушал с неподдельным интересом, а когда я закончил, сказал:

– Ты просто остановил мир.

Мы немного помолчали, а потом дон Хуан сказал, что я должен поблагодарить дона Хенаро за помощь. Казалось, дон Хуан очень мною доволен, что было не совсем обычным. Он похлопывал меня по спине и улыбался.

– Но говорящий койот – это же непостижимо! – сказал я.

– Это не было разговором, – сказал дон Хуан.

– Что же тогда это было?

– Твое тело впервые смогло понять. Но тебе не удалось осознать, что, прежде всего, это был не койот, и что он, разумеется, не говорил с тобой так, как разговариваем между собой мы.

– Но койот действительно говорил, дон Хуан!

– Говоришь ты. И делаешь это сейчас в своей обычной идиотской манере. После стольких лет мог бы соображать получше. Вчера ты остановил мир. И, может быть, даже увидел. Волшебное существо сказало тебе что-то, и твое тело оказалось способным это понять, так как мир рухнул.

– Мир был таким же, как сегодня, – дон Хуан.

– Нет. Сегодня койоты ничего тебе не рассказывают, и ты не можешь видеть линий мира. Вчера ты сделал все это просто потому, что кое-что остановилось в тебе.

– Что остановилось во мне?

– Вчера в тебе остановилось то, что люди говорили тебе о том, каким является этот мир. Видишь ли, с момента нашего рождения люди говорят нам, что этот мир такой-то и такой-то, что он то-то и то-то. И, как и следовало ожидать, у нас нет другого выбора, кроме как видеть мир таким, каким люди сказали нам, что он является.

Мы переглянулись.

– Вчера мир стал для тебя таким, каким маги сказали тебе, что он является, – продолжал он. – В том мире койоты разговаривают, так же как и тот олень, а котором я рассказывал тебе, так же как и гремучие змеи, деревья и все другие живые существа. Но я хочу, чтобы ты научился видеть. Наверно, ты уже понял, что видение происходит только тогда, когда тебе удастся проскользнуть в щель между мирами – миром людей и миром магов. Сейчас ты увяз в средней точке между этими двумя мирами. Вчера ты поверил в то, что койот с тобой разговаривал. Точно так же в это поверил бы маг, который не видит. Но тот, кто видит, знает, что верить в это, значит быть связанным миром магов; так же как и не верить в то, что койоты разговаривают, значит быть связанным миром людей.

– Ты хочешь сказать, что ни мир магов, ни мир обычных людей не являются реальными?

– Они реальны. Они могут на тебя воздействовать. Вчера, например, ты вполне мог спросить того койота о чем угодно, и он обязан был тебе отвечать. Единственное, что грустно, – койоты ненадежны. Они все – обманщики. Такова твоя судьба – не иметь надежного друга среди животных.

Дон Хуан объяснил, что койот теперь станет моим приятелем на всю жизнь и что в мире магов иметь койота в качестве спутника считается нежелательным положением дел.

Он сказал, что было бы идеально, если бы я вчера беседовал с гремучей змеей, поскольку они потрясающие спутники.

– На твоём месте, – сказал он, – я бы ни за что не доверился койоту. Но ты – не такой, как я. Ты даже можешь стать койотным магом.

– Койотный маг – это что такое?

– Тот, кто извлекает много полезного из общения со своими братьями-койотами.

Я хотел задать ему несколько вопросов, но он жестом прервал меня.

– Ты видел линии мира. Ты видел светящееся существо. Ты уже почти готов к встрече с союзником. И ты, разумеется, знаешь, что тот человек, которого ты видел в кустах, был союзником. Ты слышал его рев, похожий на звук реактивного самолета. Он будет ждать тебя на краю той равнины, куда я отведу тебя.

Мы долго молчали. Дон Хуан сидел, сложив руки на животе и едва заметно шевеля большими пальцами.

– Хенаро тоже должен будет пойти с нами к той долине, – неожиданно произнес он. – Он тот, кто помог тебе остановить мир.

И дон Хуан пронзительно на меня взглянул.

– Я скажу тебе еще кое-что, – сказал он и засмеялся. – Сейчас это действительно имеет значение. В тот день Хенаро никуда не

убирал твою машину из мира обычных людей. Он просто заставил тебя смотреть на мир так, как это делают маги. А в том мире твоей машины не было. Хенаро хотел ослабить твою уверенность. Его клоунада говорила твоему телу об абсурдности попыток все понять. И, когда он запустил своего шляпного змея, ты уже почти видел. Ты нашел свою машину, и ты находился в обоих мирах. А хохотали мы с ним так, что чуть не полопались, из-за того, что ты на полном серьёзе думал, что везешь нас к дому с того места, где, как тебе казалось, ты нашел свой автомобиль.

– Но как он заставил меня видеть мир так, как это делают маги?

– Я был с ним. Мы оба знаем тот мир. Если человек знаком с тем миром, то все, что ему требуется, чтобы вызвать его, это использовать то дополнительное кольцо силы, которым, как я тебе говорил, обладают маги. Он занял тебя переворачиванием камней, чтобы отвлечь твои мысли и дать телу возможность увидеть.

Я сказал дону Хуану, что события последних трех дней необратимо разрушили мое представление о мире. Никогда за все десять лет обучения я не был настолько потрясен, даже когда принимал психотропные растения.

– Растения силы – только помощь, – сказал дон Хуан. – Реальное значение имеет лишь осознание телом того, что оно способно видеть. Только тогда человек способен разобраться в том, что мир, на который мы смотрим ежедневно, – лишь описание. Моим намерением было показать тебе это. К сожалению, у тебя осталось очень мало времени до того, как союзник схватит тебя.

– А союзник должен схватить меня?

– Нет способа избежать этого. Для того чтобы видеть, необходимо научиться смотреть на мир так, как это делают маги. Для этого необходимо вызвать союзника. А когда его вызвали, он приходит.

– Не мог бы ты научить меня видеть, не вызывая союзника?

– Нет. Для того чтобы видеть, нужно научиться смотреть на мир каким-нибудь иным способом, а другого способа, кроме магического, я не знаю.

Глава 20. Путешествие в Икстлан

Дон Хенаро вернулся около полудня. По настоянию дона Хуана мы все втроем сели в машину и отправились к горам, в которых я был накануне. Мы прошли по той же тропе, но не остановились на высоком плато, как сделал я, а двинулись дальше в горы. Мы поднимались все выше и выше, пока, наконец, не достигли одной из вершин первой, низкой цепи гор. Потом мы начали спускаться в долину.

На вершине высокого холма мы остановились отдохнуть. Дон Хенаро выбрал место для привала, и я автоматически уселся лицом к ним. Дон Хуан сел справа от меня, дон Хенаро – слева. Таким треугольником мы располагались всегда.

После короткого весеннего ливня чапараль изумительно поблескивал свежей зеленью.

– Хенаро собирается кое-что рассказать тебе, – неожиданно сказал мне дон Хуан. – Он расскажет тебе о том, как впервые встретился со своим союзником. А, Хенаро?

В тоне, которым это было сказано, звучала просьба. Дон Хенаро посмотрел на меня и сложил губы трубочкой. Он завернул язык и принялся открывать и закрывать рот, словно у него были спазмы.

Дон Хуан засмеялся. Я не мог взять в толк, что это означает.

– Что он делает? – спросил я у дона Хуана.

– Он – курица, – ответил тот.

– Курица?

– Смотри на его рот. Это куриная задница, сейчас яйцо вылезет.

Спазматические движения рта дона Хенаро усиливались. Он приоткрывался, словно спазмы расширяли круглое отверстие. Его

взгляд был странным и безумным. В горле у дона Хенаро захрипело и забулькало, он скрестил руки на груди, спрятав под мышками кисти, и довольно беспардонно сплюнул мокроту.

– Черт возьми! Это, оказывается, было не яйцо, – сказал он с озабоченным видом.

Его поза и выражение лица были так комичны, что я не мог удержаться от смеха.

– Теперь, после того, как Хенаро чуть не снес яйцо, он, возможно, расскажет о своем первом свидании с союзником, – настаивал дон Хуан.

– Возможно, расскажет, – равнодушно отозвался дон Хенаро.

Я принялся упрашивать его рассказать.

Он встал, потянулся, хрустнув суставами, снова сел и заговорил:

– Когда я впервые схватил своего союзника, я был очень молод. Я помню, что была вторая половина дня. С рассвета я был на природе и в тот момент возвращался домой. Вдруг из-за куста вышел союзник и преградил мне путь. Он поджидал меня специально для того, чтобы предложить побороться. Я начал было поворачиваться, чтобы уйти, но тут мне пришло в голову, что я достаточно силен и вполне могу завладеть им.

Однако было все равно страшно. По спине пробежали мурашки, шея одеревенела. Кстати, это признак того, что тело готово к борьбе. Я имею в виду шею, которая затвердевает.

Дон Хенаро расстегнул рубашку и показал мне спину. Он напряг мышцы шеи, спины и рук. Я отметил, какая великолепная у него была мускулатура. Казалось, что воспоминание о встрече с союзником привело в тонус каждую мышцу торса дона Хенаро.

– В такой ситуации всегда необходимо закрыть рот, – продолжал он.

Потом он спросил у дона Хуана:

– Правда?

– Да, – спокойно ответил тот. – Когда хватаешь союзника, встряска бывает такой сильной, что можно откусить себе язык или вышибить зубы. Спина должна быть прямой, стоять нужно прочно, буквально вцепившись ступнями в землю.

Дон Хенаро встал и показал правильную стойку: колени слегка согнуты, руки с немного согнутыми пальцами свободно висят по бокам. Казалось, он полностью расслабился, и в то же время стоял он очень устойчиво. Пробыв немного в такой позе, он мощным прыжком неожиданно бросился вперед, словно к пяткам его были приделаны пружины. Движение его было настолько внезапным, что я опрокинулся на спину. Однако в падении у меня было ясное впечатление, что дон Хенаро вроде бы схватил какого-то человека либо нечто, по форме напоминавшее человеческое тело.

Я поднялся и сел. Тело дона Хенаро все еще сохраняло чудовищное напряжение. Потом он внезапно расслабил свои мышцы, вернулся к нам и сел.

– Карлос только что видел твоего союзника, – как бы, между прочим, отметил дон Хуан, – но упал, потому что все еще слаб.

– Правда? – с наигранным простодушием спросил дон Хенаро и раздул ноздри.

Дон Хуан заверил его, что я действительно «видел» союзника.

Дон Хенаро еще раз прыгнул вперед с такой силой, что я опрокинулся набок. Было совершенно непонятно, каким образом он умудрился совершить свой прыжок из положения сидя.

Они оба рассмеялись. Смех дона Хенаро перешел в вой, неотличимый от завывания койота.

– Ты не думай, что тебе придется прыгать так, как прыгает Хенаро. Ты сможешь схватить союзника и без этого, – предупредил

дон Хуан. – Хенаро способен на такие прыжки потому, что ему союзник уже помогает. Тебе же потребуется только прочно стоять на ногах, чтобы выдержать столкновение. Нужно будет принять позу, в которой стоял Хенаро, прежде чем прыгнул первый раз, затем ты должен прыгнуть и схватить союзника.

– Но сперва пусть поцелует медальон, – вставил дон Хенаро.

Дон Хуан с притворной суровостью сообщил, что я не ношу никаких медальонов.

– А что, по поводу его тетрадей, – настаивал дон Хенаро. – Он должен что-нибудь сделать со своими тетрадями. Положить их куда-нибудь до того, как прыгнет, или, может быть, побить ими союзника.

– Черт побери! – изумленно воскликнул дон Хуан. – Я никогда даже ни думал об этом. Могу поспорить – это будет первый раз, когда союзник будет повержен при помощи тетрадей.

Когда дон Хуан прекратил, наконец, хохотать, а дон Хенаро – завывать, настроение у всех нас было прекрасное.

– А что случилось, когда ты схватил своего союзника, дон Хенаро? – спросил я.

– Меня мощно встряхнуло, – после некоторого колебания ответил он.

Казалось, он пытается привести в порядок мысли.

– Я и представить себе не мог, что такое бывает, – продолжал дон Хенаро. – Это было такое, что-то такое... Я даже не могу выразить – какое. Я схватил союзника. Он начал вращаться и закрутил меня. Но я его не отпускал. Мы неслись сквозь воздух, вращаясь с такой скоростью и силой, что я перестал вообще что-либо видеть. Все было туманным. Вдруг я почувствовал, что снова стою на твердой земле. Я осмотрел себя. Союзник меня не убил. Я был цел. Я был самим собой! Я понял, что победил и что теперь у меня есть собственный союзник! Я запрыгал от радости. Какое это было чувство! Какое чувство! Потом я осмотрелся, пытаюсь сообразить, где

я. Все вокруг было мне незнакомо. Я подумал, что союзник, должно быть, унес меня по воздуху далеко от того места, где мы начали возвращаться. Я сориентировался по сторонам света и решил, что дом мой – где-то на востоке. И я пошел на восток. Было еще рано, столкновение с союзником длилось недолго. В скором времени я вышел на тропу, а немного погодя встретил группу мужчин и женщин. Они шли навстречу. Это были индейцы. Я решил, что они из племени масатеков. Они окружили меня и спросили, куда я иду. Я ответил: «Домой, в Икстлан». Один из них спросил: «Ты что, заблудился?» Я спросил в ответ: «Почему ты так решил?» Кто-то из них объяснил: «Потому что Икстлан – в другой стороне. Мы сами туда идем». Потом все заговорили разом; «Присоединяйся к нам! У нас есть еда!»

Дон Хенаро замолчал и посмотрел на меня, как бы ожидая вопроса.

– Ну, и что было дальше? Ты с ними пошел? – спросил я.

– Нет. Не пошел. Потому что они не были настоящими. Я знал это сразу, едва лишь они ко мне подошли. В их голосах, в их дружелюбном отношении и, особенно в том, как они звали меня с собой, было что-то, что их выдавало. И я убежал. Они звали меня, просили вернуться. Их мольбы преследовали меня неотступно, но я не поддавался и убегал все дальше.

– Кем они были?

– Людьми, – ответил отрывисто дон Хенаро. – Но они не были настоящими.

– Они были подобны призракам, – объяснил дон Хуан. – Подобны фантомам.

– Пройдя еще немного, – продолжал дон Хенаро, – я почувствовал некоторую уверенность в себе. Я знал, что Икстлан находится именно там, куда я иду. А потом увидел еще двоих. Они тоже шли навстречу и тоже были вроде бы индейцами-масатеками. Они вели осла, нагруженного дровами.

Они прошли мимо, пробубнив: «Добрый вечер». Они не обратили на меня никакого внимания и пошли дальше. Не останавливаясь, я ответил: «Добрый вечер». Я замедлил шаг и как бы случайно оглянулся. Они шли, не оборачиваясь. Эти вроде бы были настоящими. Я побежал за ними вдогонку, крича: «Постойте! Погодите!» Они придержали осла и остановились по бокам от него, словно готовились защищать свои дрова от посягательств. Я сказал: «Я заблудился в горах, Вы не могли бы подсказать мне, как пройти в Икстлан?» Они махнули в том направлении, куда шли сами. Один из них сказал: «Ты сейчас очень далеко от Икстлана. Он на другой стороне этих гор. Быстрее, чем за четыре-пять дней, не дойдешь». Они повернулись и пошли своей дорогой. Я подумал, что они на самом деле – настоящие индейцы, и попросился к ним в компанию. Мы немного прошли вместе, а потом один из них достал пакет с продуктами и предложил мне немного поесть. Я застыл на месте. В том, как он это сделал, было что-то ужасно странное. Мое тело испугалось, я отскочил и побежал прочь. Они закричали, что я умру один в горах, если не пойду с ними. Они умоляли меня вернуться. Их мольбы тоже навязчиво преследовали меня, но я бежал от них со всех ног. И я пошел дальше. Я знал, что нахожусь на пути в Икстлан, знал, что иду верно, и что призраки просто стараются сманить меня с моего пути. Я встретил еще восьмерых. Но эти, должно быть, сразу поняли, что решение мое негибимо. Они просто молча стояли вдоль дороги, смотрели на меня, и глаза их были наполнены мольбой. Некоторые из них даже показывали мне продукты и разные товары, прикидываясь обычными торговцами у дороги. Я не останавливался. Я даже на них не взглянул. Вечером я пришел в долину, которая показалась мне знакомой. Я решил, что уже, видимо, когда-то в ней бывал. Но если так, то я находился к югу от Икстлана. Я начал искать какие-либо указатели, чтобы точно сориентироваться, и встретил маленького индейского мальчика. Он пас коз. Ему было лет семь, и он был одет в точности так, как я одевался в его возрасте. Он действительно очень напоминал меня самого. Ведь я тоже пас двух отцовских коз. Я некоторое время наблюдал за ним.

Мальчик разговаривал сам с собой, совсем как я в детстве. Потом он заговорил со своими козами. Я понял, что он хорошо пасет коз. Он был аккуратен и осторожен. Он не баловал своих коз, но и не

был с ними жесток. Я решил окликнуть мальчика. Когда я громко заговорил, он вскочил и спрятался от меня за камнями. Он готов был в любой момент броситься наутек, спасая свою жизнь. Он понравился мне. Несмотря на то, что он явно меня испугался, он успел загнать коз туда, где они не были мне видны. Я долго с ним беседовал. Я рассказал, что заблудился в горах и что не знаю, как добраться до Икстлана. Я спросил, как называется то место, где мы находились. Он ответил, и я обрадовался, потому что это было именно то место, которое я думал. Я понял, что мои блуждания закончились, и подивился силе своего союзника, который в мгновение ока занес меня так далеко. Я поблагодарил мальчика и пошел прочь. Он вышел из-за камней и погнал своих коз по едва заметной тропинке куда-то вниз, в долину. Я еще раз окликнул его, и он не стал убегать. Я пошел к нему. Когда я подошел слишком близко, он отпрыгнул в кусты. Я похвалил его за бдительность и начал расспрашивать. Я спросил: «Куда ведет эта тропинка?» Он ответил: «Вниз». Я спросил: «Где ты живешь?» Он ответил: «Там, внизу». Я спросил: «Там много домов?» Он ответил: «Нет, только один». Я спросил: «А где остальные дома?» Мальчик с безразличием, свойственным ему возрасту, указал пальцем в другую сторону долины. Потом он начал спускаться, гоня коз перед собой. «Подожди, – сказал я ему, – я очень устал и хочу есть. Отведи меня к своим родителям». «У меня нет родителей», – ответил маленький мальчик, и от этого меня передернуло. Не знаю, но что-то в его голосе меня насторожило. Заметив, что я колеблюсь, мальчик остановился и повернулся ко мне: «Дома никого нет. Дядя уехал, тетка работает в поле. А в доме полно еды. Полным-полно». Я почувствовал почти печаль. Мальчик тоже оказался призраком. Тон его голоса и рвение, с которым он меня заманивал, выдали его. Меня окружали одни призраки, и они жаждали до меня добраться. Но я не боялся. И в то же время я был все еще не в себе после столкновения с союзником. Я хотел было помешаться на призраках или на союзнике, но мне почему-то не удавалось накрутить себя, как я обычно это делал. Я бросил эту затею. Потом я решил опечалиться, поскольку мальчик мне понравился, но и это мне не удалось. И эту затею я тоже бросил. И тут до меня дошло, что у меня есть союзник, и призраки ничего не в силах со мной сделать. И я пошел вслед за мальчиком по тропинке вниз, в долину. Со всех сторон выскакивали другие призраки, пытаясь заставить меня свалиться в пропасть, но

моя воля была сильнее, чем они. Они, должно быть, это чувствовали, потому что перестали мне докучать. Через некоторое время они просто стояли вдоль моего пути. Время от времени некоторые из них бросались ко мне, но я останавливал их своей волей. А потом они и вовсе оставили меня в покое.

Дон Хенаро надолго замолчал.

Дон Хуан смотрел на меня.

– А что было потом, дон Хенаро? – спросил я.

– Я продолжил путь, – ответил он прозаично.

Казалось, рассказ его окончен, и ему нечего добавить.

Я спросил, говорило ли то, что они предлагали ему пищу, о том, что они – призраки.

Он не ответил. Я допытывался, нет ли у индейцев-масатеков обычая отрицать то, что у них есть еда, или сильно беспокоиться по этому поводу.

Он ответил, что дело не в этом. Тон их голоса, их рвение в попытках его заманить и то, как они говорили о еде, выдавало их. Так же он знал это потому, что союзник помогал ему. Он сказал, что самостоятельно никогда не заметил бы этих особенностей.

– Эти призраки были союзниками, дон Хенаро? – спросил я.

– Нет, они были людьми.

– Людьми? Но ты же сказал, что они были призраками...

– Я сказал, что они более не были настоящими. После встречи с союзником не осталось ничего настоящего.

Мы долго молчали.

– И каким же был конечный результат твоего опыта, дон Хенаро? – спросил я.

– Конечный результат?

– Я хотел сказать: когда и как ты, наконец, добрался до Икстлана?

Они оба расхохотались.

– То есть для тебя это был бы конечный результат, – произнес дон Хуан. – Пусть так. В таком случае путешествие Хенаро не имело конечного результата. У него никогда не будет конечного результата. Хенаро все еще находится на своем пути в Икстлан!

Дон Хенаро пронзительно взглянул на меня, а потом отвернулся и стал смотреть на юг, вдаль.

– Я никогда не дойду до Икстлана, – твердо, но очень-очень тихо, едва слышно проговорил он. – Однако в своих чувствах... В своих чувствах, иногда, я думаю, что нахожусь в одном шаге от того, чтобы достигнуть его. Однако я никогда не дойду до него. На моем пути не попадается даже ни одного знакомого ориентира, из тех, что я знал раньше. Ничто больше не бывает прежним, ничто не осталось тем же самым.

Дон Хуан и дон Хенаро переглянулись. В их взглядах было что-то очень печальное.

– И только призрачные путники встречаются мне по пути в Икстлан, – мягко сказал дон Хенаро.

Я посмотрел на дона Хуана. Мне было не понятно, что дон Хенаро имеет в виду.

– Все, кого встречает Хенаро по пути в Икстлан – лишь эфемерные существа, – объяснил дон Хуан. – Взять, например, тебя. Ты тоже – лишь призрак. Твои чувства и рвение те же, что у людей. Поэтому он говорит, что в своем путешествии в Икстлан встречает лишь призрачных путников.

Я внезапно осознал, что путешествие дона Хенаро было метафорическим.

– То есть твое путешествие в Икстлан – не настоящее? – спросил я.

– Путешествие – настоящее! – возразил дон Хенаро. – Путники – не настоящие.

Он кивнул в сторону дона Хуана и выразительно произнес;

– Вот он – настоящий. Только он один. Только когда я с ним, мир реален.

Дон Хуан улыбнулся:

– Хенаро рассказал тебе свою историю, потому что вчера ты остановил мир. Он думает, что ты также и видел. Но ты такой глупец, что не знаешь этого. И я продолжаю говорить ему, что ты очень странный, но все равно рано или поздно ты увидишь. В любом случае, в следующий раз, когда ты увидишь союзника, если такое, конечно, случится, ты должен будешь вступить с ним в борьбу и его покорить. Если ты переживешь это потрясение, а я в этом ни минуты не сомневаюсь, так как ты силен и живешь жизнью воина, ты обнаружишь себя живым на незнакомой земле. Затем, как это естественно для всех нас, первым, чего ты захочешь, будет начать свой обратный путь в Лос-Анджелес. Но нет способа отправиться обратно в Лос-Анджелес. То, что ты оставил там, – потеряно навсегда. К тому времени ты, несомненно, уже станешь магом. Но это тебе не поможет. В той ситуации для любого из нас имеет значение лишь тот факт, что все, что мы любили и что ненавидели, все, чего желали, все это осталось позади. Но чувства человека не умирают и не меняются. Поэтому маг отправляется в долгий путь домой, зная, что никогда не дойдет до него, зная, что на земле нет силы, способной возратить его в те места и к тем людям, которых он любил. Этого не может сделать даже смерть. Вот о чем Хенаро тебе рассказал.

Объяснение дона Хуана сработало наподобие катализатора. Я соотнес рассказ дона Хенаро со своей жизнью, и он оказал на меня свое воздействие.

– А как же те люди, которых я люблю? – спросил я у дон Хуана. – Что будет с ними?

– Они останутся позади.

– Есть ли способ их вернуть? Может, я могу спасти их и взять с собой?

– Нет. Союзник закрутит тебя в неведомые миры. Только тебя одного.

– Но я же могу поехать в Лос-Анджелес! Могу ведь, да? Купить билет на автобус или на самолет и вернуться. Ведь Лос-Анджелес останется там же, где был, верно?

– Безусловно, – засмеялся дон Хуан. – И Мантека, и Темекула, и Туксон.

– И Тэкатэ, – очень серьезно добавил дон Хенаро.

– И Пьедрас Нэграс, и Транкитас, – с улыбкой сказал дон Хуан.

Дон Хенаро добавил еще несколько названий, дон Хуан – еще, и так они все перечисляли и перечисляли замысловатые и смешные названия городов и поселков.

– Когда союзник закружит тебя, изменится твое представление о мире, – сказал дон Хуан. – А это представление является всем. Изменится оно – изменится сам мир.

Он напомнил мне стихотворение Хуана Рамона Хименеса, которое я когда-то ему читал, и попросил прочесть его еще раз. Он имел в виду «Решающее путешествие». Я прочел: ✧

– Это – то чувство, о котором говорит

*...И я уйду, а птица будет петь оставшись;
Как и мой сад с его зеленым деревом,
С его колодцем.
Много раз послеполуденные небеса будут голубыми
и мирными,
И колокола будут звенеть на колокольне,
Как звенят сегодня после полудня.
Люди, любившие меня, умрут,
И город будет обновляться каждый год.
Но мой дух всегда будет ностальгически бродить
В том же темном углу моего цветущего сада.*

Хенаро, – сказал дон Хуан. – Только страстный человек может быть магом. А у страстного человека всегда есть земные привязанности и вещи, которые ему дороги; а если нет ничего другого, то хотя бы та тропинка, по которой он ходит. Рассказ Хенаро – о том, что свою страсть он оставил в Икстлане. Дом, людей, все то, что он любил. И теперь он скитается в своих чувствах. Иногда, как он говорит, ему почти удастся добраться до Икстлана. И это – общее для всех нас. У Хенаро – Икстлан, у тебя – Лос-Анджелес, у меня...

Мне не хотелось, чтобы дон Хуан рассказывал о себе. Он замолчал, словно читая мои мысли.

Хенаро вздохнул и перефразировал первые строки стихотворения:

...И я ушел. А птицы все поют оставшись.

На мгновение страдание охватило меня, и на всех нас снизошло чувство невыразимого одиночества. Я смотрел на дона Хенаро и знал, что у него, как у человека страстной натуры, должно было быть так много сердечных связей, так много вещей, которые он любил и оставил позади. Я ясно ощущал, что сила его воспоминаний вот-вот вырвется из-под контроля, и что он был на грани слез.

Я поспешно отвел глаза. Страстность дона Хенаро, абсолютность его одиночества довели меня до слез.

Я взглянул на дона Хуана. Он пристально смотрел на меня.

– Только воин способен выжить на пути знания, – сказал он. – Ибо искусство воина состоит в том, чтобы уравновесить ужас того, что он является человеком, и изумление от того, что он является им.

Я внимательно посмотрел на них; сначала – на одного, потом – на второго. Их глаза светились ясностью и умиротворением. Они вызвали волну всепоглощающей ностальгии, но когда, казалось, от того, чтобы разрыдаться, их отделяло какое-то мгновение, они остановили эту волну. На мгновение мне показалось, что я вижу. Я видел одиночество человека. Оно было гигантской волной, замершей передо мной, сдерживаемой этой метафорой.

Печаль моя была настолько огромной, что я почувствовал эйфорию. Я обнял их.

Дон Хенаро улыбнулся и встал. Дон Хуан тоже встал и мягко положил руку мне на плечо.

— Мы оставим тебя здесь, — сказал он. — Поступай, как считаешь нужным. Союзник будет ждать тебя на краю вон той равнины.

И он указал на темную долину, простиравшуюся вдалеке.

— Но если ты почувствуешь, что твое время еще не пришло, — не ходи к нему, — продолжал он. — Ни к чему торопить события, это ничего не даст. Если ты хочешь выжить, ты должен быть кристально чистым и абсолютно уверенным в себе.

И дон Хуан, не оглядываясь, пошел прочь. Дон Хенаро пару раз обернулся и, подмигивая, кивнул мне: иди. Я смотрел, как они исчезают вдали, а потом пошел к машине, сел в нее и уехал. Ибо знал, что время для меня еще не настало.

